

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
политика, экономика, право**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 5 (106)

2022

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Politics, Economics, Law**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 5 (106)

2022

ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

2022, № 5 (106)
Основан в 2007 г.

Научный журнал «Общество: политика, экономика, право» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (опубликован на официальном сайте ВАК 01.12.2015), в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863) по политическим (23.00.01, 5.5.2, 23.00.03, 5.5.4, 23.00.05, 23.00.06), экономическим (08.00.05, 5.2.5), юридическим (12.00.01, 12.00.08, 12.00.12, 12.00.14) наукам.

Журнал «Общество: политика, экономика, право» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 26.11.2010 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-42798.

Журнал «Общество: политика, экономика, право» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Меретуков Гайса Мосович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по политологии:

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета, председатель Краснодарского регионального отделения Российской ассоциации политической науки,

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и политологии, заведующий лабораторией этнокультурных проблем НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета,

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, ученый секретарь диссертационного совета 23.01.05 Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина,

Кондраль Дмитрий Петрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, истории и философии Ухтинского государственного технического университета,

Коньшев Валерий Николаевич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета,

Кузьмин Александр Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и психологии Института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина,

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета,

Матвеева Елена Викторовна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета,

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Савинов Леонид Вячеславович, доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Узнародов Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник лаборатории социологии отдела общественных наук Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук,

Яковлев Максим Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

– по экономическим наукам:

Бухвальд Евгений Моисеевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики Российской академии наук,

Вукович Галина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия, регионального и кадрового менеджмента Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Кубани, академик Российской академии естественных наук,

Ефремова Татьяна Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,

- Жариков Михаил Вячеславович, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента мировых финансов факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
- Зыкова Наталья Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления Северного государственного медицинского университета,
- Кузнецов Николай Владимирович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, заведующий кафедрой статистики Государственного университета управления, директор Центра стратегического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
- Линецкий Александр Федорович, доктор экономических наук, доцент, Екатеринбург,
- Максанова Людмила Бато-Жаргаловна, доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, заслуженный экономист Республики Бурятия,
- Машин Дмитрий Васильевич, кандидат экономических наук, приглашенный преподаватель, член Государственной экзаменационной комиссии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, эксперт в области развития бизнес технологий в крупных сетях общественного питания,
- Миролюбова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, технологий бизнеса и гуманитарных дисциплин, руководитель Центра научных исследований Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
- Митрофанова Инна Васильевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, профессор кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета,
- Назаров Дмитрий Михайлович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета, эксперт РАН, эксперт Рособнадзора,
- Никулкина Инга Владимировна, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры экономики и финансов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
- Новикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Осиновская Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент в отраслях ТЭК» Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета,
- Сигал Анатолий Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бизнес-информатики и математического моделирования Физико-технического института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заслуженный работник образования Республики Крым,
- Стовба Евгений Владимирович, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры информатики и экономики, Бирский филиал Башкирского государственного университета,
- Травкина Елена Владимировна, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
- Харланов Алексей Сергеевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической Академии МИД России,
- Хромова Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
- Чернова Елена Викторовна, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
- Шабанов Виктор Леннарович, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук; профессор кафедры социальной информатики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
- Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского университета дружбы народов, президент Ассоциации юридического образования РФ,
- по юридическим наукам:**
- Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета,
- Бахновский Александр Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
- Белогорцева Христина Вячеславовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных и финансово-правовых дисциплин Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний,
- Бородинова Татьяна Геннадьевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
- Волкова Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,

Воронцова Ирина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия,
Глухарева Людмила Ивановна, доктор юридических наук, доцент, Москва,
Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук,
Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Лукожев Хусен Манаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета,
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия,
Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук,
Нефёдов Борис Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии,
Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета,
Сапфинова Аполлинария Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Цареградская Юлия Константиновна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и арбитражного процесса Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Чернядьева Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия,
Швец Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, заслуженный юрист Кубани,
Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского университета дружбы народов, президент Ассоциации юридического образования РФ,
Яшин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Правоохранительная деятельность» Пензенского государственного университета,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),
Буквич Райко, доктор экономических наук, (Республика Сербия),
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,
Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, профессор, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), член-корреспондент Философской Академии Армении (Республика Армения),
Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),
Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),

Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, академик Института экономики и системного анализа развития сельского хозяйства Таджикской академии сельскохозяйственных наук (Республика Таджикистан),
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),
Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),
Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),
Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, директор Центра евразийских исследований, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета (Киргизская Республика),
Христовозова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвирун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Гаспарян Кристина Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Ситникова Ольга Валериевна
Невзорова Наталья Викторовна
Тюлюкова Мария Олеговна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Аракелян Нина Сергеевна
Невзорова Наталья Викторовна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: POLITICS, ECONOMICS, LAW

**2022, No. 5 (106)
Founded in 2007**

The journal "Society: Politics, Economics, Law" is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications, which should present the main results of theses for the PhD and D.Phil. degrees (published on the official website of Higher Attestation Commission on December 01, 2015) in accordance with the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 as amended by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June, 03 2015 (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 under the registration no. 33863) on political, economic, legal sciences.

The journal "Society: Politics, Economics, Law" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on November 26, 2010. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-42798.

The journal "Society: Politics, Economics, Law" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Meretukov Gaisa Mosovich, L.L.D., Professor, Head of the Criminalistics Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,

EDITORIAL BOARD:

– political sciences:

Baranov Andrey Vladimirovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Political Science, Professor, Head of the Political Science and Political Management Department, Kuban State University, Chairman of the Krasnodar Regional Branch of the Russian Association of Political Science,

Zhade Zuriet Anzaurovna, D.Phil. in Political Science, Professor, Head of the Theory and History of State and Law and Political Science Department, Head of the Laboratory for Ethnocultural Problems, Research Institute for Complex Problems, Adygea State University,

Kerimov Alexander Alievich, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Scientific Secretary of the Dissertation Committee of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin,

Kondral Dmitry Petrovich, PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Records Management, History and Philosophy, Ukhta State Technical University,

Konyshchev Valery Nikolayevich, D.Phil. in Political Science, PhD in History, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University,

Kuzmin Alexander Gennadievich, PhD in Political Science, Associate Professor, Social Work and Psychology Department, Institute of Social Technologies, Syktyvkar State University,

Leksyutina Yana Valeryevna, D.Phil. in Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of American Studies, St. Petersburg State University,

Matveeva Elena Viktorovna, D.Phil. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences Department, Kemerovo State University,

Morozov Ilya Leonidovich, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),

Savinov Leonid Vyacheslavovich, D.Phil. in Political Science, Associate Professor, Dean of the School of State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Uznarodov Dmitry Igorevich, PhD in Political Science, Research Fellow of the Laboratory of Sociology of the Department of Social Science, Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

Yakovlev Maksim Vladimirovich, D.Phil. in Political Science, Professor, Philosophy of Politics and Law Department, School of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,

– economic sciences:

Bukhvald Evgeny Moiseevich, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Head of the Centre of Federative Relations and Regional Development, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,

Vukovich Galina Grigoryevna, D.Phil. in Economics, Professor, Head of the Enterprise Economics, Regional and Human Resource Management Department, Kuban State University, Honored Scientist of Kuban Region, Member of the Russian Academy of Natural Sciences,

Efremova Tatiana Aleksandrovna, D.Phil. in Economics, Professor, Finance and Credit Department, Mordovia State National University,

Zharikov Mikhail Vyacheslavovich, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Professor, Department of World Finance of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation,

- Zykova Natalya Valeryevna, PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Economics and Management Department, Northern State Medical University,
- Kuznetsov Nikolay Vladimirovich, D.Phil. in Economics, PhD in Technical Science, Head of Statistics Department, State University of Management, Director, Centre for Strategic Forecasting and Planning, Financial University under the Government of the Russian Federation,
- Linetsky Aleksandr Fyodorovich, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Ekaterinburg,
- Maksanova Lyudmila Bato-Zhargalovna, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Senior Research Fellow, Baikal Institute of Nature Management, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Honored Economist of the Republic of Buryatia,
- Mashin Dmitry Vasilievich, PhD in Economics, Guest Lecturer, Member of the State Examination Commission of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Expert in the Field of Business Technology Development in Large Catering Chains,
- Mirolubova Anastasia Aleksandrovna, D.Phil. in Economics, Professor, Management Department, Business Technologies and Humanities Disciplines, Head of the Scientific Research Centre, Ivanovo branch of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov,
- Mitrofanova Inna Vasilyevna, D.Phil. in Economics, Professor, Chief Research Fellow, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor, Economic Theory, Global and Regional Economics Department, Volgograd State University,
- Nazarov Dmitry Mikhailovich, D.Phil. in Economics, Head of the Business Informatics Department, Ural State Economic University, RAS Expert, Federal Education and Science Supervision Service Expert,
- Nikulkina Inga Vladimirovna, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Professor, Taxes and Tax Administration Department, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Economics and Finance Department, North-Eastern Federal University,
- Novikova Irina Viktorovna, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Professor, Economic and Financial Strategy Department, Moscow School of Economics, Leading Research Fellow, Center for Strategic Studies, Institute of Complex Systems Mathematical Research, Lomonosov Moscow State University,
- Osinovskaya Irina Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Fuel Energy Complex Management Department, Institute of Service and Branch Management, Industrial University of Tyumen,
- Sigal Anatoly Viktorovich, D.Phil. in Economics, Professor, Department of Business Informatics and Mathematical Modelling, Physics and Technology Institute, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Honoured Educator of the Republic of Crimea,
- Stovba Evgeny Vladimirovich, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Informatics and Economics Department, Birk Branch of Bashkir State University,
- Travkina Elena Vladimirovna, D.Phil. in Economics, Associate Professor, Professor, Banking and Financial Markets Department, Financial University under the Government of the Russian Federation,
- Kharlanov Aleksei Sergeyevich, D.Phil. in Economics, PhD in Technical Science, Associate Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
- Khromova Irina Nikolayevna, PhD in Economics, Assistant Professor, Accounting Department, Kuban State Agrarian University,
- Chernova Elena Viktorovna, D.Phil. in Economics, PhD in Technical Science, Professor, Department of Hotel and Catering Business, Saint Petersburg State University of Economics,
- Shabanov Viktor Lennarovich, D.Phil. in Social Science, PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Social Informatics, Saratov State University,
- Yastrebov Oleg Aleksandrovich, LL.D, D.Phil. in Economics, Professor, Rector, Head of the Administrative and Financial Law Department, RUDN University, President of Association of Legal Education of the Russian Federation,
- legal sciences:**
- Adygezalova Gulnaz Eldarovna, LL.D, Assistant Professor, Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Professor, Theory and History of State and Law Department, Kuban State University,
- Bahnovsky Aleksandr Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, International Law Department, North Caucasus branch of the Russian State University of Justice,
- Belogortseva Khristina Vyacheslavovna, LL.D, Professor, Humanities and Finance and Law Sciences Department, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Central branch of Russian State University of Justice,
- Borodinova Tatyana Gennadyevna, LL.D, Associate Professor, Head of the Criminal Procedure Law Department, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,
- Volkova Viktoria Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor, Administrative and Financial Law Department, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,
- Vorontsova Irina Viktorovna, LL.D, Professor, Civil Procedure Law Department, Kazan branch of Russian State University of Justice,
- Glukhareva Lyudmila Ivanovna, LL.D, Associate Professor, Moscow,
- Gorban Vladimir Sergeevich, LL.D, Chief Research Fellow, Sector of Legal Philosophy, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center of Philosophic and Legal Research, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,

Komarov Igor Mikhaylovich, LL.D, Professor, Head of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University,
Lukozhev Khusen Manaevich, PhD in Law, Associate Professor, Criminal Procedure Department, Kuban State University,
Misnik Galina Anatolyevna, LL.D, Professor, Land and Environmental Law Department, Russian State University of Justice,
Mikhailova Ekaterina Vladimirovna, LL.D, Associate Professor, Chief Research Fellow, Acting Head of the Procedural Law Section, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Nefedov Boris Ivanovich, LL.D, Professor, Deputy Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor at the Department of International Relations, School of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics",
Podroykina Inna Andreevna, LL.D, Professor, Criminal Law Disciplines Department, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
Prokhorova Marina Leonidovna, LL.D, Professor, Criminal Law and Criminal Studies Department, Kuban State University,
Sapfirova Apollinaria Aleksandrovna, LL.D, Associate Professor, Head of the Land, Labour and Ecological Law Department, Kuban State Agrarian University,
Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Tsaregradskaya Yulia Konstantinovna, LL.D, Associate Professor, Civil Law and Arbitration Process Department, Odintsovo branch, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Professor, Financial Law Department, Kutafin Moscow State Law University,
Chernyadyeva Natalya Alekseevna, LL.D, Associate Professor, Professor, State Legal Disciplines Department, Crimea Branch of Russian State University of Justice,
Shvets Sergey Vladimirovich, LL.D, Professor, Criminalistics Department, Kuban State Agrarian University, Honored Lawyer of Kuban Region,
Yastrebov Oleg Aleksandrovich, LL.D, D.Phil. in Economics, Professor, Rector, Head of the Administrative and Financial Law Department, RUDN University, President of Association of Legal Education of the Russian Federation,
Yashin Andrey Vladimirovich, LL.D, Professor, Law Enforcement Department, Penza State University,
INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:
Abrahamyan Vagram Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),
Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics (the Republic of Serbia),
Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),
Gao Tianming, PhD in Economics, Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),
Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),
Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (the Republic of Armenia),
Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),
Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),
Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Academician, Institute of Economics and System Analysis of Agricultural Development, Tajik Academy of Agricultural Sciences (the Republic of Tajikistan),
Pogosyan Gevork Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),
Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),
Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),
Khanov Talgat Akhmatzievich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda University of Kazpotreboyz (the Republic of Kazakhstan),
Khopyorskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, Director of the Centre for Eurasian Studies, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),
Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),
Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),

Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadiyevna

EXECUTIVE EDITOR:

Gasparyan Kristina Andreevna

EDITORS:

Sitnikova Olga Valeryevna

Nevzorova Natalya Viktorovna

Tyulyukova Maria Olegovna

TRANSLATORS:

Arakelyan Nina Sergeevna

Nevzorova Natalya Viktorovna

Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ПОЛИТИКА	12	POLITICS
<i>Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г.</i> Идея «либерального образования» и современный университет: от исследовательского к предпринимательскому	12	<i>Binkovskaya, L.N., Maltsev, K.G.</i> The idea of «Liberal Education» and a modern university: from the research to the entrepreneurial)
<i>Морозов И.Л.</i> Обыватель versus бунтарь в идеологии радикальных протестных субкультур (на примере НБП Эдуарда Лимонова).....	25	<i>Morozov, I.L.</i> hilistine versus rebel in the ideology of radical protest subcultures (on the example of Eduard Limonov's NBP)
<i>Эпштейн В.А., Сагитова Р.Р.</i> Влияние Брекзита на развитие сепаратистских настроений в Шотландии и Северной Ирландии	31	<i>Epshtein, V.A., Sagitova, R.R.</i> The impact of Brexit on the development of separatist sentiments in Scotland and Northern Ireland
<i>Ковшов М.А.</i> Сетевая политическая коммуникация глав субъектов РФ и региональных органов исполнительной власти.....	38	<i>Kovshov, M.A.</i> Networked political communication by heads of constituent entities of the Russian Federation and regional executive authorities
<i>Николаева М.В., Шестакова А.А.</i> Дискурсивные поля политических партий в информационном онлайн-пространстве в период электорального цикла 2021 года	43	<i>Nikolaeva, M.V., Shestakova, A.A.</i> Discursive fields of political parties in the online space during the electoral cycle of 2021
<i>Хао Ван</i> Геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь»	50	<i>Hao Wang</i> Geopolitical factors in shaping Russia's approaches to the Chinese Belt and Road Initiative
<i>Коневских О.В.</i> Балтийская ассамблея: дискурс и ее роль на современном этапе	55	<i>Konevskikh, O.V.</i> Baltic Assembly: discourse and its role at the present stage
ЭКОНОМИКА	60	ECONOMICS
<i>Четыркина Н.Ю., Стародубцева Е.Д.</i> Перспективы применения смарт-стандартов на промышленном предприятии	60	<i>Chetyrkina, N.Yu., Starodubtseva, E.D.</i> Possibilities of employment smart standards at production enterprise
<i>Щербакова Д.В., Мамедгулиев Р.И.</i> ESG-трансформация как фактор инновационного управления компанией сферы железнодорожного транспорта	66	<i>Shcherbakova, D.V., Mamedguliev, R.I.</i> ESG-transformation as a factor of innovative management of a railway transport company
ПРАВО	73	LAW
<i>Слободнюк С.Л.</i> Утопия свободной теократии и русская правовая мысль начала XX в. (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.Н. Толстой, Е.И. Замятин)	73	<i>Slobodnyuk, S.L.</i> Free theocracy utopia and Russian legal thought in the early XX th century (V.S. Solovyev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Tolstoy, E.I. Zamyatin)
<i>Морозков В.А.</i> Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе	77	<i>Morozkov, V.A.</i> Regulation of firearms civil circulation in Russia in historical and legal retrospective
<i>Афанасьев Д.А.</i> Ответственность за неспортивное поведение: аргументы «за» и «против» (решение CAS по делу БК «Арсенал»)	86	<i>Afanasev, D.A.</i> The liability for lack of sportsmanship, for and against: CAS decision on BC Arsenal case

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 12–24.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 12–24.

Научная статья

УДК 323.21+316.75

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.1>

Идея «либерального образования» и современный университет: от исследовательского к предпринимательскому

Лариса Николаевна Биньковская¹, Константин Геннадьевич Мальцев²

^{1,2}Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова,
Белгород, Россия

¹larisa.bankovskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-5447>

²pavic69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

Аннотация. Синтез немецкой модели исследовательского университета (в версии В. фон Гумбольдта) и английской идеи «либерального образования» (Дж. Ньюмен) определял понятие и действительность «западного университета» до середины XX века. Изменение характера научного знания в сторону «технизации» и превращение его в рыночный товар обусловили изменение формы и содержания университета и превращение его из «башни из слоновой кости» – в корпорацию (Б. Риддингс, Б. Кларк), производящую товары: практическое знание и человеческий капитал; в фабрику по производству технического знания (М. Хайдеггер). «Либеральное образование» становится анахронизмом, что сопровождается политическими рисками: «человеческий капитал» лишен гражданственности, необходимой (М. Нуссбаум, С. Коллини) для существования либерального политического порядка как на уровне государства, так и на глобальном уровне. В статье выясняются основные способы преодоления ситуации, раскрываются последствия ее сохранения и развития, а также содержание политизаций (У. Бек) дискурса университета для прививки современному университету как корпорации «либерального образования».

Ключевые слова: университет, исследовательский университет, «либеральное образование», политизация, профессионализация, университет как корпорация

Для цитирования: Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Идея «либерального образования» и современный университет: от исследовательского к предпринимательскому // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 12–24. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.1>.

Original article

The idea of «Liberal Education» and a modern university: from the research to the entrepreneurial

Larisa N. Binkovskaya¹, Konstantin G. Maltsev²

^{1,2}Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

¹larisa.bankovskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-5447>

²pavic69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

Abstract. The synthesis of the German model of the research university (in W. von Humboldt's version) and the English idea of "liberal education" (J. Newman) defined the concept and reality of the "western university" until the mid-twentieth century. Changing nature of scientific knowledge towards "technicalization" and its transformation into a marketable commodity caused the form and content of the university and transformed it from an "ivory tower" into a corporation (B. Riddings, B. Clark) producing goods: practical knowledge and human capital; a technical knowledge factory (M. Heidegger). "Liberal education" becomes an anachronism, which is accompanied by political risks: "human capital" is deprived of the citizenship necessary (M. Nussbaum, S. Collini) for the existence of a liberal political order both at the state level and at the global level. The article elucidates the main ways of overcoming the situation, revealing the consequences of its persistence and development, as well as the content of politicization (W. Beck) of university discourse to inoculate the modern university as a corporation of "Liberal Education".

Keywords: university, research university, «Liberal Education», politicization, professionalization, university as a corporation

For citation: Binkovskaya, L.N. & Maltsev, K.G. (2022) The idea of «Liberal Education» and a modern university: from the research to the entrepreneurial. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 12–24. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.1](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.1) (In Russian).

Введение. При перечислении «геополитических преимуществ» Запада в целом и США как «лидера» «свободного мира», а также наиболее значимых инструментов «мягкой силы», посредством которых отдельные страны стремятся «сделать мир более демократичным», З. Бжезинский (1998) всегда называл американские университеты; не будет преувеличением сказать, что в этом утверждении *представлен* устоявшийся *консенсус* «либеральной метафизики» (К. Шмитт (2016a)), соответствующей идеологии и политической мысли. Примерно в середине XIX века на «американскую почву» была перенесена модель немецкого «исследовательского университета», модернизированная и «творчески развитая» применительно к специфическим условиям либеральной демократии так, что университет включается большинством исследователей в число «основ» американской традиции и *политического порядка*. Сложнее обстоит дело с английскими университетами (не говоря уже о континентально-европейских), однако при всех имеющихся различиях в их организации суждение, что университет и «либеральная традиция» *существенно* связаны, то есть так, что одно не может существовать без другого, *релевантно* для всех без исключения *позиций* в отношении университета, кроме последовательной глобалистской (исключение при этом сопровождается рядом оговорок о «безусловной ценности» и необходимости «сохранения» либеральной университетской традиции). Концептуальной основой указанного единства мнений является понятие «либерального образования», впервые определенное кардиналом Дж.Г. Ньюменом (2006) в цикле статей «Идея университета» еще в середине XIX века. Вместе с тем в последние 30 лет все большее число исследователей, профессионально занимающихся высшим образованием, университетом как «гражданским институтом», равно как и профессора самых разных направлений научного знания (чаще гуманитарии, но не только) высказывают опасения, что «университет находится под угрозой» и едва ли не «уничтожается» современным «реформированием»: исследовательский университет последовательно превращается в предпринимательский, и в процессе такого преобразования утрачивается именно *либеральное основание высшего образования*. Последнее мыслится не только как «угроза самому университету» как *месту науки*, но и как *политический вызов* самому либеральному политическому порядку, который лишается одной из своих существенных *опор*. Университет как социальный институт и философский конструкт становится, таким образом, темой *политических дискуссий*. Однако в политическом дискурсе университета можно *не удерживать его понятие* – именно оно является *предметом* нашего исследования в указанных связях и *определенной* перспективе.

Задачи настоящей статьи устанавливались исходя из *социального места* современного университета, взятого как «метафизическое/радикальное понятие» (К. Шмитт (2016b)), в *действительности*, определенной основоположениями «либеральной метафизики» и в *аспекте политического*. Мы стремились: во-первых, выявить *необходимость* преобразования исследовательского университета в предпринимательский в горизонте либеральной версии экономической парадигмы политического (термин Дж. Агамбена (2018)) и *продемонстрировать*, что названное преобразование является *сутью становления собственной формы* университета в *действительности* данной парадигмы; во-вторых, определить обусловленные этим для либерального политического порядка *риски*; в-третьих, *связать* ключевые признаки предпринимательского университета с *основоположениями* «либеральной метафизики», определяющими то, что М. Хайдеггер называл *современностью* (Хайдеггер, 2020: 50) (то есть представить университет, имея в виду *современный*, а не тот, который называют *классическим*, и то, что между ними *нет существенной связи*, университет осознается как «радикальное понятие», в котором *совмещаются реальное и действительное* посредством *выведения* этого понятия из *господствующей парадигмы* современного Запада). Речь идет, таким образом, об *исследовании понятия*, методологический инструментарий которого разработан в первую очередь в философской герменевтике.

Понятие либерального образования и идея университета. Первым шагом к решению поставленных задач мы полагаем выявление основного содержания понятия либерального образования в *его начале*, то есть так, как оно определяется Дж. Ньюменом; необходимость обращения к *началу*, помимо философских оснований (*ἀρχή* – у греков) может быть подкреплена дополнительно тем, что, как мы уже сказали, к Ньюмену постоянно апеллируют те, кто пытается «защитить» университет от «разрушительной сиюминутности», представляющейся как «экономическая необходимость» и «требование эффективности» (*ultima ratio* «экономической парадигмы»).

Во вступлении к своим лекциям об университете Ньюмен сразу определяет, что «в основу» их им «положен следующий взгляд на университет»¹: «Университет – место преподавания универсального знания» (Ньюмен, 2006: 10), то есть цель его – «интеллектуальная, а не духовная» (Ньюмен, 2006: 10). Будучи знаком с организацией науки своего времени, Ньюмен добавляет также, что

¹ У Ньюмена почти всегда это слово пишется с заглавной буквы.

различие между собственно «приращением знания», «ростом науки» и «распространением и продвижением знания» следует учитывать при планировании университета: преподавание – это «общение с внешним миром», «размышление» и «эксперимент», оно «требуется уединения» (Ньюмен, 2006: 13–14); «исследовать и обучать – разные задачи, предполагающие разные таланты» (Ньюмен, 2006: 13), «величайшие умы» «имели своеобразные привычки и в той или иной мере избегали лекционных залов и учебных заведений» (Ньюмен, 2006: 13). То есть можно подумать, что ньюменовский идеал не собственно «исследовательский университет», однако не следует торопиться с этим выводом: особенности организации науки и университетского преподавания в то время еще сохраняли, и то лишь отчасти, разделение между «академиями» и «университетами» (о которых писал, например, Шлейермахер (2018)), но это разделение не было *существенным* и довольно быстро сошло на нет (кстати, не в последнюю очередь по «экономическим причинам»: научные исследования все больше требовали специального оборудования и финансирования, и удобнее было «пристраивать» лаборатории именно при университетах; это стало давать преимущество и при подготовке студентов, которые вовлекались в исследовательскую работу «на месте»).

Тем не менее университет мыслится Ньюменом именно как *место науки*, во всяком случае в той степени, в какой его главная задача – воспитание, культура интеллекта (Ньюмен, 2006: 11) – не могла быть достигнута иначе, чем в непосредственном приобщении к *форме* научного знания и усвоении *содержаний* все более различающихся научных дисциплин.

Еще одно возможное недоразумение может быть связано с тем, что в том же введении к своим лекциям Ньюмен утверждает, что университетское образование, основанное на науке, ведет не к формированию определенного конструкта по «тому или иному ограниченному и фантастичному образцу, каковым может быть назван, например, так величаемый Английский Джентльмен», а к «развитию и укреплению определенных склонностей человека – нравственных и умственных» (Ньюмен, 2006: 11); в другом месте: «Нам недостает не манер и душевных качеств Джентльмена», которые можно приобрести «множеством иных способов», а «энергичности, стойкости, разносторонности и гибкости интеллекта, власти над своими способностями, мгновенного схватывания сути происходящего, то есть всего того, что иногда даровано от природы, но обыкновенно приобретается лишь усердием и многолетними упражнениями» (Ньюмен, 2006: 15). Но дальше он утверждает: «Либеральное образование формирует... Джентльмена. Хорошо быть Джентльменом» (Ньюмен, 2006: 113), – и определяет соответствующие человеческие качества как цель либерального образования: «Хорошо обладать развитым интеллектом, а также тонким вкусом, прямоотой, беспристрастностью духа, возвышенностью и обходительностью в образе жизни – это все закономерные качественные особенности обширного знания» (Ньюмен, 2006: 113), и они «выступают предметами университета, который я отстаиваю» (Ньюмен, 2006: 113). Интеллектуальная культура, основанная на знании, не есть добродетель: «Знание – это одно, добродетель – это другое» (Ньюмен, 2006: 113); знания могут «оказаться у личности мирской, распушенной, бессердечной» (Ньюмен, 2006: 113); задачей либерального образования является не стремление «сделать человека совершенней» в нравственном отношении, но воспитание такой личности, чтобы перечисленные пороки оказались ей чужды (можно сказать, что в отношении нравственности либеральное образование имеет отрицательную, предохраняющую и гигиеническую, функцию).

Но интеллектуальная добродетель непосредственно связана с основанным на знании образованием. Эта традиция была жива во времена Ньюмена; более того, если можно говорить об «английской науке» (а на этом настаивает, например, современный исследователь Л. Гринфельд (2012), отмечая даже ее преимущество над континентальной), то сводится она по традиции, идущей от Ф. Бэкона, к утверждению неразрывной связи *честного* интеллектуального поиска и *нравственных*, то есть именно «джентльменских», качеств, которыми должен быть наделен ученый.

Б. Латур в работе «Нового времени не было» (Латур, 2006) выражает «странный взгляд», что ученый согласно этой традиции «должен быть джентльменом»; однако если полагать, что модель научного исследования *королевский адвокат* Ф. Бэкон выстраивал по аналогии с *судебным процессом* (Бэкон, 1946), в котором исследователи выступают как *свидетели/очевидцы*, на основании «показаний» которых и их «частных» *наблюдений* («частноутвердительные суждения») совершается невозможный с точки зрения формальной логики, но *действительный* (как вынесение приговора: применение общей нормы к частному случаю) переход к общеутвердительному суждению общего закона (от «наблюдений» к «законам природы»: индукция), то *нравственные качества* таких «свидетелей в процессе» имеют *существенное значение*, исходя из квалификации которых в числе прочего суд принимает во внимание и ранжирует по степени доверия их свидетельские показания: в английском суде *доверяют* джентльменам и их показаниям отдают преимущество перед прочими. Интеллектуальная честность, таким образом, как основа

доверия к исследованиям коллег является одной из необходимых целей либерального образования; по аналогии и другие его цели также *имеют существенное отношение* к тому, что во времена, когда писал Ньютон, обозначалось словом «джентльмен».

Задачей либерального образования (по традиции, которую тоже следует истолковать, что мы сделаем дальше, при переводе концепта Ньютона используется именно слово «либеральный», а не «свободный» – прямое указание на *существенное* значение в этом случае *политического аспекта*) является «правильная выучка ума»: «Когда ум правильно выучен, организован и обладает целостной картиной или образом вещей, он будет проявлять свои свойства с большим или меньшим успехом в зависимости от конкретных качеств и способностей индивида» (Ньютон, 2006: 16), но «у всех он предстанет в виде способности сравнительно непринужденно вникать в любую мысль и легко овладевать любой наукой или профессией» (Ньютон, 2006: 17). В этой связи даже без прямого *практического назначения* Ньютон утверждает: «По моему глубокому убеждению, первым шагом в воспитании интеллекта является прочное запечатление в уме... идей науки, метода, порядка, принципа и системы, а также правил и исключений, красоты и гармонии» (Ньютон, 2006: 17). Интеллект необходим – «это подготовка к знанию, это сообщенное знание в прямой пропорции к подготовке. Нам требуются интеллектуальные органы зрения, чтобы ими познавать, как для способности видеть нужны обычные» (Ньютон, 2006: 130). Либеральное образование, «рассматриваемое само по себе, есть просто возделывание интеллекта как такового, и предметом его выступает ни больше ни меньше, чем просто интеллектуальное превосходство» (Ньютон, 2006: 113).

Свободное, то есть либеральное, знание противопоставляется Ньютоном «рабскому»: «Из данного противоположения можно почерпнуть некоторое руководство к общему пониманию смысла слова “либеральный”, то есть – либеральное образование, и либеральные устремления являются упражнением души, рассудка, мысли» (Ньютон, 2006: 101–102). Это противоположение почти никак не соотносится с конструктом «физический/умственный»: Ньютон ссылается на греческую гимнастику как на вполне «либеральную» в указанном им смысле; речь идет о противопоставлении утилитарного образования (профессиональной подготовки) *самоценному*. Либеральное знание *автономно* (в кантовском смысле; кстати, автономность и свобода здесь – почти синонимы, и иногда отождествляются): «Либерально лишь то знание, которое выступает таким само по себе, не взирает на последствия, не ждет себе похвалы, отказывается от предписанности, заданности какой-либо целью» (Ньютон, 2006: 102) – Кант относил эти характеристики к «совершеннолетнему», то есть «просвещенному» разуму. Важным является именно то, чтобы такое знание было свободно от «замкнутости в другое ремесло», и наоборот: «Во всех ученых занятиях, рассматриваемых как профессии, хотя одна всенародно признана как благотворная, другая – как политически значимая, третья – как духовно возвышенная область дерзаний человека, тем не менее величие их целей – здоровье организма, благополучие и духовное благо – снижается, не возрастает от их претензий на либеральность и даже более того, если деятельность строго ограничена требованиями своей цели» (Ньютон, 2006: 103); Ньютон ссылается на «слова великого философа» и заключает: «Из всех профессий, – говорит он, – особо полезны те, которые приносят плоды, а либеральными служат те, которые способствуют наслаждению. Плодотворными же я называю приносящие выгоду; доставляющими наслаждение – те, которые ничего не прибавляют за рамками своего применения» (Ньютон, 2006: 103).

Итак, «интеллект имеет собственное совершенство» (Ньютон, 2006: 117); в этом отношении слово «воспитывать», по Ньютону, может исказить действительный смысл его формирования; для этого процесса лучше подошло бы слово «рост», а для определения сущности такого интеллекта лучше всего использовать термин «философский»: «Интеллект означает некоторую философскую направленность» (Ньютон, 2006: 117); сама философия, по Ньютону, есть единственная действительная *форма* для *правильно организованного* знания: «Открытие и понимание истины, к которой привели исследование и систематизация, наверняка являлись достаточными целями, хотя ничего большего за ними не имелось, и человеком они всегда считались достаточными» (Ньютон, 2006: 117–118). Рост выражается «не просто в пассивном приеме души какого-то ряда мыслей, ранее ей не известных, но и в одновременном энергичном действии в направлении и в духе поступающих мыслей. Это есть воздействие той формирующей силы, которой придается смысл и структура нашим познаниям, это превращение предметов в собственное субъективное достояние или, пользуясь знакомым словом, переработка получаемого нами материала нашего предшествовавшего состояния или мышления, а без всего этого никакого роста не бывает» (Ньютон, 2006: 123). Интеллектуальное совершенство, которое Ньютон тоже называет просвещением, «есть не только процесс приращения знания, но и продвижение вперед того духовного центра, вокруг которого тяготеет знание – как имеющееся, так и приобретаемое. Следовательно, истинно великий интеллект... – это тот, который охватывает связным взглядом

старое и новое, прошлое и настоящее, близкое и далекое, который понимает сущность их влияния друг на друга, ибо без этого нет целостности и нет центра. В нем содержится знание не только предметов, но также их истинных взаимных связей, знание, состоящее не только из усвоенного материала, но и философии» (Ньюмен, 2006: 123).

Итак, знание есть не средство, но «самодостаточная цель», включающая в себя стремление к его совершенству, которое достигается не сразу, но именно *растет*; сущность человека также «становится совершенной не сразу», достижение этого совершенства «зависит от ряда внешних условий и приспособлений, среди которых знание – важнейшее, оно выступает ценностью по причине самого его действия на нас как формы умений и навыков, даже когда оно активно и непосредственно не проявляется в конкретной задаче деятельности» (Ньюмен, 2006: 99). Именно *философское знание*, по Ньюмену (не в смысле философии как одной из научных дисциплин, но как формы науки, лучше – как ее *ἀρχή*), приближается (насколько возможно: Ньюмен – католик и кардинал) к совершенству в *некотором отношении* (интеллектуальном); *местом* такого знания является университет: «Я не занимаюсь парадоксами, когда говорю о знании, которое выступает самоцелью, когда называю его либеральным знанием или знанием личности благородной, когда действую как преподаватель, когда делаю его предметом в Университете. И еще менее я достоин такого обвинения, когда считаю, что усвоение знания состоит не в получении знания в обычном и нечетком смысле, но в приобретении того знания, которое я именую философией или, в расширенном понимании, научным знанием; что если в знании содержится добродетельность, то именно в знании нерасплывчатом, непопулярном, но рассматриваемом в свете и в прямой связи с философией. Знание оказывается, на мой взгляд, особенно либеральным или самодостаточным вне зависимости от всякого внешнего скрытого предмета, если и поскольку оно философское» (Ньюмен, 2006: 105). Связь философии и науки выглядит, по Ньюмену, следующим образом: «Знание получает наименование науки или философии, если его преобразуют, подчиняют строгой цели или заключают в формы рассудочной деятельности, рассудка» (Ньюмен, 2006: 105). Ньюмен использует термин «рассудок» как синоним «разума» (без кантовского различения того и другого, тем более следует учитывать особенности современного Ньюмену словоупотребления в английском языке и специфику перевода его утверждений на русский язык), но тот способ пользования рассудком и его результат, который описывает Ньюмен, свидетельствует о том, что речь идет скорее именно о «разуме», который «автономен»: «Рассудок есть внутренний принцип плодотворности знания, такое знание и есть та особая ценность для обладающих им, которая избавляет от необходимости искать какую-то цель вовне ради опоры для деятельности» (Ньюмен, 2006: 105). «Знание является силой» – с этим утверждением Бэкона Ньюмен согласен, но постоянно уточняет, что «прежде чем стать силой, оно добродетельно, то есть оно не только средство, но еще и цель» (Ньюмен, 2006: 105).

Именно через различение разума как цели и самоценности и его инструментальное применение мы можем подойти к «идее университета», которую утверждает Ньюмен: знание, ведущее к ремеслу (в самом широком смысле), «называется утилитарным знанием»; «рассудок, который служит источником сведений и сам имеет следствием философию» (Ньюмен, 2006: 105), называется им *либеральным*. Отсюда следуют два «метода образования»: «цель одного из них – философская, а другого – механическая, один возвышается до общих концепций, другой исчерпан тем, что является частным и поверхностным» (Ньюмен, 2006: 106); «принцип реального достоинства в знании, его ценность и значение, его желанность, рассматриваемые вне зависимости от результатов, это и есть тот фермент, который составляет суть научного и философского процессов» (Ньюмен, 2006: 106). Механическому знанию следует «обучать», философское – растет в размышлении; оба вида знания являются необходимыми, но университет есть то *место*, где происходит рост *философского знания*, к которому здесь *приобщаются* («обучаются», по Ньюмену, однако это не всегда подходящее слово) студенты.

Ньюмен прямо *отождествляет* университетское и либеральное образование (Ньюмен, 2006: 100), он утверждает *основным мотивом* получения такого образования *желание учиться* («множество студентов стремятся в университет ради него самого» (Ньюмен, 2006: 120)), то есть свободный рост и совершенствование интеллекта. Таким образом, университетское образование – это еще и существенно *философское образование*, по Ньюмену: вуз представлен в «двух основных отношениях» – «в отношении его студентов» и в «отношении учения в нем» (Ньюмен, 2006: 96). Поскольку знания, чтобы быть научными, предполагают в отношении себя определенную форму – *единство*, то обучение в университете *требует* подобного единства и определенной последовательности (Ньюмен очерчивает ее, например, утверждая, что начинать целесообразно с «грамматики» (Ньюмен, 2006: 17), а заканчивать поэзией и искусством вообще), чтобы студент «усвоил привычку прилагать метод, исходить из прочных оснований, обосновывать каждый свой

шаг, проводить различие между известным и неизвестным» (Ньюмен, 2006: 18), чтобы затем «постепенно приобщиться к величайшим и истиннейшим философским системам» (Ньюмен, 2006: 18).

Мера и постепенность в обучении наукам должны соблюдаться, причем «науки нет, и появляется совсем иной предмет, едва лишь вместо рассмотрения ее как части целого переходят к тому смыслу, который заключает она в себе отдельно, без охранительного, как я это назову, влияния остальных» (Ньюмен, 2006: 96). Таким образом, «великим делом выступает расширение многообразия наук, которые университет преподаует студентам» (Ньюмен, 2006: 97), – «это я считаю преимуществом единства места, рассматриваемого как место образования, пребывания всеобщего знания» (Ньюмен, 2006: 97). Помимо блага «близкого общения» и «интеллектуального мира», в которых профессора «учатся уважать, советоваться и оказывать друг другу помощь» (Ньюмен, 2006: 97), в университете таким образом «возникает чистая и ясная атмосфера мышления, которой также дышат и студенты»: «они черпают из интеллектуальной традиции, независимой от конкретных преподавателей, ведущей их в выборе предметов, а также позволяющей правильно понять те, которые ими выбираются. Они схватывают общие очертания знания, принципы, на которых оно строится, масштабы его частей, его света и тени, сильные моменты и незаметные, что невозможно понимать иными путями» (Ньюмен, 2006: 97).

Разумеется, Ньюмен предлагает иное представление философии как основания университета, чем это было у Канта или, особенно, у Фихте: он прямо говорит, что «в отсутствие общепринятого термина представляется возможным назвать совершенство или достоинство интеллекта философией, философским знанием, расширением души или просвещением» (Ньюмен, 2006: 117), но настаивает, что «прямое дело университета – сделать центром работы данный аспект интеллектуальной культуры, то есть заняться воспитанием интеллекта» (Ньюмен, 2006: 117), что «истинной и правильной целью интеллектуальной подготовки и университета выступает не научение и усвоение, а мышление и рассудок на основе знания» (Ньюмен, 2006: 127); эту задачу он называет «предметом университета».

Университетское образование является либеральным: «Приобретается способность души, которая остается на всю жизнь, чертами которой оказываются свобода, справедливость, спокойствие, умеренность и мудрость; или то, что я осмелился назвать философской привычкой, особым плодом образования, воспитываемым Университетом, в противоположность другим местам преподавания и способам обучения. Главное назначение Университета состоит в том, какими он воспитывает студентов» (Ньюмен, 2006: 98). «Процесс обучения некоему ремеслу или профессии либо учению или науке культивируется ради самого себя, ради восприятия предмета в самом себе и для собственной высшей культуры» (Ньюмен, 2006: 137), что и «является либеральным образованием» (Ньюмен, 2006: 137).

Знание, которое должен культивировать университет и к которому он должен приобщать студентов, не должно «являться лишь внешним и случайным преимуществом» (Ньюмен, 2006: 106), а также просто «усвоением книжных сведений», но если речь идет о знании как задаче университетского образования, то «такое знание есть состояние или особенность психики, а коль скоро культура психики достойна поиска ради нее самой, это не может не привести к заключению о том, что слова “либеральный” и “философия” предполагают именно это: существует знание, которое является желанным вне того, дает оно что-нибудь непосредственно или нет, ибо такое знание само является сокровищем и достаточным вознаграждением за годы трудов» (Ньюмен, 2006: 106–107).

Уже тогда главным возражением против такого понимания сущности университетского образования и против либерального образования вообще было «отсутствие непосредственной пользы», что, кстати, отчасти признает и сам Ньюмен. Более того, уже тогда был популярен вопрос «Какова рыночная стоимость товара, именуемого “свободное образование”». Однако польза от такого образования, по его мнению, хоть и не является *непосредственной* (для нужд профессии), но не менее значима. Ньюмен формулирует проблему таким образом: «Полезность может стать целью образования в двух отношениях: либо в отношении обучаемого индивида, либо по отношению к обществу вообще» (Ньюмен, 2006: 143). Для индивида таковой пользой следует полагать в первую очередь удовлетворение *человеческой* потребности в саморазвитии: «Таково построение души человека, что всякого вида знание, если оно таким является, выступает и наградой» (Ньюмен, 2006: 98), здесь Ньюменом усматривается также «эстетический аспект»: «Свободное знание есть понимание его как прекрасного» (Ньюмен, 2006: 188).

Однако и «социальная польза» от либерального образования, согласно Ньюмену, несомненна: «Образование интеллекта, которое служит лучшим интересам индивида само по себе, обеспечивает ему исполнение его долга перед обществом самым лучшим образом» (Ньюмен, 2006: 156), «подготовка в Университете выступает самым настоящим, обычным и великим сред-

ством достижения великой, но обычной цели, она направлена на поднятие интеллектуального тонуса общества возделыванием общественной психики, очищением национального вкуса, обеспечением подлинных принципов народному воодушевлению и твердых целей народному чаянию, приданию роста и трезвости идеям века, способствованию осуществлению политической власти, и очищению общения в частной жизни» (Ньюмен, 2006: 156). Благодаря образованию, к людям приходит «ясное сознание в собственных взглядах и суждениях, в истинности их развития, в красноречии их выражения, силе их воплощения. Оно учит видеть вещи в истинном свете, находить сущность в деле, распутывать главное в мыслях, выявлять совершенное и отбрасывать второстепенное; подготавливает к занятию любого поста с достоинством и к овладению всяким предметом с легкостью; показывает человеку, как правильно приспособиться к другим людям, как понять их состояние души, как стать им понятным самому, как добиться взаимопонимания и наладить отношения» (Ньюмен, 2006: 156). Образованный человек не будет изгоем в любом обществе, он «всегда имеет общее с представителем любого класса, он знает, когда сказать и когда промолчать, он умеет беседовать и слушать, способен настаивать с вопросами и разумно принять урок, если ничего не может дать сам, он всегда готов и никогда не помеха, хороший товарищ и надежный партнер, знает меру серьезности и пустячности и обладает тактичностью, позволяющей изящно шутить и придать эффект серьезному поступку» (Ньюмен, 2006: 156). Его душевный мир позволяет ему оставаться счастливым и в своем отечестве, и за границей: «У него имеется дар, который служит и обществу и поддерживает его при отставке, без которого удачная судьба – всего лишь вульгарность и с которым даже в неудаче и разочаровании есть обаятельность. Искусство, которое направляет к этой цели человека, выступает предметом, который столь же полезен, как искусство богатства или искусство здоровья, хотя оно не столь доступно методически, менее осязаемо материально, менее надежно и менее совершенно вследствие этого» (Ньюмен, 2006: 156).

Таким образом, Ньюмен делает заключение об университете: «Предметом преподавания в нем должны служить все области знания; и эти области не изолированы друг от друга, но составляют вместе систему или целое, они перетекают друг в друга, взаимодополняя друг друга, и в меру нашего рассмотрения их как целого возникает сама точность и достоверность знаний, сообщаемых отдельно каждой из них; что процесс сообщения знаний интеллекту в этом философском плане есть подлинная культура; что знание, служащее и инструментом, и результатом, называется либеральным знанием, что такая культура вместе со знанием, сообщаемым с ее помощью, достойна, чтобы ее добивались ради нее самой, но что она составляет, кроме того, ценную самостоятельную светскую ценность, выступая лучшим и самым высшим образованием интеллекта в системе общественной и политической жизни; а также, наконец, что, рассматриваемое в религиозном аспекте, оно сопутствует в некотором плане христианству, оказывается в итоге подчас его полезным союзником, иногда же, по причине внешнего подобия ему, – его грозным и опасным врагом» (Ньюмен, 2006: 186–187), и, таким образом, идеей университета является «альма матер, знающая каждого ребенка в отдельности, а не литейный цех, не монетный двор и не штамповочная мастерская» (Ньюмен, 2006: 130).

От «исследовательского» к «предпринимательскому» университету: изучение необходимости. На первый взгляд, концепция либерального философского университетского образования (а значит, и «классического университета») *не вписывается в действительность, представленную* в либеральной версии экономической парадигмы политического, причем сразу в нескольких *основополагающих* ее аспектах.

Во-первых, *экономизм* как ее *принцип* предполагает, что *все* должно быть представлено через *интересы*, имеющие «экономический» смысл, то есть должно быть *рассчитано*. К. Шмитт утверждал, например, характеризуя «либеральную метафизику», что в «основу либерального «образа мыслей» положен такой, «который повсюду создает некоторое множество, чтобы в системе опосредствований на место абсолютного единства поместить равновесие как результат имманентной динамики»» (Шмитт, 2016а: 135). Этот же «образ мыслей» лежит и в основании новоевропейского способа «мыслить» вообще: «Из свободы договора, свободы торговли, свободы ремесел сами собой получаются социальная гармония интересов и наибольшее возможное изобилие» (Шмитт, 2016а: 129). Экономизм, «технично-экономическое мышление того рода, что господствует сегодня» (Шмитт, 2016б: 58), разрешают политику в *управлении*: Шмитт ссылается на М. Вебера (2016), который утверждал, что управление государством принципиально не отличается в *либеральном представлении* от управления большим предприятием, и, следовательно, «политика вообще не нужна» (сам Шмитт считал иначе). Это означает именно то, что для либерального образования и университета должна быть определена его рыночная цена, чтобы их *принимать в расчет* (М. Хайдеггер: «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» (Хайдеггер, 2018: 275)); университет «должен быть эффективным», он должен «предлагать продукты для рынка», участвовать в *экономической конкуренции*.

Во-вторых, *политическая ценность* «либерально образованного индивида» также должна иметь рыночную цену, то есть он должен быть *принципиально* представлен как *человеческий капитал* (Мальцев, Мальцева, 2020), как *рыночный продукт*, производимый университетом наряду с другим продуктом – *практическим знанием*; в этом отношении речь идет именно не об «индивидуальном», а о «фабричном» производстве в университете, как «на монетном дворе» или в «штамповочной мастерской». Либеральное образование просто *экономически невозможно*, да и не нужно для рынка, помимо того, что оно «неоправданно дорого».

В-третьих, экономическая парадигма *существенно универсальна и глобальна*, не предполагает *никаких границ*, в том числе между государствами, препятствующих установлению *глобального порядка* (Мальцев и др., 2020); в многочисленных дискуссиях об устойчивом развитии, например, университет рассматривается *в первую очередь* как важный *инструмент глобализации* (Maltsev, ..., et al., 2021a, b), – гражданственность «либерального индивида» больше *не относится непосредственно* к государству, но последнее полагается *посредником* между индивидами, их группами и глобальным порядком (З. Бауман (2004): государства считаются «полицейскими участками», поддерживающими мировой порядок и надзирающими за исполнением его правил; поэтому университет должен быть глобально *унифицирован*, а его целью должна стать подготовка специалистов, востребованных на международном рынке; существует также глобальный рынок университетского образования, в который должны быть встроены *национальные университеты* (Д. Салми (2009)). Первым об этом написал Б. Ридингс: происходит *американизация университета* как института в действительности, определенной либеральной экономической парадигмой (Ридингс, 2010). Ему вторит Т. Иглтон: «То, что возникло в Британии, можно назвать американизацией без богатства» (Иглтон, 2015: 20). Термин «американизация» использовался еще М. Хайдеггером в 30-е годы XX века; у него он тогда означал точно то, что имел в виду Ридингс, когда писал о «конце университета». Хайдеггер отмечал: «Подлинным зачинателем единства планетаризма и идиотизма, но также поистине достойным их наследником является американизм – пожалуй, пустейшая фигура “историографической” безысторичности» (Хайдеггер, 2020: 312). Следует также заметить, что если Хайдеггер не тот автор, с которым принято считаться в современной либеральной социальной науке, то, например, Ж.-Ф. Лиотар еще в 1979 году, составляя по заказу правительства одной из провинций Канады доклад об университетском образовании (издан как «Состояние пост-модерна» (Лиотар, 1998)), констатировал два обстоятельства, фатальные для «классического университета» и «либерального образования»: во-первых, университет утратил достоинство быть «центром национальной жизни», прежде всего из-за «исчезновения» последней в том виде, которая поддерживала университет (концепции: «национальный университет» Фихте и «немцы как университетская нация» (Алавердян и др., 2021)); во-вторых, изменилось то, что называлось *наукой*: Лиотар, без ссылки на Хайдеггера, пишет о том, что *современная наука определяется идеей техники*, а значит, должна иметь другой, неуниверситетский принцип организации, в связи с чем меняются *форма и содержание образования* (Лиотар, 1998).

Собственно говоря, вполне либеральные социологи не отрицают «законных требований» и даже *очевидностей*, представленных в экономической парадигме. З. Бауман (2004), на которого мы сослались, утверждает, правда, что безграничное господство интересов капитала *разрушает социальное*; ему вторит У. Бек (2001), который отмечал, что *необходимость* и *объективность* «тотальной экономической монокаузальности» *очевидна*. Однако этот же философ одним из первых заговорил о «правах социального» и о необходимости «ограничить» «тотальную логику капитала» посредством *политизаций*: логика, «обратная» той, в которой движется «либеральная метафизика».

Именно это направление «защиты университета» от «рынка», то есть от *совершившегося* и *необходимого* перехода от «классического исследовательского» к «предпринимательскому» университету, превалирует в современной литературе об университете тех авторов, которые полагают *рискованным* отказаться совсем от либерального образования. Либеральное, то есть философское и в целом гуманитарное, образование здесь представляется *социальной ценностью* и *политической необходимостью* для *сохранения самой либеральности* политического порядка Запада (неважно, на «национальном» или уже на «глобальном» уровне; заметим, что сторонники данного направления уверены в возможности «глобальной демократии», по крайней мере, как своего рода «регулятивной идеи»).

Здесь можно выделить два основных аспекта. Во-первых, утверждается, что вместе с философией (гуманитарным знанием – здесь философия понимается как *одна из научных дисциплин*, а не так, как представлял ее Ньютон (2006)) университет рискует утратить даже и «эффективную науку». Иглтон констатирует повсеместную «медленную смерть университета как центра человеческого критического суждения» (Иглтон, 2015: 20). Но существующие системы «расчета

эффективности» научных исследований, и не только в гуманитарных науках, приводят к появлению «причин обеспечивать что-то для производства, штампуя крайне бесполезные статьи, в том числе в ненужных онлайн-журналах, почтительно прибегая к внешним грантам на исследования вне зависимости от того, нужны ли они в действительности, и проводя время от времени по часу, набивая дополнительные фразы в свои резюме» (Иглтон, 2015: 22).

Но, повторим, главный акцент делается на «социальной ценности» и «политической необходимости». Традиционное университетское образование никогда «не считалось товаром, который продаётся и покупается» (Иглтон, 2015: 25), его общественная функция (социальное благо) состоит в другом: «Образование молодёжи, как и защита её от серийных убийц, должно считаться вопросом социальной ответственности, а не средством получения прибыли» (Иглтон, 2015: 25). Иглтон пишет, что «дистанция между университетом и обществом (обвинение университета в том, что он – “башня из слоновой кости”, бесполезная для общества) могла быть как пагубной, так и плодотворной», «позволив размышлять о ценностях, целях и интересах социального порядка, слишком неистово привязанного к своим краткосрочным практическим стремлениям, чтобы быть способным на самокритику» (Иглтон, 2015: 20), и констатирует, что «по всему свету это значительное расстояние теперь уменьшается почти до нуля» (Иглтон, 2015: 20), а «институты», в том числе университет, которые раскрывали возможность критики, «капитулируют перед жёсткими приоритетами глобального капитализма» (Иглтон, 2015: 20). Университет был «одной из немногих областей современного общества», «в которых господствующая идеология могла бы подвергаться некому строгому рассмотрению» (Иглтон, 2015: 25–26). Эта функция вуза была социально много важнее, чем нынешнее, исходящее из принципа «непосредственной экономической эффективности» требование «зарабатывать»: «Философы всегда могли устроить семинар о смысле жизни на углу улицы, а современные лингвисты – на стратегических общественных местах, где может потребоваться чуть-чуть перевода» (Иглтон, 2015: 25). То, что называется сейчас «экономикой знаний», как считает Иглтон, ориентировано именно на приведенное выше понимание «экономической эффективности». Безусловно, «образование... должно откликаться на нужды общества» (Иглтон, 2015: 24), но «это не то же самое, что считаться станцией обслуживания неокapитализма» (Иглтон, 2015: 24).

М. Нуссбаум выстраивает свою защиту необходимости сохранения либерального образования (даже в «преобразованном университете») на утверждении, что «гуманитарные науки и различные виды искусства играют ключевую роль в истории демократии» (Нуссбаум, 2014: 3). Это особенно интересно тем, что философ одновременно защищает и демократию (приверженность либеральным ценностям *граждан государства*), и глобалистские настроения в высшем образовании: целью его должно стать «воспитание граждан мира» (Нуссбаум, 2014: 5), то есть аргументы Нуссбаум *могут иметь силу* в господствующей на Западе глобалистской перспективе. Она констатирует «мировой кризис», который в «долгосрочной перспективе грозит демократическому самоуправлению значительными разрушениями», – это «всемирный кризис в образовании» (Нуссбаум, 2014: 6), которому мы еще не придаем подобающего значения и «даже не осознали его» (Нуссбаум, 2014: 7); это «мы» примечательно в том числе потому, что, например, Хайдеггер еще в 30-е годы XX века констатировал «смерть университета», но тогда эта «смерть» еще не угрожала непосредственно либеральному порядку.

Причин кризиса несколько, но главная, по Нуссбаум, – именно неприкрытый «экономизм»: «В связи с тем, что все государства – особенно в нынешний кризисный период – страстно стремятся к экономическому росту, слишком мало внимания уделяется путям развития образования (а значит, и мировых демократических обществ)» (Нуссбаум, 2014: 9), а «в погоне за прибылью, характерной для сегодняшнего мирового рынка, в эпоху религиозной и экономической нестабильности в особенности, могут быть навсегда утрачены ценности, имеющие значение для будущего демократии» (Нуссбаум, 2014: 9). «Сегодня происходят радикальные изменения в том, чему демократические общества учат молодежь, и эти изменения еще толком не осмыслены. Жаждающие прибыли страны и их системы образования беззаботно избавляются от умений, необходимых для сохранения жизнеспособности демократии» (Нуссбаум, 2014: 6). В случае продолжения этой тенденции «скоро все страны мира начнут производить поколения полезных машин, а не полноценных граждан, способных самостоятельно мыслить, критиковать традиционный уклад и понимать значение страданий и достижений других людей. Будущее демократических государств мира сегодня остается неопределенным» (Нуссбаум, 2014: 6). Для «жизнеспособности демократии» необходимы «качества», которые, по Нуссбаум, формируются именно гуманитарными науками: «способность к критическому мышлению; способность отвлекаться от частных интересов и взглянуть на глобальные проблемы с точки зрения “гражданина мира”; и наконец – способность сочувственно относиться к трудностям другого человека» (Нуссбаум, 2014: 9). Следует удерживать противопоставление «образования, имеющего целью получение прибыли, образованию,

чей целью является более всеобъемлющее воспитание граждан своей страны» (Нуссбаум, 2014: 9). Современная политика в области образования выстраивается на представлении о «бесмысленности и ненужной излишности» гуманитарного образования (Нуссбаум, 2014: 6): «В эпоху, когда ради сохранения конкурентоспособности на мировом рынке государства обязаны избавляться от всего ненужного, эти знания быстро теряют свои позиции в учебных программах, а заодно в умах и сердцах родителей и детей. Несомненно, то, что мы называли бы гуманистическим началом в естествознании и общественных науках (то есть образное, творческое начало и строгое критическое мышление), также сдает позиции, ибо государства берут курс на краткосрочную рентабельность и формируют полезные, в высшей степени востребованные умения, необходимые для получения прибыли» (Нуссбаум, 2014: 6–7), тем самым они *рискуют* демократией и самым либеральным политическим порядком и его *глобализацией*. «Гражданин мира», по Нуссбаум, должен иметь «представления о базовых принципах экономики и обширные фактические знания, которые студенты могут получить и без помощи гуманистического образования» (Нуссбаум, 2014: 52); ответственная гражданская позиция «требуется гораздо большего: человек обязан понимать исторические события, использовать экономические принципы и критически их обдумывать, ценить социальную справедливость, говорить на иностранном языке, иметь представление о сложности основных мировых религий. Сама фактическая сторона вопроса может быть обеспечена и без применения навыков и техник, которые мы связываем с гуманитарными науками» (Нуссбаум, 2014: 53). Только вот фактический материал, который не понят и не проанализирован, бесполезен и «мало чем отличается от незнания, ведь в таком случае ученик не способен распознать невежество и предрассудки, насаждаемые или используемые политическими или культурными лидерами, понять, где правда, а где ложь и необоснованные притязания» (Нуссбаум, 2014: 53); разумеется, Нуссбаум подчеркивает, что именно такие знания (одновременно критические и истинные) давались всегда в *западных университетах*.

Наконец, нужно сохранить в вузах поэзию и искусство: они развивают воображение, а без него невозможно понимание между людьми: «Сюжетное воображение – это способность поставить себя на место другого человека, осмысленно воспринять его историю и понять, какие чувства и желания могут возникнуть у того, кто оказался в таком положении» (Нуссбаум, 2014: 54). Нуссбаум утверждает: «Воспитание сочувствия всегда стояло в центре важнейших современных теорий демократического образования, созданных в рамках западной цивилизации или за ее пределами» (Нуссбаум, 2014: 54). Вывод – либеральное образование *политически ценно* и должно быть «удержано в университете» даже просто в «интересах самосохранения» «западной» («демократической») идентичности.

С. Коллини (2016) формулирует проблему «защиты классического университета» *принципиально*, когда утверждает, что вопрос «Зачем нужен университет» следует ставить аналогично вопросу, когда-то сформулированному Дж.М. Кейнсом: «Зачем нужна экономика?». Набор его «ответов» принципиально не отличается от тех, которые были приведены выше; разве что акцент на «самоценность знания», на которой настаивал Ньютон, у него выражен более отчетливо. «Зачем университет?» – не вопрос «экономической эффективности» (как и вопрос Кейнса об экономике): это в первую очередь вопрос о *человеке*, затем – о «социальной ценности» и «социальной ответственности».

Заключение. Имеют ли «политизации» силу остановить или обратить вспять «тотализирующую логику капитала» (У. Бек (2001)), или они могут только «отложить», «смягчить», «дать время приспособиться» и «исправить наиболее неприемлемые последствия» – однозначного ответа в современной полемике критиков «разрушения университета» и сторонников «сохранения либерального образования» нет. Предпринимательский университет как фабрика по производству технического (в хайдеггеровском смысле) знания и человеческого капитала (Биньковская, Мальцев, 2021б) есть «метафизическое понятие», то есть такое, в котором *реальное* и *действительное* совмещены. Одновременно это понятие *вписано* в господствующую либеральную экономическую парадигму, то есть отмечено *необходимостью* и является *действительностью*. Хайдеггер, констатируя, что «университет умер в 1890 году» (Хайдеггер, 2016: 467), в 30-е годы XX века указывал на неизбежность *замены* образования как «подготовки к знанию» профессиональным, ремесленным обучением; университетов – техническими школами, объединенными внешне для «административного удобства» по модели цехов, составляющих фабрику, то есть на *действительность* того, что 30 лет назад получило название «предпринимательского университета». Его «модель» была сконструирована Б. Ридингсом в работе «Университет в руинах» (Ридингс, 2010), «уточнена» Б. Кларком в книге «Создание предпринимательских университетов» (Кларк, 2011б) и с того времени поддерживается в бесчисленных публикациях о «создании университетов мирового класса», о «приближении науки и обучения к производству» и необходимо-

сти соответствовать «запросам рынка». «Национальные системы образования» (как их описывает и оценивает Б. Кларк (Кларк, 2011а) например), в том числе университеты, конечно, будут сохранять «особенные черты», но только как «элемент культурного многообразия», так любимый либеральной идеологией, то есть *исключительно* в той степени, в какой данные особенности «нейтральны» по отношению к «рыночным императивам» (Биньковская, Мальцев, 2021а; Ломако, Мальцев, 2021). Единственное, что пока еще «тормозит процесс» рыночной глобализации университетского образования и «свободной конкуренции» между университетами – интересы *безопасности*, то есть *сопротивление либеральной глобализации*. Именно это *действительно* и относительно эффективно сдерживает «свободный рынок» и, несмотря на *идеологию*, обеспечивает финансирование фундаментальной науки государством (в самых рыночных государствах, например, в США, по расчетам Б. Латура (2013), оно составляет 95 % при одновременном требовании к *другим* странам «придерживаться рыночных принципов финансирования» и ограничить «государственное вмешательство в образование»), но эти факторы воздействия на траекторию «реформирования университета» и ограничения *действительности* предпринимательского университета – предмет особенного рассмотрения.

Парадигма не допускает «исключений», она одновременно универсальна и тотальна и *представляет действительность как таковую*. М. Хайдеггер писал, что у «последнего завершающего периода нового времени» («эпохи нигилизма») не может быть «своей смерти»: современность обречена на «бесконечное дление того же самого» (Хайдеггер, 2020), – пока он всегда оказывался прав.

Список источников:

- Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М. ; СПб., 2018. 552 с.
- Алавердян А.Л., Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. «Культурная нация» и «университет культуры»: опыт интерпретации онтополитического основания единства // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 13–25. <https://doi.org/10.24158/per.2021.6.1>
- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. 188 с.
- Бек У. Что такое глобализация. М., 2001. 304 с.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. 112 с.
- Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юридический журнал. 2021а. № 3 (154). С. 464–470. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-3-154-464-470>
- Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021б. № 4 (84). С. 21–26. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.4.2>
- Бэкон Ф. Избранные философские произведения. М., 1946. 241 с.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. М., 2016. Т. 4. 542 с.
- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2012. 528 с.
- Иглтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
- Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011а. 360 с.
- Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011б. 240 с.
- Коллини С. Зачем нужны университеты? М., 2016. 264 с.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. 414 с.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. 240 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. ; СПб., 1998. 160 с.
- Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485–490. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-3-154-485-490>
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 5. С. 242–252.
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различия» // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 5. С. 106–114. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-5-106-114>
- Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014. 182 с.
- Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск, 2006. 208 с.
- Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 299 с.
- Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009. 134 с.
- Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М., 2016. 584 с.
- Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М., 2018. 528 с.
- Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М., 2020. 344 с.
- Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М., 2018. 207 с.
- Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб., 2016а. С. 93–170.
- Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб., 2016б. С. 5–59.
- Maltsev K., Binkovskaya L., Maltseva A. «Liberal Education» in the Globalizing Modernity in the Perspective of Sustainable Development: the Experience of Philosophical Interpretation // SHS Web of Conferences. 2021а. Vol. 128. P. 05004. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112805004>
- Maltsev K., Binkovskaya L., Maltseva A. Representing «University Education» in the Horizon of the Concept of Sustainable Development and Security Discourse // E3S Web of Conferences. 2021б. Vol. 295. P. 05003. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129505003>

References:

- Agamben, Dzh. (2018) *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Governance.]. Moscow ; Saint-Petersburg. 552 p. (in Russian).
- Alaverdyan, A. L., Binkovskaya, L. N. & Maltsev, K. G. (2021) «Cultural Nation» and «University of Culture»: Experience in Interpreting the Ontological and Political Basis of Unity. *Society: Politics, Economics, Law*. (6 (95)), 13–25. Available from: doi:10.24158/pep.2021.6.1 (in Russian).
- Bauman, Z. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva*. [Globalization. Consequences for Man and Society]. Moscow. 188 p. (in Russian).
- Bek, U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya* [What is Globalization]. Moscow. 304 p. (in Russian).
- Bekon, F. (1946) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow. 241 p. (in Russian).
- Binkovskaya, L. N. & Maltsev K. G. (2021) Modern Culture as a Cultural Policy: M. Heidegger about Culture as a «Phenomenon of Modernity». *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. (3 (154)), 464–470. Available from: doi:10.46320/2073-4506-2021-3-154-464-470 (in Russian).
- Binkovskaya, L. N. & Maltsev, K. G. (2021) The Strange «Death of the University»: Experience in Philosophical Interpretation. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4 (84)), 21–26. Available from: doi:10.24158/fik.2021.4.2 (in Russian).
- Bzhezinskii, Z. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska (gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)*. [The Great Chessboard (American Domination and its Geostrategic Imperatives)]. Moscow. 112 p. (in Russian).
- Grinfel'd, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putei k sovremennosti* [Nationalism. Five Paths to Modernity]. Moscow. 528 p. (in Russian).
- Iglton, T. (2015) *Medlennaya smert' universiteta* [The Slow Death of the University]. *Sovet rektorov*. (4), 19–26 (in Russian).
- Khaidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black Notebooks 1931–1938)]. Moscow. 584 p. (in Russian).
- Khaidegger, M. (2016) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow. 528 p. (in Russian).
- Khaidegger, M. (2020) *Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Reflections XII–XV (Black Notebooks 1939–1941)]. Moscow. 344 p. (in Russian).
- Klark, B. R. (2011) *Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noi perspektive* [The System of Higher Education: an Academic Organization in a Cross-National Perspective]. Moscow. 360 p. (in Russian).
- Klark, B. R. (2011) *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Creation of Entrepreneurial Universities: Organizational Directions of Transformation]. Moscow. 240 p. (in Russian).
- Kollini, S. (2016) *Zachem nuzhny universitety?* [Why are Universities Needed?] Moscow. 264 p. (in Russian).
- Latur, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [There was no New Time. An Essay on Symmetric Anthropology]. Saint-Petersburg. 240 p. (in Russian).
- Latur, B. (2013) *Nauka v deistvii: sleduya za uchenyimi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers Inside Society]. Saint-Petersburg. 414 p. (in Russian).
- Liotar, Zh.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The State of Postmodernity]. Moscow ; Saint-Petersburg. 160 p. (in Russian).
- Lomako, L. L. & Maltsev K. G. (2021) «Cultural Particularities»: Politicization, Depoliticization and the Global Order. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. (3 (154)), 485–490. Available from: doi:10.46320/2073-4506-2021-3-154-485-490 (in Russian).
- Maltsev, K. G. & Maltseva, A. V. (2020) «Human Capital» as a Concept of Biopolitics: an Experience of Philosophical Interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 10 (5), 242–252 (in Russian).
- Maltsev, K. G., Maltseva, A. V. & Lomako, L. L. (2020) Globalization and Westernization: Horizons of «Identification» and «Discrimination». *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 10 (5), 106–114. Available from: doi:10.33693/2223-0092-2020-10-5-106-114 (in Russian).
- Maltsev, K., Binkovskaya, L. & Maltseva, A. (2021) «Liberal Education» in the Globalizing Modernity in the Perspective of Sustainable Development: the Experience of Philosophical Interpretation // SHS Web of Conferences. 128, 05004. Available from: doi:10.1051/shsconf/202112805004.
- Maltsev, K., Binkovskaya, L. & Maltseva, A. (2021) Representing «University Education» in the Horizon of the Concept of Sustainable Development and Security Discourse. *E3S Web of Conferences*. 295, 05003. Available from: doi:10.1051/e3sconf/202129505003.
- Nussbaum, M. (2014) *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki* [Not for Profit: Why Democracy Needs Humanities]. Moscow. 182 p. (in Russian).
- N'yumen, Dzh. G. (2006) *Ideya universiteta* [The Idea of the University]. Minsk. 208 p. (in Russian).
- Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinakakh* [University in Ruins]. Moscow. 299 p. (in Russian).
- Salmi, D. (2009) *Sozdaniye universitetov mirovogo klassa* [Creation of World-Class Universities]. Moscow. 134 p. (in Russian).
- Schmitt, K. (2016) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. In: *Ponyatie politicheskogo*. Saint-Petersburg, pp. 5–59 (in Russian).
- Shleiermakher, F. (2018) *Nechayannye mysli o dukhe nemetskh universitetov* [Unintentional Thoughts about the Spirit of German Universities]. Moscow. 207 p. (in Russian).
- Shmitt, K. (2016) *Dukhovno-istoricheskoe sostoyaniye sovremennogo parlamentarizma* [The Spiritual and Historical State of Modern Parliamentarism]. In: *Ponyatie politicheskogo*. Saint-Petersburg, pp. 93–170 (in Russian).
- Veber, M. (2016) *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: Essays of Understanding Sociology]. Vol. 4. Moscow. 542 p. (in Russian).

Информация об авторах

Л.Н. Биньковская – старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1104299.

К.Г. Мальцев – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=913126.

Information about the authors

L.N. Binkovskaya – Senior Lecturer, Department of Architectural Environment Design, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1104299.

K.G. Maltsev – D.Phil., Professor, Professor at the Theory and Methodology of Science Department, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=913126.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 25–30.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 25–30.

Научная статья
УДК 323.22+316.758
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.2>

Обыватель versus бунтарь в идеологии радикальных протестных субкультур (на примере НБП Эдуарда Лимонова)

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Аннотация. Рассматриваются особенности идеологии современных протестных субкультур на примере Национал-большевистской партии (НБП)¹, созданной Э. Лимоновым в первой половине 90-х годов XX века. В центре исследования – собирательный образ самого вождя-создателя НБП, который эволюционировал от эпатажного уличного романтика-бунтаря до оппозиционера-политика, и характерные элементы идеологии НБП. Отмечается, что российские протестные субкультуры 1990–2000 гг. сознательно избегали ставки на массовость, декларируя свою элитарность. Среднестатистический человек в их восприятии представлялся как «обыватель» – пассивный, занятый обустройством личного быта и не способный к эффективной протестной борьбе. Ему противостоял «бунтарь», сумевший подняться над интересами личного быта, презирующий комфорт и готовый рисковать жизнью ради своих идеалов. Такая мировоззренческая дихотомия неизбежно выводила протестное движение на путь изоляции. Обострившееся с начала 2022 года военно-политическое противостояние между Россией и Западом неизбежно повлечет за собой экономический кризис, что вновь породит политический запрос на протестные движения с риторикой защиты социальной справедливости. Этот фактор актуализирует дальнейшие исследования по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: протестная субкультура, Э. Лимонов, радикальное политическое движение, идеология, бунтарь, защита социальной справедливости

Для цитирования: Морозов И.Л. Обыватель versus бунтарь в идеологии радикальных протестных субкультур (на примере НБП Эдуарда Лимонова) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 25–30. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.2>.

Original article

Philistine versus rebel in the ideology of radical protest subcultures (on the example of Eduard Limonov's NBP)

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Abstract. The article examines the features of the ideology of modern protest subcultures on the example of the National Bolshevik Party (NBP), founded by E. Limonov in the first half of the 1990s of the 20th century. The research focuses on the collective image of the NBP's creator leader, who has evolved from an outrageous street romantic rebel to an opposition politician, and the characteristic elements of the NBP's ideology. It is noted that the Russian protest subcultures of 1990–2000 deliberately avoided betting on mass character, declaring their elitism. The average person in their perception appeared as a "philistine" – passive, busy with the arrangement of personal life and not capable of effective protest struggle. He was opposed by a "rebel" who managed to rise above the interests of personal life, despising comfort and ready to risk his life for the sake of his ideals. This ideological dichotomy inevitably led the protest movement into isolation. The military-political confrontation between Russia and the West, which has escalated since the beginning of 2022, will inevitably lead to an economic crisis, which will again generate a political demand for protest movements with the rhetoric of defending social justice. This factor actualizes further research on the issue under consideration.

Keywords: protest subculture, E. Limonov, radical political movement, ideology, rebel, defence of social justice

¹ Признана экстремистской в 2007 году, деятельность НБП запрещена в России. Сменила название на «Другая Россия».

For citation: Morozov, I.L. (2022) Philistine versus rebel in the ideology of radical protest subcultures (on the example of Eduard Limonov's NBP). *Society: Politics, Economics, Law*. (5), 25–30. Available from: doi:10.24158/pep.2022.5.2 (In Russian).

Один из актуальных вопросов современности, достойный стать предметом глубокого теоретического исследования в сфере политической культуры и идеологии, но пока недостаточно представленный в ней, заключается в феномене социального мировосприятия радикалами и экстремистами всего политического спектра собственно массового общества, тех людей, ради которых формально и ведется борьба экстремистских групп. Протестные идеологии тем и отличаются от программ социальных революционеров, что последние, несмотря на свою классовую непримиримость и агрессивность, все же провозглашают приоритет «простого человека», «пролетария», «крестьянина» и т.д., официально восхваляя и идеализируя его. Но все политические экстремисты, как левацкого, так и правофашистского толка, осознают себя небольшим отрядом избранных (вставших над примитивным социумом и в общем противостоящих ему) или даже «паладинами современности», в одиночку ведущими борьбу с неким вселенским злом, отраженным в государственной системе. Широкие социальные слои воспринимаются ими в качестве пассивной безликой массы населения, наделяемой нелицеприятными эпитетами и уничижительными оценками.

Неслучайно именно экзистенциализм, зачастую вопреки воле своих создателей, явился мировоззренческим корнем, давшим массу идеологических ответвлений, породивших во второй половине XX века и студенческие левацкие баррикады Сорбонны, и пули «Фракции Красной Армии» (террористическая группировка, действовавшая в ФРГ в 70-х – 80-х годах XX века). Даже вполне умеренный философ Хосе Ортега-и-Гассет, подмечая феномен «стадности», которая набирает силу в европейской культуре, с трудом скрывал презрение к «массам», которые «душат» все лучшие помыслы творческого меньшинства (Ортега-и-Гассет, 2001). И если далее интеллектуальный вектор развития экзистенциализма как политико-философской теории устремился в сторону личностного внутреннего или внешнего трансцендентального бунта с целью выразить закостеневшему лицемерному обществу свое презрение и добиться духовной свободы от него (А. Камю, Ж.-П. Сартр), то следующий шаг, предпринятый уже «новыми левыми» Франкфуртской школы, состоял в прямом призыве к творческому меньшинству взять на себя миссию разгрома «общества одномерности». И в данной трактовке «маленький человек» западной цивилизации представляется духовно бедным, легко манипулируемым, лишенным творческих интересов, покорным (Маркузе, 2002).

Последователи социальных экспериментов «новой левой» волны второй половины XX века вряд ли испытывали столь острую психологическую потребность в «исповеди» перед общиной, ради которой революционеры-террористы столетием ранее метали бомбы в своих сановных жертв. Читая произведения, к примеру, Ги Дебора или Жана Жене, понимаешь, что главной задачей этих «властителей дум» юных бунтарей была задача как можно болезненнее уязвить «народного человека», обывателя. Но если Ги Дебор считал нужным облачить свой выпад против социальной системы в некое подобие философского трактата (Дебор, 2000), а идол протестной субкультуры 60-х годов XX века бунтарь-хулиган Эбби Хоффман написал откровенную сатиру («Сопри эту книгу»)¹, то лидер российского национал-большевизма конца XX – начала XXI вв. Эдуард Лимонов начал с того, что спровоцировал скандал автобиографическим романом «Это я – Эдичка»², постаравшись плеснуть в лицо американского обывателя (кстати, приютившего в тот период эмигранта Э. Лимонова-Савенко) квинтэссенцией интеллектуальной грязи, замешанной на острейших социально-психологических табу.

Э. Лимонов – яркий писатель-постмодернист (Тищенко, 2021), порой использующий в своих текстах литературный прием подачи неструктурированных потоков сознания. Значит, его тексты нельзя понимать буквально и трактовать инструментарием прямолинейности, логики, рациональности. Сложно сказать однозначно, уместна ли здесь прямая аналогия с суфийскими притчами, которые тоже не каждый поймет – простолудин увидит лишь оболочку и будет тем доволен, а посвященный и размышляющий человек доберется до сути подтекста. Книгой «Это я – Эдичка» разочарованный в американском бытии автор-эмигрант преследовал целью ранить в глубину души обывателя общества потребления, покоробить пресловутый wasp-истеблишмент (Светлик, 2018). В начале книги Э. Лимонов откровенно издевается над своим американским читателем такими тезисами: раз заманили меня в США пропагандой своего образа жизни, так теперь я вам на шею с удовольствием сяду и буду всячески куражиться, вы будете мне пособие платить, а я еще над вами посмеюсь, а если получится, то и нанесу вред вашему государству подрывной леворадикальной борьбой... Кажется, автор буквально вопрошает со своих страниц читающую аудиторию: «Кого же

¹ Хоффман Э. Сопри эту книгу! Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии. М., 2003. 240 с.

² Лимонов Э. Это я – Эдичка. М., 1991. 360 с.

вы к себе вывезли и зачем? И ведь я не исключение», – уточняет автор. Это общий случай советской эмиграции никчемных и озлобленных людей, севших теперь на американский бюджет.

Э. Лимонов тщательно вырисовывает максимально безобразный образ эмигранта, совершенно не нужного Америке и даже вредного ей. А какие отвратительные образы можно было привести американскому читателю 70-х – 80-х годов XX века, чтобы его оскорбить? Воспевание наркотических грез? А кого этим удивишь после Эбби Хоффмана с его «Нацией Вудстока», использующей в качестве эмблемы лист конопли? Алкоголизм? Тоже не то – давно ставший привычным для западного обывателя стереотип по отношению к русским. И тогда Э. Лимонов литературными образами избрал межрасовый гомосексуализм, намеки на педофилию и т.д., чем сознательно хотел вызвать максимально неприязненные отношения со стороны сытого и дородного американского «буржуя-обывателя». Показательно, что по тексту анализируемого произведения автор неоднократно угрожает, что при первой же возможности он разрушит уютный мир американского обывателя, так «неосмотрительно» допустивший его на свою территорию. Однако в полной мере странный сплав биографических, художественных, публицистических книг и эссе Э. Лимонова обрушился именно на российскую молодежь в 90-е годы, причем где жизненная правда, а где литературный вымысел, где серьезный социально-политический анализ, а где откровенная ирония и глум в его произведениях, неискушенной публике разобраться было невозможно. Но именно это и привлекало.

Для вдохновителей современных экстремистских движений и радикальных протестных субкультур презрение к «овощу-обывателю» (на сленге лимоновских нацболов «овощ» – духовно деградировавший человек, чья жизнь убога по своим интересам и целиком встроена в формат массовой культуры, «овощ» не предпринимает попыток к изменению ситуации, соглашаясь со своей участью) гармонично укладывается в мессианское мировоззрение, восприятие самого себя как пассионарного субъекта социума, назначенного судьбой противостоять инертной людской массе, не только не приносящей пользы, но и способной фатально замедлить исторический прогресс. Выход за рамки убогого «здесь-бытия» возможен методом разрыва социальных контактов с духовно выродившимися институтами современного общества: разрыва с семьей (отец – неудачник и пьяница, все упустивший в жизни, мать – бесполезная истеричка, оба «программируют» жизнь своего ребенка на рутинный примитивный быт), с системой образования (учителя – сборище профессионально некомпетентных надсмотрщиков, чьей единственной задачей является уничтожение в своих питомцах любой самостоятельности, неконформизма и творчества).

В качестве альтернативы предлагается некое привилегированное «братство», полное романтики и нацеленности на личностный рост и борьбу, доступ в которое открыт далеко не всем и сопряжен с выполнением ряда формальных и неформальных условий. Именно из такой среды генерируются молодые участники акций прямого действия, не только готовые идти на опасные действия, но и сознательно увеличивающие риск ответных репрессий по политическим мотивам по отношению к себе. Характерный пример – Андрей Сухорода, будущий лидер террористической группировки «Приморские партизаны», вдохновленный книгами Э. Лимонова в возрасте шестнадцати лет (прихватив с собой двенадцатилетнюю родственницу) отправился с Дальнего Востока в Москву без денег, без знакомств, просто вдохновленный идеализированным в своем сознании образом нацбольской коммуны-«бункера», населенной интеллектуальными бунтарями, противостоящими косной массе обывателей и сумевшими вырваться из рядов этой массы, возвыситься над ней. Но в Москве будущего террориста постигло разочарование – «бункер» нацболов действительно существовал, но собиравшееся там общество было слишком далеко от его ожиданий¹.

Характеризуя теоретический базис лимоновского национал-большевизма, профессор И.А. Ветренко отмечает: «Это политическое учение пытается объединить в себе несоединимое и зачастую противоположное, а именно – их идеология основана на консенсусе крайне левых и крайне правых взглядов» (Ветренко, 2018: 93). Национал-большевистская партия Э. Лимонова, аккумулировавшая в своих рядах политически активную молодежь (преимущественно леворадикальных взглядов, хотя в стереотипах СМИ ее представляли едва ли не неофашистами), прославившаяся эпатажными протестными акциями во второй половине 90-х годов, вышла на столь заметный пик популярности, что породила у своего вождя надежды на политическую победу в рамках электоральной борьбы. Однако стремительное укрепление персоналистского политического режима Владимира Путина быстро разрушило эти иллюзии. НБП была не только отстранена от института политических выборов, но и подверглась запрету, а против ее активистов начали успешно работать государственные правоохранительные структуры.

Оказавшись полностью маргинализированными, утратив даже иллюзорную веру в возможность легитимного проникновения хотя бы в среднее звено российской представительной власти,

¹ Антонов Р. Приморские партизаны. М., 2011. 114 с.

протестно-радикальное политическое движение Э. Лимонова стало повторять судьбу своих западноевропейских аналогов времен «студенческой революции» 60–70-х годов XX века – распадаться, деструктурироваться, терять пассионарность, а в конечном итоге тактически уходить «вправо», блокируясь с либеральной оппозицией Касьянова-Каспарова. Но если европейские «новые левые» в стадии распада все же ухитрились выплеснуть из своих рядов несколько не-больших радикалистских группировок, оказавшихся способными перейти непосредственно к террористической деятельности (упоминавшаяся выше «Фракция Красной Армии»), то в российских реалиях этого удалось избежать. Значительной угрозы для государства и общества ультралевые политические террористы в нулевые годы XX века составить не смогли и лишь в последующее десятилетие анархисты дали о себе знать одиночными террористическими актами¹.

Постмодерн трансформировал ключевые тренды социально-политического, экономического, культурного, психологического развития человеческой цивилизации. Серьезные преобразования претерпела и радикальная оппозиция – как по форме, так и по содержанию своих доктрин. На фоне российского политического процесса закономерным оказалось появление колоритной фигуры непримиримого политического бунтаря и эпатажного нарушителя моральных норм – лидера национал-большевистского движения, писателя, чьи фантазии материализовались в реальную политическую игру. Книги Э. Лимонова шокируют, возмущают, порождают желание протестовать против автора, вызывают чувство отторжения его как политического деятеля в том числе. Однако все не столь просто – как бунтарь-одиночка, воинствующий интеллигент, бросающий вызов любой упорядоченной общественной системе, он и не стремился добиться расположения широких народных масс, наоборот, не скрывал своего презрения к ним². И в этом была его обреченность как политика.

Национал-большевизм в лимоновской подаче – это не столько политическая доктрина, сколько протестное иррационалистическое мировоззрение, альтернативный образ жизни, виртуальный мир фантазий и химер, увлекший определенную часть российской молодежи. Полезно вспомнить, что теоретические основы национал-большевизма были заложены отнюдь не Э. Лимоновым, но задолго до него, например, Н. Устряловым (2003) и М. Агурским (1980). Здесь можно наблюдать аналогию с марксизмом: есть марксизм как идеология, а есть масса радикальных про-марксистских организаций и группировок на основе этой идеологии.

Б.Н. Ельцин относился к деятельности НБП с неприязнью, но без целенаправленных репрессий (хотя наиболее odioзные нацболы и тогда несли правовую ответственность за последствия своих акций), а весь «уличный движ» напоминал феномен, именуемый «революционным карнавалом». Именно такой НБП осталась в воспоминаниях многих участников тех событий. И хотя Э. Лимонов свернул леворадикальный проект уже к концу первого десятилетия XXI века в праволиберальную сторону, он еще продолжал оказывать влияние на сознание части протестной российской молодежи, проявляясь в той или иной форме в будущем как российская антиглобалистская ветвь.

Но неизбежно наступила фаза раскола. Из мировоззренческого конгломерата «лимоновцев» рождались различные политические течения, в том числе со ставкой как на радикальные русско-националистические лозунги, так и на левацкую линию, выступая под идеей вернуть партию к ее «первоистокам», якобы преданным самим вождем. Антилимоновские «раскольники», возможно при негласной поддержке государственных структур, вполне имели шанс на успех медийно «раскрутить» какую-то фигуру нового уличного «вожденка» в паре с воинствующим демагогом из мелких политиков, а затем и перехватить у Э. Лимонова влияние на националистически настроенную аудиторию. Однако этого уже не потребовалось.

Как политик, Э. Лимонов сам совершил серьезную ошибку оппозиционного вождя – стал решительно раскалывать и «чистить» свою партию до ключевого момента битвы за власть, а не после. Зачем НБП потребовалась преждевременная «чистка рядов»? Разве не могли в рамках одного движения продолжать сосуществовать националистическая фракция, ультралевацкая, либерально-демократическая, мусульманская, «шизополитическая» и им подобные субкультурные феномены? Но «революционный карнавал» не состоялся, закончился рутинной бесполезной предвыборной оргработы в бесплодных попытках встроиться в своеобразную системную «оппозицию Ее Величества», что удалось В. Жириновскому, но не удалось Э. Лимонову. В итоге «богемный повстанец» сперва неудачно поменял амплуа с радикала-практика (получившего обвинение в подготовке вооруженного мятежа и побывавшего за это в неволе) на образ публичного политика, а затем отошел от практической работы.

¹ Козлова Д. Анархия мать посадок // Новая газета. 2020. 11 марта.

² Лимонов Э. Анатомия героя. Смоленск, 1998. 480 с.

В заключение можно резюмировать, что протестная субкультура российского национал-большевизма конца XX – первого десятилетия XXI веков была закономерным явлением с вполне востребованным, пусть и не в широких кругах, интеллектуальным продуктом. Финал XX века шел под глобальным знаменем неолевачества, образ которого выражал мексиканский Субкоманданте Маркос со своими сапатистами. Концепции Маркоса¹ весьма перекликались с лимоновским пониманием протестной борьбы – максимум эпатажа, куража, взлома моральных табу, героизации борьбы при одновременном умелом избегании насилия и уж тем более жестокости по отношению к противнику. И Маркос, и Лимонов были востребованы в свое время прежде всего как теоретики новой левой идеи и в какой-то степени как политики-вожди. Новой и актуальной была концепция объединения в движение максимального количества самых вычурных субкультур, носители которых хотели хотя бы чем-то маркировать свое «я» от массы выросших в систему либерального миропонимания и материального потребления обывателей (Маркос даже не гнушался призывать в свои ряды инопланетян и загадочных «серопозитивных»). На фоне либерального варианта глобализации и адаптации к системе как содержания жизни среднего человека этот левый антиглобализм с привкусом революционной романтики представлял альтернативный путь развития социума. Проблема была в том, что ставка на социальную экзотику не могла привлечь в движение действительно широкие социальные массы. А затем с рубежа XXI века мир неожиданно для многих развернулся к иным трендам – рост военной напряженности и геополитического противостояния великих держав, религиозный терроризм, глобализация, «цветные революции» и связанные с ними вооруженные действия. Человечество входило в новый политический цикл, закономерной вехой которого стала военная спецоперация России, начатая в декабре 2022 года против украинского режима, что немедленно обернулось глобальным противостоянием с коллективным Западом. Леворадикальная экзотика в этих условиях отошла на второй план – временно, как нам представляется. Итогом этого цикла неизбежно станет резкое падение жизненного уровня широких социальных слоев, безработица, инфляция, новые миграционные волны, а значит неизбежна актуализация идеи социальной справедливости в будущем.

Список источников:

- Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. Р., 1980. 326 с.
 Ветренко И.А. Эдуард Лимонов о национал-большевизме и политических прогнозах на будущее России // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Омск, 2018. С. 93–97.
 Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 183 с.
 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. 526 с.
 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001. 509 с.
 Сьветлик А. Одиночество в романе «Это я – Эдичка» Эдуарда Лимонова // Художественный текст глазами молодых. Ярославль, 2018. С. 128–132.
 Тищенко Е.Ю. Публицистика Эдуарда Лимонова в сборнике «Русское психо» // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Краснодар, 2021. С. 326–329.
 Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2003. 653 с.

References:

- Agurskii, M. S. (1980) *Ideologiya natsional-bol'shevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Paris. 326 p. (in Russian).
 Debora, G. (2000) *Obshchestvo spektaklya* [Society of the Spectacle]. Moscow. 183 p. (in Russian).
 Markuze G. (2002) *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek: Issledovanie ideologii razvityego industrial'nogo obshchestva* [Eros and Civilisation. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow. 526 p. (in Russian).
 Ortega-i-Gasset H. (2002) *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow. 509 p. (in Russian).
 Swietlik, A. (2018) Loneliness in the Novel «It's Me, Eddie» by Eduard Limonov. In: *Hudozhestvennyy tekst glazami molodykh*. Yaroslavl, pp. 128–132 (in Russian).
 Tishchenko, E. Yu. (2021) Publitsistika Eduarda Limonova v sbornike «Russkoe psikho» [Publicism of Eduard Limonov in the collection «Russian Psycho»]. In: *Tvorchestvo V.I. Lihonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii*. Krasnodar, pp. 326–329 (in Russian).
 Ustryalov, N. (2003) *Natsional-bol'shevizm* [National Bolshevism]. Moscow. 653 p. (in Russian).
 Vetrenko, I.A. (2018) Eduard Limonov o natsional-bol'shevizme i politicheskikh prognozhakh na budushchee Rossii [Eduard Limonov on National Bolshevism and Political Forecasts for the Future of Russia]. In: *Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt*. Omsk, pp. 93–97 (in Russian).

Информация об авторе

И.Л. Морозов – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.

¹ Маркос. Четвертая мировая война : сборник. Екатеринбург, 2005. 694 с.

Information about the author

I.L. Morozov – D.Phil. in Political Sciences, Associate Professor, Professor of Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 31–37.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 31–37.

Научная статья

УДК 325.83

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.3>

Влияние Брекзита на развитие сепаратистских настроений в Шотландии и Северной Ирландии

Виталий Анатольевич Эпштейн¹, Регина Ринатовна Сагитова²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

¹epshteinv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

²sagitova_regina@icloud.com

Аннотация. Актуальность данной статьи состоит в том, что все большему количеству стран, независимо от типа государственного устройства, формы правления, уровня экономического развития и степени демократизации общества приходится сталкиваться с проблемой регионального сепаратизма. Анализ этого явления на примере Великобритании может помочь в урегулировании подобных конфликтов в других государствах. В статье определяются проблемы и перспективы сепаратистских тенденций в Соединенном Королевстве на фоне Брекзита. Анализируются социальные настроения в Северной Ирландии и Шотландии. Рассматриваются действия правительства Соединенного Королевства, властей Северной Ирландии и Шотландии в попытке найти консенсус по вопросу сохранения единства государства или следования последних по пути сепаратизма и обретения независимости от Великобритании. Заключается, что решение страны выйти из Евросоюза несет с собой риск развития цепной реакции и усиления сепаратистских настроений в других регионах Западной Европы.

Ключевые слова: политология, сепаратизм, Великобритания, Брекзит, Северная Ирландия, Республика Ирландия, Шотландия, ЕС

Для цитирования: Эпштейн В.А., Сагитова Р.Р. Влияние Брекзита на развитие сепаратистских настроений в Шотландии и Северной Ирландии // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 31–37. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.3>.

Original article

The impact of Brexit on the development of separatist sentiments in Scotland and Northern Ireland

Vitaly A. Epshtein¹, Regina R. Sagitova²

^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹epshteinv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

²sagitova_regina@icloud.com

Abstract. The relevance of this article is that an increasing number of countries, regardless of the type of state structure, form of government, level of economic development and degree of democratization of society have to face the problem of regional separatism. The analysis of this phenomenon on the example of the UK can help in the settlement of similar conflicts in other states. The article defines the problems and prospects of separatist tendencies in the United Kingdom against the background of Brexit. Social attitudes in Northern Ireland and Scotland are analyzed. The actions of the Government of the United Kingdom, the authorities of Northern Ireland and Scotland in an attempt to find consensus on the issue of preserving the unity of the state or following the latter on the path of secession and gaining independence from Great Britain are considered. It is concluded that the country's decision to withdraw from the European Union carries with it the risk of developing a chain reaction and strengthening separatist sentiments in other regions of Western Europe.

Keywords: political science, separatism, Great Britain, Brexit, Northern Ireland, Republic of Ireland, Scotland, EU

For citation: Epshtein, V.A. & Sagitova, R.R. (2022) The Impact of Brexit on the Development of Separatist Sentiments in Scotland and Northern Ireland. *Society: Politics, Economics, Law*. (5), 31–37. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.3](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.3) (In Russian).

Как известно, Великобритания окончательно покинула Европейский Союз в ночь на 1 января 2021 г. Данное решение вызвало неоднозначную реакцию в британском обществе. В 2016 г. в ходе проведения референдума о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе

(ЕС) население Шотландии и Северной Ирландии, где много лет активно дебатировался вопрос о независимости, высказалось в большинстве своем против такого шага¹. Брекзит вновь выдвинул на повестку дня возможность сецессии этих территорий.

В ходе переговорного процесса по оформлению выхода из ЕС одно из центральных мест занимал вопрос о статусе сухопутной границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландия (Охошин, 2019). Проблема заключалась в том, что согласно Акту о Республике Ирландия (1949 г.) последняя окончательно обрела независимость и стала отдельным государством, в то время как северная часть острова оставалась в составе Соединенного Королевства². Таким образом, Северная Ирландия покинула единые границы ЕС, в то время как остальная часть острова (Республика Ирландия) сохранила свое присутствие в Евросоюзе. По итогам Белфастского соглашения 1998 г. (Соглашение Страстной пятницы) граница между Белфастом и Дублином становилась «открытой»³, что означало отсутствие контрольно-пропускных пунктов, в результате чего каждый гражданин ЕС мог беспрепятственно переходить с территории Республики Ирландия в Северную Ирландию и наоборот.

Существовали серьезные опасения, что изменение текущего положения приведет к эскалации вооруженной деятельности террористических группировок (ИРА, лоялистские организации протестантов), которые хоть и прекратили свои действия на данный момент, но продолжают существовать.

Еще одной проблемой при обсуждении вопроса Брекзита стало гражданство – после выхода Британии из ЕС часть населения одной из ее частей будут составлять граждане страны, входящей в Европейский союз. Дело в том, что согласно отдельному подпункту Белфастского соглашения жители Северной Ирландии могут быть одновременно гражданами Великобритании и Республики Ирландия, т. е. иметь двойное гражданство. Этим правом воспользовались примерно 500 тыс. из 1,8 млн человек из числа населения Северной Ирландии, которые теперь будут «пользоваться всеми правами граждан Евросоюза, чего будут лишены остальные британцы. Они смогут пользоваться свободой передвижения между европейскими странами, жить там и работать без каких-либо иммиграционных ограничений»⁴.

Законодательство Соединенного Королевства не запрещает институт двойного гражданства, поэтому он функционирует в Великобритании без каких-либо ограничений. Требования отказать от паспорта страны происхождения – как для британцев, так и для иностранцев – нет. Также нет необходимости в регистрации факта получения второго гражданства. Аналогичные правовые нормы действуют и на территории Республики Ирландия.

Более того, задолго до отмены границ внутри ЕС Великобритания и Республика Ирландия создали так называемое Общее иммиграционное пространство (Common Travel Area), в рамках которого граждане Республики Ирландия и Соединенного Королевства без особых разрешений могли пересекать границу, проживать, работать, получать пособия и пенсии и даже голосовать на любых выборах в соседнем государстве. Теперь же, несмотря на обещания премьер-министра Т. Мэй равного доступа к социальным гарантиям и занятости для англичан и ирландцев, оказалось, что иммиграционное законодательство Соединенного Королевства не предусматривает особого положения, которое приравнивало бы по статусу граждан Великобритании и Ирландии. Существующий юридический пробел сильно обеспокоил в первую очередь жителей Северной Ирландии.

Сложность вызывало то, что после подписания Белфастского соглашения 1998 г. остров Ирландия превратился в единое экономическое пространство, а выход Соединенного Королевства из состава ЕС означал установление границ и усложнение перемещения товаров, услуг и капиталов.

В общей сложности в ходе бурных обсуждений Брекзита и вновь разразившегося в этой связи конфликта в Северной Ирландии было предложено 5 решений ирландской проблемы.

1. «Электронная граница». Такой вариант предполагал имплементацию технического мониторинга границы по образцу Норвегии, не входящей в Евросоюз, и Швеции, состоящей в нем. Однако Республика Ирландия заявила, что не намерена содействовать строительству каких бы то ни было пограничных объектов, даже электронных, поэтому сразу же высказалась против данного варианта.

¹ Results EU Referendum [Электронный ресурс] // BBC News. URL: https://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 27.03.2022).

² The Republic of Ireland Act 1948 [Электронный ресурс] // Tithe an Oireachtais Houses of the Oireachtas. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/1948/19/> (дата обращения: 27.03.2022).

³ Belfast Agreement: 1998 [Электронный ресурс] // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ «Брекзит» и граница с Ирландией: почему это невозможно? [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/articles/breksit-i-granitsa-s-irlandiey-pochemu-eto-nevozmozhno> (дата обращения: 27.03.2022).

2. «Жесткая граница» между Северной Ирландией и Республикой Ирландией. Такой вариант не только мог разрушить устоявшиеся свободные экономические связи, разделяя остров на две неравные части, но и полностью противоречил Белфастскому соглашению. Разумеется, ирландское правительство отвергло и это решение. Министр иностранных дел Ирландии Саймон Ковени предупредил, что «любой барьер или граница на острове Ирландии рискуют подорвать очень тяжелый мирный процесс»¹.

3. Северная Ирландия – член ЕС с «особым статусом». Данный вариант имел ряд преимуществ, особенно для североирландского региона. Прежде всего, отсутствовала проблема создания границы, что удовлетворяло интересы большинства жителей Северной Ирландии, отдавших свой голос за сохранение региона внутри ЕС. Кроме того, данный вариант означал сохранение ежегодной субсидии Северной Ирландии со стороны ЕС в размере £600 млн. Великобритания выступила против подобного решения, так как это открывало дорогу для сепаратистов в Шотландии и Уэльсе².

4. «Мягкая граница» на всем острове Ирландия, «жесткая» – в Британии. Против такого решения выступили юнионисты, сторонники сохранения Белфаста в составе Соединенного Королевства, подчеркивая, что такой шаг грозит целостности Великобритании как государства, потому что жесткий пограничный контроль в отношении прибывающих из Северной Ирландии приравняет их к иностранцам.

5. «Ирландское воссоединение». Согласно мирному договору от декабря 1922 г. на правах доминиона было создано так называемое Ирландское свободное государство, что предопределило отделение от него северной части со столицей в Белфасте. В Республике Ирландии и в Северной Ирландии активно обсуждались идеи провести голосование по вопросу воссоединения. Тем более что согласно договору 1998 г. Белфаст имеет полное право решить свою судьбу на референдуме и покинуть союз с Британией.

Переговоры по вопросу ирландской границы были трудными и завершились в ноябре 2018 г. заключением соглашения о выходе Великобритании из ЕС, составной частью которого явился североирландский протокол. Согласно этому документу Северная Ирландия должна была остаться в зоне Единого европейского рынка (ЕЕР) и Таможенного союза (ТС). Однако впоследствии соглашение не прошло ратификацию в британском парламенте. Более того, занявший в 2019 г. пост премьер-министра Борис Джонсон принял решение о пересмотре протокола (Бабынина, 2019). Согласно поправкам Северная Ирландия входит в состав таможенной территории Британии, что означает для нее следование таможенным тарифам и соглашениям Соединенного Королевства. При этом неизбежные при выходе из ТС ЕС проверки будут проводиться в британских портах перед тем, как товары придут в Ирландию, а к североирландским производителям будут применяться тарифы и правила ЕС, что позволит сохранить прозрачность границ между двумя Ирландиями. Таким образом, был выработан «шестой вариант» решения проблемы³.

Сохранение подобной, «прозрачной» границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландией в определенной степени сдерживает возобновление конфликта. Но юнионистов в самой Северной Ирландии и многих политиков в Лондоне возмущает подобное частичное экономическое отделение региона от остального Соединенного Королевства. Они призывают отменить или радикально пересмотреть североирландский протокол и заявляют о том, что в Ирландском море фактически была создана новая торговая граница. Юнионисты убеждены, что условия выхода Британии из ЕС могут в перспективе способствовать росту сепаратистских настроений в регионе, что подтверждается вспыхнувшими беспорядками в Северной Ирландии в апреле 2021 г.⁴

Единство во мнении о Североирландском протоколе не достигнуто до сих пор. Великобритания настаивает на избавлении от большого объема бумажной работы с Северной Ирландией, а также на обеспечении того, чтобы товары, которые остаются в Северной Ирландии, соответствовали британским стандартам без необходимости соблюдения законодательства ЕС. Со своей стороны ЕС заявляет, что о пересмотре текста протокола не может быть и речи, но сформулировал предложения по снижению на 80 % количества проверок продуктов питания, прибывающих в Северную Ирландию, а также по сокращению вдвое объема необходимой бумажной

¹ Brexit: Coveney Says 'Tech Alone will not Solve Order Issue' [Электронный ресурс] // BBC News. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-europe-40637851> (дата обращения: 27.03.2022).

² Haverly D. With Parliament Voting for Brexit, Is Irish Unification Inevitable? [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/01/09/irish-unification-brexit/> (дата обращения: 28.03.2022).

³ Protocol on Ireland and Northern Ireland [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement/protocol-ireland-and-northern-ireland_en (дата обращения: 28.03.2022).

⁴ Война у «стен мира» в Белфасте. В Северной Ирландии бушуют беспорядки [Электронный ресурс] // Русская служба Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56654519> (дата обращения: 28.03.2022).

работы. Кроме этого, ЕС требует от Великобритании гарантий для предотвращения ввоза товаров из Великобритании в Ирландскую Республику.

Как уже отмечалось, открытая граница служит гарантией мира в Северной Ирландии, поэтому существует опасение, что, если будет установлена какая-либо инфраструктура, например, камеры или пограничные посты, это может привести к политической нестабильности. В ходе переговоров все стороны согласились с тем, что защита Белфастского соглашения 1998 г. является приоритетом в сложившихся условиях¹.

3 февраля 2022 г. первый премьер-министр Северной Ирландии Пол Гивэн, представляющий партию юнионистов, подал в отставку в знак протеста против действующего протокола. По его мнению, Североирландский протокол подрывает целостность страны. Поводом для такого решения послужил приказ министра сельского хозяйства Северной Ирландии Эдвина Путса о прекращении проверок в портах Северной Ирландии при пересечении границы с Ирландской Республикой. Дублин признал этот шаг нарушением международного права. Отставка первого премьер-министра означает автоматическую потерю должности его заместителем Мишель О'Нил, состоящей в партии «Шинн Фейн». Госпожа О'Нил заявила, что Брекзит научил тому, что «правительство Великобритании не уделяет приоритетного внимания людям в Северной Ирландии». 5 мая 2022 г. состоятся выборы в Североирландскую ассамблею, в ходе которых самой крупной партией может оказаться «Шинн Фейн», выступающая за воссоединение обеих частей Ирландии. Поэтому Мишель О'Нил призвала ирландское правительство подготовиться к переменам, добавив, что они «ближе, чем когда-либо были, к объединенной Ирландии, и сейчас самое время планировать»². По мнению бывшего заместителя первого премьер-министра, сложившаяся ситуация может привести к референдуму в Северной Ирландии.

Возможное объединение страны подтверждается опросами, проведенными в декабре 2021 г. английской компанией Lord Ashcroft Polls. Так, 67 % респондентов заявили, что Брекзит сделал объединение Ирландии в обозримом будущем более вероятным. 69 % опрошенных считают, что должен быть проведен референдум для прояснения позиции населения по этому вопросу. 51 % жителей Северной Ирландии отмечают, что при проведении референдума через 10 лет большинство голосов будет отдано за присоединение региона к Республике Ирландии³.

Шотландия – еще один регион Соединенного Королевства, стремящийся к отделению на протяжении уже многих лет. Лондон, конечно, в разное время предпринимал попытки снижения сепаратистских настроений в регионе путем частичной автономизации Шотландии: с 1990-х гг. начался процесс деволюции, возобновилась работа парламента (впервые с 1707 г.). (Тюрин, 2012). Однако это дало обратный эффект – произошел рост национального самосознания шотландцев. Несмотря на то, что референдум о независимости 2014 г. определил дальнейшее будущее региона в составе Великобритании (55 % шотландцев отдали свои голоса за сохранение Шотландии в составе Великобритании), Брекзит полностью изменил ситуацию, вызвав новый всплеск идей образования суверенного государства⁴. Представители Шотландской национальной партии (ШНП), комментируя сложившуюся ситуацию, заявили, что в 2014 г. речи о Брекзите не шло и что теперь положение дел кардинально изменилось. Как уже было сказано, большинство шотландцев в 2016 г. высказались против выхода из ЕС, и их внимание теперь сосредоточено на сохранении членства в объединении европейских государств⁵.

В мае 2019 г. шотландское правительство опубликовало законопроект о проведении повторного референдума о независимости Шотландии, однако Лондон плебисцит не одобрил⁶. В январе 2020 г. в крупных городах Шотландии прошли митинги против Брекзита. В них принимали участие и депутаты парламента от ШНП, главой которой является Никола Ф. Стерджен⁷. Очевидно, что сторонники сепаратизма отступать не намерены. ШНП настаивает на принятии

¹ Brexit: What's the Northern Ireland Protocol? [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/explainers-53724381> (дата обращения: 28.03.2022).

² Sinn Féin: 'Time to Plan for a United Ireland,' Says Michelle O'Neill [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-60449290> (дата обращения: 28.03.2022).

³ Ulster and the Union: the View from the North [Электронный ресурс] // Lord Ashcroft KCMG PC. URL: <https://lordashcroftpolls.com/wp-content/uploads/2021/12/LORD-ASHCROFT-POLLS-Ulster-and-the-Union-1.pdf> (дата обращения: 28.03.2022).

⁴ Scotland Votes «No» [Электронный ресурс] // BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/language/wordsinthenews/2014/09/140919_witn_scotland.shtml (дата обращения: 29.03.2022).

⁵ Шотландия надеется вернуться в ЕС как независимая страна [Электронный ресурс] // Русская служба Би-Би-Си. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51339865> (дата обращения: 29.03.2022).

⁶ Sturgeon Wants Scottish Independence Referendum by 2021 [Электронный ресурс] // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-48026430> (дата обращения: 29.03.2022).

⁷ Шотландия надеется вернуться в ЕС как независимая страна ...

закона о референдуме, несмотря на отказы Вестминстера, а также заявляют о своей готовности отстаивать свои права в суде¹.

Готовясь к выборам в Холируд (шотландский парламент), которые были запланированы на 6 мая 2021 г., ШНП пообещала провести референдум о независимости Шотландии до конца 2023 г.

В противостоянии с Лондоном используется не только выход Великобритании из ЕС, но и последствия пандемии. Н. Стерджен заявила, что правительство бросит все силы на борьбу с коронавирусом и его последствиями². По мнению большинства шотландцев действия Н. Стерджен по нераспространению коронавирусной инфекции более решительны и эффективны, чем меры Б. Джонсона. Некоторые эксперты напрямую связывают растущий авторитет главы ШНП с усиливающейся тенденцией покинуть союз с Британией³.

Б. Джонсон не может не осознавать, что в случае независимости Шотландии он войдет в историю как последний премьер-министр Соединенного Королевства с неминуемой отставкой и соответствующей репутацией. В связи с этим он предпринимает все возможные шаги для предотвращения подобного развития событий. Еще в январе 2021 г. Б. Джонсон посетил Шотландию, чтобы убедить жителей в преимуществах единого государства. Аргументировал он это помощью Лондона Эдинбургу в борьбе с коронавирусом. Так, региону было предоставлено более 1 млн тестов на коронавирус, открыто более 50 центров для тестирования и 80 центров по вакцинированию. Кроме того, из Англии в Шотландию были направлены машины скорой помощи для содействия местным отделениям в обслуживании вызовов. Экономическая помощь центрального правительства выразилась в предоставлении поддержки на сумму в £8,6 млрд, что позволило сохранить более 900 тыс. рабочих мест и произвести 60 млн доз вакцин на предприятиях в Шотландии⁴.

Тактика Лондона принесла свои плоды. Если в период с июня 2020 по январь 2021 г. 23 опроса подряд показали, что желающих расторгнуть союз с Британией большинство, то после предпринятых правительством Б. Джонсона действий по нераспространению коронавируса и борьбы с ним мнения в шотландском обществе разделились примерно пополам. С начала апреля 2021 г. результаты 7 опросов подряд подтвердили, что противников отделения на 1–7 % больше, затем два последующих опроса свидетельствовали о равном соотношении сторонников сецессии и тех, кто поддерживает единство страны⁵.

6 мая 2021 г. состоялись выборы в парламент Шотландии. Две сепаратистские партии – ШНП и «зеленые» – получили 72 места в Холируде (64 и 8) из 129 (то есть 55,8 % всех голосов)⁶. Вопреки прогнозам об абсолютном большинстве в парламенте ШНП смогла добиться серьезной победы лишь вкупе с «зелеными» (без них ШНП получило 47,7 % голосов избирателей). Однако существенное количество мандатов все же было получено, поэтому предвыборное обещание о проведении референдума должно быть выполнено. Н. Стерджен заявила газете Scotsman, что «будущее Шотландии определяет только народ Шотландии, и ни один Вестминстерский политик не должен и не может этому препятствовать», намекая на Б. Джонсона⁷.

Как бы то ни было, британское правительство настроено весьма решительно и в очередной раз выступило против голосования по вопросу независимости Шотландии. Главным аргументом

¹ Ананьева Е. Первый этап борьбы за Шотландию в эпоху «постбрекзит» [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28938> (дата обращения: 29.03.2022).

² После пандемии – отделение от Британии. Шотландские националисты обещают референдум через пару лет [Электронный ресурс] // Русская служба Би-Би-Си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56736658> (дата обращения: 29.03.2022).

³ Вирусный эффект. Шотландцы за время пандемии сильнее захотели отделиться от Англии [Электронный ресурс] // Русская служба Би-Би-Си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55323580> (дата обращения: 29.03.2022).

⁴ Boris Johnson to Destroy Nicola Sturgeon's Scottish Independence Bid with Four Arguments [Электронный ресурс] // Express. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1390133/boris-johnson-scotland-trip-nicola-sturgeon-scottish-independence-referendum-indyref2> (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ Сепаратисты выиграли выборы в Шотландии и хотят судиться с Лондоном за референдум [Электронный ресурс] // Русская служба Би-Би-Си. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57028117> (дата обращения: 01.04.2022).

⁶ Scottish Election 2021: Results in Maps and Charts [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-57028315> (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ Scottish Election 2021 Results: Nicola Sturgeon Says Independence Referendum Timing a Decision for Scottish Parliament [Электронный ресурс] // The Scotsman. URL: <https://www.scotsman.com/news/politics/scottish-election-2021-results-nicola-sturgeon-says-independence-referendum-timing-a-decision-for-scottish-parliament-3229300> (дата обращения: 01.04.2022).

премьер-министра и его сторонников послужила договоренность, достигнутая Лондоном и Эдинбургом перед референдумом 2014 г., о том, что после голосования, вне зависимости от его исхода, вопрос отделения будет закрыт как минимум на поколение¹.

Шотландские сепаратисты, в первую очередь – представители ШНП, убеждены, что после Брексита старая договоренность потеряла смысл. По мнению лидера национальной партии, победа на состоявшихся выборах указывает на готовность жителей Шотландии к референдуму и дает «народное разрешение» на проведение голосования. Такая воодушевленность, а также упомянутая выше готовность сепаратистов отстаивать право на плебисцит в суде говорят о радикализации (в некоторой степени) позиции сторонников независимости Шотландии.

В канун выборов Н. Стерджен заявила, что премьер-министру Великобритании придется подавать в суд, чтобы доказать недействительность закона о референдуме, если он захочет воспрепятствовать его проведению. Госпожа Стерджен также добавила, что в случае, если Б. Джонсон не станет этого делать, то голосование будет считаться автоматически легитимным.

Стоит заметить, что усиливающиеся в последнее время попытки получения независимости и возвращения Шотландии в Европейский Союз вовсе не гарантируют перевес голосов в пользу отделения (если референдум все же состоится). Как уже отмечалось ранее, единство среди шотландского населения отсутствует. К тому же действия ШНП будут зависеть от позиций других партий, прежде всего, их союзников – «зеленых», так как заполучить абсолютное большинство мест в Холируде ШНП не удалось. Даже при успешном для сепаратистов результате возможного референдума по вопросу выхода из состава Соединенного Королевства разрыв связей, прежде всего, экономических, маловероятен (Осколков, 2021). Говоря о будущем Шотландии, лидеры ШНП заявляют о необходимости сохранить фунт стерлингов и монархию, общую систему социального обеспечения и доступ к высшему образованию по всей Великобритании. В ходе опроса 2014 г., проведенного британской международной аналитической компанией You Gov, шотландцы высказывались в пользу монархии в соотношении 54 к 39, да и среди сторонников ШНП доля республиканцев составляла 46 %².

Таким образом, достигнутый во внутривнутриполитической жизни Великобритании к началу XXI в. мир был расшатан решением страны выйти из Евросоюза. Резко против высказались националисты Северной Ирландии и Шотландии, стремящиеся к отделению от Соединенного Королевства. Волна сепаратистских идей вновь охватила британское общество. Это значит, что противостояние шотландских и североирландских сторонников отделения и желающих сохранить центральную власть будет продолжаться. Возможно, правительству Великобритании придется пойти на определенные уступки, чтобы избежать более сложных и даже трагичных последствий Брексита. Однако при любом раскладе это чревато цепной реакцией и усилением сепаратистских настроений в других регионах Западной Европы.

Список источников:

Бабынина Л.О. Новое соглашение между Великобританией и ЕС: кто выиграл? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 6 (12). С. 18–24. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620191823>

Осколков П.В. Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 3. С. 59–71. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71>

Охошин О.В. Региональная политика британского правительства на фоне Брексита // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 3. С. 352–359. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-352-359>

Тюрин Е.А. Шотландия: перспективы возрождения суверенного государства // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 103–110.

References:

Babynina, L. O. (2019) A New Agreement Between the UK and the EU: Who Won? *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*. (6 (12)), 18–24. Available from: [doi:10.15211/vestnikieran620191823](https://doi.org/10.15211/vestnikieran620191823) (in Russian).

Okhoshin, O. V. (2019) The Regional Policy of the British Government on the Background of Brexit. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3 (3), 352–359. Available from: [doi:10.35634/2587-9030-2019-3-3-352-359](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-352-359) (in Russian).

Oskolkov, P. V. (2021) Ethnoregional Separatism in Europe: Disintegration vs. Integration? *Mezhdunarodnaya analitika*. 12 (3), 59–71. Available from: [doi:10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71) (in Russian).

Tyurin, E. A. (2012) Shotlandiya: perspektivy vozrozhdeniya suverennogo gosudarstva [Scotland: Prospects for the Revival of a Sovereign State]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. (1), 103–110 (in Russian).

¹ Сепаратисты выиграли выборы в Шотландии и хотят судиться с Лондоном за референдум ...

² Llewelyn A. Queen Elizabeth II Said She 'Would be Proud' to Be Monarch of Independent Scotland [Электронный ресурс] // Express. URL: <https://www.express.co.uk/news/royal/1385798/queen-elizabeth-ii-royal-family-snp-indyref2-scottish-independence-spt> (дата обращения: 01.04.2022).

Информация об авторах

В.А. Эпштейн – кандидат социологических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=486619.

Р.Р. Сагитова – студентка 4 курса факультета международных отношений института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Information about the authors

V.A. Epshtein – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of World Economy and International Relations, Institute of Business Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=486619.

R.R. Sagitova – 4th year student of the Faculty of International Relations, Institute of Business Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 38–42.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 38–42.

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.4>

Сетевая политическая коммуникация глав субъектов РФ и региональных органов исполнительной власти

Максим Александрович Ковшов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
m.a.kovshov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6244-1026>

Аннотация. В статье представлен анализ коммуникации между властью и обществом. Посредством сервиса Popsters анализируются публикации на личных страницах глав субъектов РФ и в официальных сообществах региональных органов исполнительной власти за 2021 год в социальной сети «ВКонтакте». С помощью коэффициента коммуникабельности (TR) оценивается активность представителей гражданского общества. Характеристика коммуникации представителей власти проводится по количеству публикаций за указанный период. По результатам проведенного анализа установлено, что предпочтительным каналом общения с населением для власти являются сообщества региональных органов исполнительной власти, тогда как для социума интерес представляют в этой функции личные страницы глав субъектов РФ. Делается вывод о перспективе социальной сети «ВКонтакте» стать «государственной социальной сетью» по концепции электронной демократии совместного действия.

Ключевые слова: сетевая политическая коммуникация, региональный орган исполнительной власти, глава субъекта, губернатор, общество, социальные сети, «ВКонтакте», электронная демократия совместного действия

Для цитирования: Ковшов М.А. Сетевая политическая коммуникация глав субъектов РФ и региональных органов исполнительной власти // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 38–42. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.4>.

Original article

Networked political communication by heads of constituent entities of the Russian Federation and regional executive authorities

Maksim A. Kovshov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
m.a.kovshov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6244-1026>

Abstract. The article presents an analysis of communication between the government and society. The Popsters service analyses the publications on the personal pages of the heads of the subjects of the Russian Federation and in the official communities of the regional executive authorities for the year 2021 in the social network VKontakte. Using the communication coefficient (TR), the activity of civil society representatives is assessed. The communication characteristics of government officials are carried out by the number of publications for the specified period. According to the results of the analysis, it was established that the communities of regional executive authorities are the preferred channel of communication with the population for power, while the personal pages of the heads of the constituent entities of the Russian Federation are of interest to society in this function. It concludes that the social network VKontakte has the prospect of becoming a “state social network” under the concept of participatory e-democracy.

Keywords: network political communication, regional executive authority, head of subject, governor, society, social media, VKontakte, collaborative e-democracy

For citation: Kovshov, M.A. (2022) Networked political communication by heads of constituent entities of the Russian Federation and regional executive authorities. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 38–42. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.4](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.4) (In Russian).

Развитие цифровых коммуникационных технологий, таких как социальные сети, оказало большое влияние на способы и характер взаимодействия между людьми. С каждым годом возрастает количество пользователей различных цифровых коммуникативных платформ, что делает локальные сообщества все более связанными. Так, согласно данным отчета Digital 2022

Global Overview Report¹, опубликованным креативным агентством We Are Social и сервисом для SMM Hootsuite, аудитория социальных сетей в 2022 году достигла 4,65 млрд человек, или 58,7 % от общего населения планеты. Канадский исследователь в сфере коммуникативистики М. Маклюэн назвал феномен столь широкого распространения средств массовой коммуникации «глобальной деревней» (Маклюэн, 2018).

Социальные сети играют все большую роль в политической коммуникации между властью и обществом, так как они предоставляют широкие возможности по массовому информированию и взаимодействию с гражданами. Посредством социальных сетей общество также расширяет свои возможности для взаимодействия с властью. Так, включенная функция комментирования публикаций на личных страницах политиков и в официальных сообществах органов власти дает гражданам дополнительную возможность для обращения к ним. Более того, коммуникация посредством социальных сетей представляется более эффективной, чем взаимодействие традиционным путем официальных обращений.

Возможность оставить комментарий к публикации является наиболее быстрым способом донести до представителей власти свои интересы и проблемы. Зачастую пресс-службы политиков имеют внутренние нормы, по которым следует дать ответ в течение нескольких часов, тогда как официальное обращение предполагает реакцию адресата в течение 30 дней (согласно статье 12 Федерального закона № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²). Дополнительным важным преимуществом коммуникации в социальных сетях является публичность, к обращению гражданина могут присоединяться другие пользователи, которые также будут видеть ответ на него, данный представителем власти.

Теоретической основой для настоящего исследования являются две научные парадигмы: концепция «сетевого общества» М. Кастельса³ и концепция электронной демократии совместного действия, предложенная К. Петриком (Petrik, 2010). Последняя является компромиссом между институтом представительной демократии и институтом прямого участия граждан. Концепция предполагает совместную работу государственных органов, а также частных акторов (НКО, бизнес, граждане и т.д.) в сфере законотворчества и политического управления по сетевому принципу. В качестве объединяющей площадки выступает государственная социальная сеть, членами которой будут все граждане государства. В функционал ее должна быть заложена возможность прямого волеизъявления населения.

Распространение сетевых практик в политической коммуникации приводит к «трансформации «вертикали власти» в «поле власти»» (Брега, 2020). Как и любое другое социальное изменение, она несет в себе и риски, и возможности, которые состоят в расширении политического участия общества в различных процессах государственного управления, однако обуславливаются неполнотой информации у политических и общественных акторов, нежеланием или неготовностью к объективному политическому анализу (Брега, 2020).

По мнению С.В. Володенкова, современные технологии сетевой коммуникации могут рассматриваться в качестве инструмента прямого влияния общества на различные институты власти. Происхождение такого воздействия обуславливается тем, что технологии сетевой коммуникации, с одной стороны, предоставляют государству и обществу широкие возможности для обратной связи, с другой – усиливают давление общественного мнения на процесс принятия политических решений, а также повышают степень прозрачности процессов взаимодействия государственных институтов и общества (Володенков, 2021).

В соответствии с целями настоящего исследования были проанализированы данные о характере коммуникации представителей региональных органов исполнительной власти (далее – РОИВ) и общества в социальной сети «ВКонтакте» за период с 01.01.2021 по 31.12.2021 г. Данные были собраны посредством сервиса для анализа социальных сетей Popsters. Изучались личные интернет-страницы глав субъектов РФ, а также официальные цифровые сообщества РОИВ (табл. 1). Коэффициент коммуникабельности (TR) позволил оценить коммуникационную активность подписчиков. Он рассчитывался по формуле:

$$TR = \left(\frac{\text{Сумма комментариев}}{\text{Количество подписчиков}} \right) / \text{Количество публикаций}.$$

Для характеристики коммуникации представителей РОИВ учитывалось их количество за анализируемый период. Важно отметить, что в исследовании приводятся данные глав субъектов РФ, которые занимали данный пост в течение длительного периода времени в 2021 году, даже если они не являлись главами на конец 2021 года.

¹ Digital 2022: April Global Statshot Report [Электронный ресурс] // Data Reportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-april-global-statshot> (дата обращения: 27.04.2022).

² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон № 59–ФЗ от 02.05.2006 (с учетом последних изменений от 27.12.2018) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие. М., 2016. 564 с.

Таблица 1 – Показатели активности официальных личных страниц глав субъектов РФ и официальных сообществ РОИВ в социальной сети «ВКонтакте» за 2021 год

Субъект РФ	Главы субъектов РФ		Сообщества РОИВ	
	TR	Количество публикаций	TR	Количество публикаций
1	2	3	4	5
Средние показатели	0,001627	426,45	0,0002	2 039
Алтайский край	0,002458	97	0,000101	2 100
Амурская область	0,000098	69	0,000051	1 323
Архангельская область	0,001045	607	0,000143	3 000
Астраханская область	0,000642	551	0,000105	1 620
Белгородская область	0,001328	1196	0,000133	2 038
Брянская область	0,001699	215	0,000068	2 502
Владимирская область	0,005986	96	0	2 144
Волгоградская область	0	0	0,000468	587
Вологодская область	0,001027	153	0,000064	4 174
Воронежская область	0,002794	124	0,000387	2 245
г. Москва	0,000524	783	0,000018	1 608
Еврейская автономная область	0	0	0,000013	1 541
Забайкальский край	0	0	0,000063	2 609
Ивановская область	0	0	0,00042	1 365
Иркутская область	0,000312	1073	0,000209	1 298
Кабардино-Балкарская Республика	0	191	0	0
Калининградская область	0	0	0,000238	1 373
Калужская область	0,001949	844	0,000343	1 484
Камчатский край	0,000182	58	0,000084	2 816
Карачаево-Черкесская Республика	0,000213	484	0,000093	1 550
Кемеровская область – Кузбасс	0,0009	400	0,000101	1 473
Кировская область	0,00054	456	0,000159	2 942
Костромская область	0,001383	414	0,000072	668
Краснодарский край	0,000549	254	0,000141	2 061
Красноярский край	0,001011	429	0,00008	2 114
Курганская область	0	136	0,000055	2 942
Курская область	0,002702	194	0,000244	3 970
Ленинградская область	0,0019	282	0,000277	1 288
Липецкая область	0	0	0,000132	1 593
Магаданская область	0,000622	141	0,000065	1 382
Московская область	0,000838	225	0,00343	1 085
Мурманская область	0,002849	668	0,000044	4 485
Ненецкий автономный округ	0,002137	620	0,000223	1 225
Нижегородская область	0	0	0,000089	2 107
Новгородская область	0,002257	356	0,000256	2 398
Новосибирская область	0,001766	104	0,00015	888
Омская область	0	0	0,000081	2 205
Оренбургская область	0	0	0,0001	2 287
Орловская область	0,000025	301	0,000115	2 087
Пензенская область	0,007539	216	0,000193	2 378
Пермский край	0,003681	296	0,000129	1 838
Приморский край	0,00034	388	0,000049	2 386
Псковская область	0	0	0,000135	1 750
Республика Адыгея (Адыгея)	0,000585	475	0,000142	705
Республика Алтай	0,00212	183	0,000082	1 974
Республика Башкортостан	0,001402	557	0	0
Республика Бурятия	0,001936	105	0,000046	2 540
Республика Дагестан	0	0	0,000128	176
Республика Ингушетия	0	0	0,000076	1 882
Республика Калмыкия	0	0	0,000097	1 210
Республика Карелия	0,001971	1001	0,000184	3 570
Республика Коми	0,001637	354	0,000081	4 939
Республика Крым	0,000753	1209	0,00018	1 432
Республика Марий Эл	0	0	0,000112	1 296
Республика Мордовия	0	0	0,00025	2 243
Республика Саха (Якутия)	0,000342	199	0,00002	6 663
Республика Северная Осетия – Алания	0	0	0,000212	226
Республика Татарстан (Татарстан)	0,000255	619	0,000045	2 700
Республика Тыва	0,001047	565	0,000048	1 004

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
Республика Хакасия	0,000891	848	0,000074	497
Ростовская область	0,001108	256	0,000269	2 996
Рязанская область	0,002121	686	0	808
Самарская область	0	0	0,000095	3 674
Санкт-Петербург	0,004573	165	0,000399	1 152
Саратовская область	0,000273	305	0,000128	2 257
Сахалинская область	0,000561	677	0,000048	1 841
Свердловская область	0	0	0,000104	2 606
Севастополь	0,004331	474	0,000423	2 413
Смоленская область	0,000987	477	0,00018	2 264
Ставропольский край	0,000016	584	0,000108	1 913
Тамбовская область	0	0	0,000078	1 669
Тверская область	0	0	0,001004	694
Томская область	0	0	0,000333	786
Тульская область	0	0	0,000316	2 169
Тюменская область	0,003846	138	0,000056	3 153
Удмуртская Республика	0,000672	1077	0,000101	2 317
Ульяновская область	0,004257	330	0,000092	1 559
Хабаровский край	0,000785	276	0,00009	2 643
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,001481	702	0,00008	2 950
Челябинская область	0,003433	106	0,000063	2 650
Чеченская Республика	0,000065	946	0	0
Чувашская Республика – Чувашия	0	195	0,000262	1 385
Чукотский автономный округ	0	0	0,000182	1 301
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,001804	232	0,00038	1 629
Ярославская область	0,001458	278	0,000104	2 383

Прежде всего следует отметить, что не все главы субъектов РФ в 2021 году имели личные страницы в социальной сети «ВКонтакте», которые бы использовались для коммуникации с обществом. Так, на конец 2021 года их не было у глав 20 субъектов РФ – Волгоградской области, Еврейской автономной области, Забайкальского края, Ивановской области, Кабардино-Балкарской Республики, Калининградской области, Курганской области, Липецкой области, Нижегородской области, Омской области, Оренбургской области, Псковской области, Республики Дагестан, Республики Ингушетии, Республики Калмыкии, Республики Марий Эл, Республики Мордовии, Республики Северная Осетия – Алания, Самарской области, Свердловской области, Тамбовской области, Тверской области, Томской области, Тульской области, Чувашской Республики – Чувашии, Чукотского автономного округа, а также у 3 РОИВ: Кабардино-Балкарской Республики, Республики Башкортостан, Чеченской Республики. Главы еще 3 субъектов РФ не имели официальных личных страниц на конец апреля 2022 года – Республики Калмыкии, Тамбовской области, Тверской области. У главы Курганской области, а также у официальных сообществ РОИВ Владимирской и Рязанской областей отсутствует возможность комментирования публикаций.

По средним показателям всех официальных страниц глав субъектов РФ и официальных сообществ РОИВ можно отметить, что сообщества РОИВ публикуют почти в 5 раз больше постов, чем главы субъектов (2 039 против 426,45 соответственно). Следовательно, коммуникация представителей РОИВ с населением осуществляется в основном посредством использования каналов официальных сообществ, а не глав субъектов. Наиболее активное сообщество РОИВ – Республика Саха (Якутия), здесь зафиксировано 6 663 публикации.

Коэффициент коммуникабельности прежде всего характеризует степень активности гражданского общества в регионе. В комментариях к постам люди обращаются с просьбами, указывают на локальные проблемы, вступают в дискуссии по вопросам, касающимся региональных сфер деятельности. Данная форма цифрового активизма граждан выполняет важную для стабильности политической системы функцию обратной связи. Примечательно, что общество активнее включается в комментирование публикаций глав субъектов РФ, а не РОИВ, хотя данные институты в коммуникации могут несколько дублировать друг друга. Среди возможных причин можно выделить две основные: во-первых, более высокий уровень доверия к личности, чем к институту; во-вторых, эффективная работа пресс-служб глав субъектов по сравнению с РОИВ. Так, средний показатель коммуникабельности среди аудиторий всех официальных личных страниц глав субъектов РФ более чем в 8 раз выше, чем аналогичный показатель среди аудиторий официальных сообществ РОИВ (0,001627 против 0,0002 соответственно). Исключениями являются 3 региона: Московская область – Воробьев Андрей Юрьевич (TR сообщества РОИВ –

0,00343; TR личной страницы главы субъекта – 0,000838), Орловская область – Клычков Андрей Евгеньевич (0,000115 и 0,000025 соответственно), Ставропольский край – Владимиров Владимир Владимирович (0,000108 и 0,000016 соответственно). Наиболее активная аудитория обнаружена у главы Пензенской области Олега Мельниченко (0,007539).

Социальные сети, несомненно, являются важным обоюдным каналом сетевой политической коммуникации власти и общества. Интернет-страницы глав субъектов РФ и официальные сообщества РОИВ играют роль площадок, на которых представители исполнительной власти коммуницируют с активным гражданским обществом, делая все более реальной концепцию управления соучастия. Учитывая, что главой VK является Владимир Кириенко, бывший первый вице-президент государственной компании ПАО «Ростелеком» и сын первого заместителя главы администрации президента Сергея Кириенко¹, социальная сеть «ВКонтакте» претендует на то, чтобы стать «государственной социальной сетью» в терминологии концепции электронной демократии совместного действия, которая предполагает обезличенную коммуникацию. С другой стороны, следует отметить противоположную тенденцию: анализ коммуникативного поведения граждан показывает, что общество больше доверяет именно субъектно-ориентированной коммуникации с политическими руководителями, чем контактам с обезличенными политическими институтами.

Список источников:

- Брега А.В. Политический риск в условиях сетевизации современного общества // Политические отношения в эпоху цифровых технологий и сетевого общества. М., 2020. С. 75–83.
- Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М., 2021. 416 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации : учебное пособие. М., 2016. 564 с.
- Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. М., 2018. 444 с.
- Petrik K. Deliberation and Collaboration in the Policy Process: A Web 2.0 Approach // JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government. 2010. Vol. 2, iss. 1. P. 18–27. <https://doi.org/10.29379/jedem.v2i1.14>

References:

- Brega, A. V. (2020) Politicheskii risk v usloviyakh setevizatsii sovremennogo obshchestva [Political Risk in a Networked Modern Society]. In: *Politicheskie otnosheniya v epokhu tsifrovyykh tekhnologii i setevogo obshchestva*. Moscow, pp. 75–83 (in Russian).
- Maklyuen, M. (2018) *Galaktika Guttenberga* [The Gutenberg Galaxy]. Moscow. 444 p. (in Russian).
- Petrik, K. (2010) Deliberation and Collaboration in the Policy Process: A Web 2.0 Approach. *JeDEM – eJournal of eDemocracy and Open Government*. 2 (1), 18–27. Available from: doi:10.29379/jedem.v2i1.14.
- Volodenkov, S. V. (2021) Internet Communications in the Global Space of Contemporary Political Governance: Towards the Digital Society. Moscow. 416 p. (in Russian).

Информация об авторе

М.А. Ковшов – аспирант Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1039878.

Information about the author

M.A. Kovshov – PhD student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1039878.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

¹ «Скромный, держится по-европейски»: что известно о новом главе VK Владимире Кириенко [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/448371-skromnyj-derzitsa-po-evropejski-cto-izvestno-o-novom-glave-vk-vladimire-kirienko> (дата обращения: 27.04.2022).

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 43–49.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 43–49.

Научная статья

УДК 32.019.52

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.5>

Дискурсивные поля политических партий в информационном онлайн-пространстве в период электорального цикла 2021 года

Мария Витальевна Николаева¹, Анастасия Андреевна Шестакова²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹masha_pershina93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7002-1497>

²hahu1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3233-2029>

Аннотация. В статье рассматривается формирование дискурсивного политического пространства новостного поля четырёх политических партий: «Единой России», Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократической партии России (ЛДПР), социалистической политической партии «Справедливая Россия – патриоты – за правду». Нами были определены и проанализированы смысловые единицы, касающиеся указанных объединений и тиражируемые в информационно-новостном потоке. Данные для исследования были выгружены с сайтов информационных агентств «ТАСС» (80 тыс. материалов), «РИА Новости» (65 тыс. материалов), «Интерфакс» (30 тыс. материалов) за период с 1 апреля 2021 г. по 1 июля 2021 г. с целью выявления наиболее частотных триггерных единиц, определяющих дискурсивное поле «партия – электорат». В исследовании применён контент- и лингво-дискурсивный анализ, а также сетевая аналитическая визуализация. Медиа-текст рассматривается в качестве отражения интересов различных сторон коммуникации (политические партии, государство, пользователи, электорат) и используется для определения социального контекста электорального цикла. Полученные выводы могут быть учтены для создания имиджа партий в онлайн-пространстве, что найдет выражение в восприятии этих политических субъектов электоратом.

Ключевые слова: делиберативная демократия, политический дискурс, сетевая аналитика, интернет, онлайн-пространство, триггерные единицы, политическая партия

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31826 «Делиберативная практика взаимодействия парламентских партий с электоратом: структурно-коммуникативный анализ» (2021).

Для цитирования: Николаева М.В., Шестакова А.А. Дискурсивные поля политических партий в информационном онлайн-пространстве в период электорального цикла 2021 года // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 43–49. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.5>.

Original article

Discursive fields of political parties in the online space during the electoral cycle of 2021

Maria V. Nikolaeva¹, Anastasia A. Shestakova²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹masha_pershina93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7002-1497>

²hahu1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3233-2029>

Abstract. The article examines the formation of the discursive political space of the news field of four political parties: «United Russia», Communist Party of the Russian Federation (CPRF), Liberal Democratic Party of Russia (LDPR), Socialist Political Party «Just Russia – patriots – for the truth». We have identified and analyzed semantic units related to these associations and replicated in the information and news stream. The data for the study were uploaded from the websites of the TASS news agencies (80 thousand materials), RIA Novosti (65 thousand materials), Interfax (30 thousand materials) for the period from April 1, 2021 to July 1, 2021 in order to identify the most frequent trigger units defining the discursive field “party – electorate”. The study used content analysis, linguistic-discourse analysis, and network analytical visualization. Media text is seen as a reflection of the interests of the aspects of communication (political parties, state, users, electorate) and is used to define the social context of the electoral cycle. These findings can be taken into account to create an image of the parties in the electoral cycle. Conclusions obtained can be taken into account to create an image of the parties in the online space, which will find expression in the electorate’s perception of these political actors.

Keywords: deliberative democracy, political discourse, network analytics, Internet, online space, trigger units, political party

Funding: the reported study was funded by RFBR and EISI under project no. 21-011-31826, “Deliberative Practices of Interaction between Parliamentary Parties and the Electorate: A Structural and Communicative Analysis” (2021).

For citation: Nikolaeva, M.V. & Shestakova, A.A. (2022) Discursive fields of political parties in the online space during the electoral cycle of 2021. *Society: Politics, Economics, Law*. (5), 43–49. Available from: doi:10.24158/pep.2022.5.5 (In Russian).

Общественно-политический дискурс в современной России сосредоточен на предвыборной кампании и новом электоральном цикле, который начался в сентябре 2021 года, когда завершилась работа Государственной думы седьмого созыва. Особенностью этого его является развитие предвыборных кампаний в свете интенсифицировавшихся в обществе информационно-коммуникационных процессов.

Цифровизация изменила привычное восприятие политического контента, сделав его фрагментированным, клиповым. Смыслы, которые закладываются политическим субъектом, по-разному осознаются потребителями информации.

Актуальность данного исследования обусловлена своеобразием развития публичной сферы в России, формированием государственно-общественных отношений, в которых дискурсивное поле «партия – электорат» стоит на первом месте, особенно в контексте начала нового электорального цикла.

Примененный метод сетевой аналитики позволил исследовать дискурсивные поля политических партий в онлайн-пространстве, возникающие сначала в информационно-новостном потоке аналитических и социологических агентств, а затем тиражируемые социальными платформами, блогосферой и лидерами мнений, способными создавать триггерные точки взаимодействия политических субъектов и граждан.

Политические партии по своей сути должны выполнять представительскую функцию, отражая интересы своего электората, находиться во взаимодействии с гражданами на протяжении всего срока работы Государственной думы очередного созыва. По факту мы видим, что политические программы и обещания, высказанные в предвыборный период, меняются с приобретением партиями официального депутатского статуса, который трансформирует политическую повестку дня в более актуальную и востребованную для правительственного корпуса. Важно понимать, насколько дискурсивные поля, созданные политическими партиями в предвыборный период, совпадают с реальными действиями избранников, поскольку отсутствие постоянного общественного контроля в форме делиберации и непредоставление отчета гражданам о выполненных обязательствах ведут к тому, что снижается уровень доверия к парламенту со стороны населения, а протестные настроения в обществе растут.

Теоретико-методологическая основа исследования включает разработку базовых характеристик понятия «делиберативная демократия», а также установление интерпретационных рамок, ограничивающих содержание российской модели политического устройства. Впервые о принципах делиберативной демократии заговорил Д. Бессет (Бессет, 2011: 250–270) на фоне того, что в 1980 году в США актуализировался общественный запрос на информационную открытость политической системы, которая должна была базироваться на общественных дискуссиях для принятия решений (Bessette, Pitney, 2010: 550–600). В цифровую эпоху такая открытость стала актуальной по всему миру – и особенно в тех странах, которые были готовы к трансформации политических систем под влиянием онлайн-пространства, включающего социальные медиа и платформы.

Инновационную тенденцию о гласе народа как новом способе коммуникативного взаимодействия власти и общества анализируют российские ученые, в числе которых Л.Н. Тимофеева (2018), Н.А. Рябченко, О.П. Малышева, А.А. Гнедаш (2019), С.В. Володенков (2017), Л.В. Сморгун (2014), А.В. Соколов (2016).

Л.Н. Тимофеева изучала политическую коммуникативистику, а именно взаимоотношения власти и гражданского общества. Фундаментальные выводы, сделанные исследователем, связаны с выявлением структурных и процессуальных компонентов формирования цифровой социально-политической повестки в онлайн-пространстве. Обнаруженные нами триггерные точки взаимодействия в рамках поля «партия – электорат» дополняют данное исследование в качестве мониторинга цифровой предвыборной повестки дня в онлайн-пространстве (Тимофеева, 2018).

А.А. Гнедаш, Н.А. Рябченко, О.П. Малышева занимались исследованиями политического контента, который формируется гражданами и сетевыми политическими субъектами, выявляли триггерные точки взаимодействия власти и других политических субъектов, обладающих региональной или оппозиционной спецификой (Рябченко и др., 2019).

Исследования С.В. Володенкова (Володенков, 2017) и А.В. Соколова (Соколов, 2016) направлены на изучение интернет-коммуникаций в глобальном медиа-пространстве, что в целом характеризует состояние политической коммуникации в российских реалиях как новый тренд виртуализации и медиатизации политики.

Обобщая политические практики, происходящие в онлайн-пространстве, Л.В. Сморгун определяет его сетевой ландшафт, что в последующем позволяет установить сетевую природу коммуникации политических субъектов и граждан (Сморгунов, 2014).

Анализируя теоретико-методологические предпосылки заявленной темы, определим дискурсивное поле политических партий для того, чтобы инкорпорировать триггерные точки взаимодействия политической партии и электората в политическую повестку дня накануне выборов в Государственную думу.

Политический дискурс обуславливает вектор формирования и конструирования публичной политики. Интерпретацию понятия политического дискурса в широком смысле дала Е.И. Шейгал (Шейгал, 2000: 328–365), заявив, что любые смысловые и речевые конструкции, относящиеся к политической деятельности и имеющие соответствующий смысл, составляют содержание политического дискурса. Более узкое определение политического дискурса сформулировал представитель голландской лингвистической школы Т. ван Дейк (Dijk, 1997), который ограничил его содержание контекстом профессиональных рамок, предполагая под указанным термином только конкретную политическую деятельность: правительственные прения, парламентские дебаты, партийные программы, полемику политических деятелей, то есть именно те конструкты, которые напрямую относятся к политике. Вместе с тем голландский лингвист характеризует и институциональную составляющую политического дискурса, относя заседание правительства, сессию парламента, съезд политической партии к неотъемлемой дискурсивной составляющей политической деятельности. Иными словами, дискурс представлялся ему политическим в том случае, если он формирует политический акт в соответствующей конструкции.

Парламентские партии и электорат находятся в постоянном взаимодействии, активно создаются новые каналы общественно-политического дискурса в онлайн-пространстве. В рамках настоящего исследования был проведен лингво-дискурсивный анализ новостного поля четырех политических партий – Всероссийской политической партии «Единая Россия», политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), Либерально-демократической партии России (ЛДПР), социалистической политической партии «Справедливая Россия – патриоты – за правду» (СР). На основе данных ведущих медиа-агентств («ТАСС», «РИА Новости», «Интерфакс»), взятых за период с 1 апреля по 1 июля 2021 года, были определены и проанализированы смысловые единицы политического содержания, представленные в актуальном информационно-новостном потоке. Кроме того, им была дана количественная характеристика, что позволило установить наполнение дискурсивного поля «партия – электорат». Проанализированный медиатекст рассматривался как конструкт, отражающий интересы различных сторон коммуникации (политических партий, государства, пользователей, электората) и определяющий социальный контекст предстоящего электорального цикла. При помощи контент-анализа мы обнаружили основные закономерности распространения информационного потока, позволяющие выявить реакцию аудитории на тиражирование новостных публикаций.

Далее был проведен подсчет частоты и объема упоминаний смысловых единиц исследуемого нами текста с целью выделения 20 самых популярных слов-триггеров для каждой политической партии. Предвыборный политический контент, направленный на привлечение внимания и актуализацию представителей электората, представленный в медиа-пространстве, формировал дискурсивное поле каждой политической партии в онлайн-пространстве.

Следующий этап анализа данных предполагал применение метода сетевой аналитики, которая визуализирует полученные данные для интерпретации основных социально-политических процессов, в которые включены четыре указанные выше политические партии. Рассмотрим распределение касающихся каждой из них слов-триггеров в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС» (рис. 1–4).

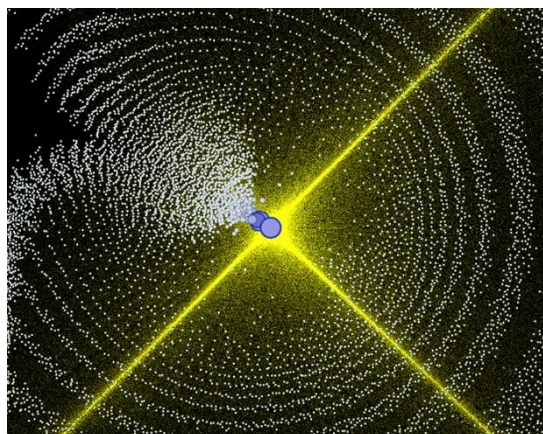

Рисунок 1 – Партия «Единая Россия»: распределение слов-триггеров, встречавшихся в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС»

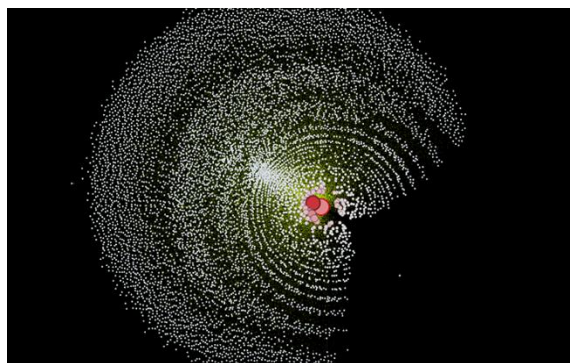

Рисунок 2 – Партия «КПРФ»: распределение слов-триггеров, встречавшихся в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС»

Рисунок 3 – Партия «ЛДПР»: распределение слов-триггеров, встречавшихся в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС»

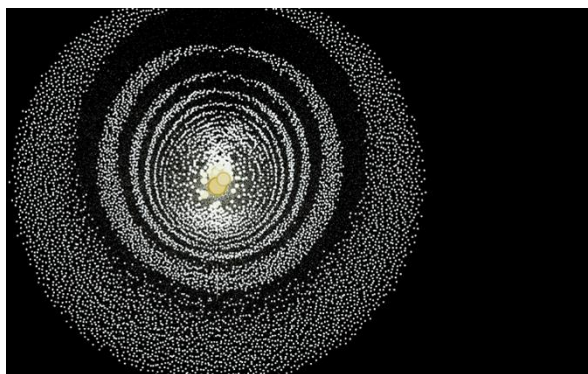

Рисунок 4 – Партия «СР»: распределение слов-триггеров, встречавшихся в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС»

С помощью аналитической визуализации, построенной по сетевому принципу, в медиа-пространстве было осуществлено определение смысловых узлов и линий, которые их соединяют. Центральным узлом выступала собственно анализируемая политическая партия. Посредством добавления ключевых точек (в данном случае это наиболее употребляемые слова, касающиеся определенной партии в исследуемом информационном поле) мы соединили обнаруженные узлы рёбрами (рис. 5).

В исследовании использовалась методика сетевого анализа, основу которой составляет математическая модель объекта, согласно которой каждому узлу присваивается координата в анализируемой плоскости. Узлы, которые были удалены от центрального, признавались не имеющими отношения к одному событию, они являлись не связанными между собой по правилу сетевой укладки и сетевой аналитики.

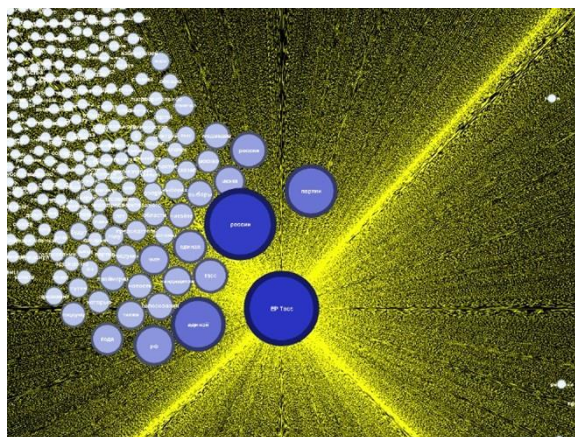

Рисунок 5 – Применение аналитической визуализации к анализу представленности партия «Единая Россия» в медиа-пространстве информационного агентства «ТАСС»

В информационном поле для каждой партии нами были выделены 20 слов-триггеров с наибольшей частотностью упоминаний в медиа-пространстве новостных агентств. Причём первые десять из них основывались на личностях, персонифицированных образах лидеров партий – В. Путина, Д. Медведева, Г. Зюганова, В. Жириновского, С. Миронова. Менее часто употреблялись в информационном пространстве имена других кандидатов в депутаты Государственной думы – Ю. Волковой, А. Вассермана, Д. Певцова, Е. Попова, В. Дайнеко и других знаменитостей, но зачастую новостной контент таких публикаций решал задачу привлечения внимания пользователей к политической партии, чьи интересы отражали известные артисты, телеведущие, певцы и другие медийные личности.

Образ конкретной политической партии формировался исходя из личностного аспекта, то есть на основе индивидуальных характеристик представительства партии: имидж политической партии определяется ее персонифицированным образом.

Менее частотные десять слов из числа избранных 20 представляют собой глаголы действия, указания, распоряжения. В отношении партии «Единая Россия» следует сказать, что она характеризуется более выраженным глагольным представлением на новостных порталах «ТАСС» и «РИА Новости» в сравнении с другими партиями. При этом глаголы действия и существительные, обозначающие председателя партии, как узлы сетевой модели расположены близко друг к другу, а соединяющие их линии пересекаются – это создает образ личностно-ориентированной и одновременно деятельной партии. Интересно отметить, что глаголы, относящиеся к описанию обсуждения тех или иных действий («заявил», «сказал», «читать», «перейти», «отметил»), преимущественно характеризуют информационный образ партии «Единая Россия»: они в первой десятке по частотности упоминаний. При этом по отношению к КПРФ и СР не зафиксировано ни одного случая такого словоупотребления. Глаголы, содержательно отражающие организацию решения проблем, не обнаружены в медиа-пространстве вообще. Слово-триггер «должны» есть только в дискурсивном поле партии «Единая Россия», при этом оно выступает указанием на конкретные действия, направляя государственную политику в разных областях. Слово «выборы» чаще всего присутствует в новостном поле партий, что указывает на актуализацию предстоящих событий в новостном поле.

Было обнаружено, что политические партии «КПРФ», «ЛДПР», «СР» актуализируют собственную повестку через упоминание партии-оппонента. Так, новостной контент партии «СР» через «РИА Новости» и «ТАСС» транслирует именование партии «КПРФ» (входит в 10 самых часто употребляемых слов-триггеров), через «Интерфакс» партия «СР» притягивает внимание электората партии «ЛДПР» (входит в 10 часто употребляемых слов-триггеров) к своему информационному полю. Партия «ЛДПР» посредством «РИА Новости» транслирует политику «КПРФ», тем самым привлекая внимание электората оппонента к собственной повестке. На рис. 6 можно увидеть, что узел «КПРФ» расположен близко к ядру основного узла партии «ЛДПР», что означает концентрацию наиболее часто упоминаемого слова партии оппонента в информационном поле «ЛДПР».

Количество публикаций ближе к выборам возрастает, частота употребления слов-триггеров увеличивается и коррелирует с общественно-политическими мероприятиями, организованными партиями (праймеризы, съезды). Иными словами, информационный дискурс новостных агентств напрямую зависит от событийного ряда партийных мероприятий, в отличие от формируемого дискурса в онлайн-пространстве, где контекст задаётся пользовательским сообществом и тиражируется в зависимости от интересов электората.

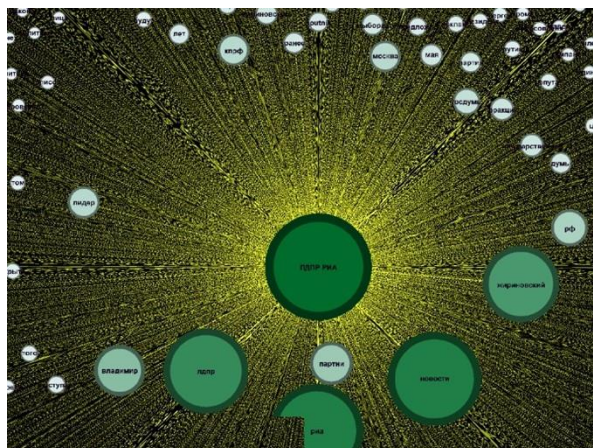

Рисунок 6 – Партия «ЛДПР»: распределение слов-триггеров, встречавшихся в медиа-пространстве информационного агентства «РИА Новости»

Каждая политическая партия транслирует политические ценности, определяющие её аксиологический аппарат. Например, КПРФ апеллирует к позитивному образу советского прошлого, ЛДПР определяет курс на либеральные реформы в стране, лидер партии транслирует эмоционально-провокационные заявления, привлекая внимание электората. «Справедливая Россия» добавляет к названию приставку «за правду», что отразилось на повышении частотности употребления соответствующего слова-триггера в медиа-пространстве, направляя внимание граждан на такие политические установки, как честность, справедливость и прозрачность политических процессов. «Единая Россия» заполняет информационное пространство результатами осуществленных реформ в социальной, экономической и политической жизни общества. Большинство законов, которые были приняты Государственной думой 7 созыва, были инициированы партией «Единая Россия».

Таким образом, лингво-дискурсивный анализ и метод аналитической сетевой визуализации позволяют не только определить коммуникационные процессы между политическими партиями и электоратом в условиях цифровизации, но и исследовать новые политические тренды, формируемые в дискурсивно-публичном поле выборов в Государственную думу в 2021 году.

Политические партии через новостные агентства, представленные в сети Интернет, создают персонафицированный, а не деятельностный образ себя как политического субъекта, что подтверждается отсутствием в информационном поле партий смысловых единиц, относящихся к организации деятельности политических объединений и касающихся решения ими конкретных проблем электората.

В качестве практической значимости представленной работы следует сказать о том, что подобные исследования, проводимые на регулярной основе, позволят нивелировать манипулятивные технологии в отношении граждан, помогут определить вектор работы для регулирования имиджа политических субъектов и обозначат направление разработки деятельностного аппарата политической активности.

Список источников:

- Бессетт Дж. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М., 2011. 336 с.
- Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московского государственного университета. 2017. № 4. С. 1–13. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-4-841>
- Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 92–106. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.
- Соколов А.В. Сетевой политический процесс и выборы // Коммуникология. 2016. Т. 4, № 4. С. 116–124.
- Тимофеева Л.Н. Взаимный контроль государства и общества как условие устойчивости политической системы // Проблемы устойчивости политических систем современного мира. М., 2018. С. 269–278.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. 397 с.
- Bessette J.M., Pitney J.J. American Government and Politics: Deliberation, Democracy and Citizenship. Boston, 2010. 736 p.
- Dijk T. A. van What is Political Discourse Analysis? // Political linguistics. 1997. Vol. 11. P. 11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>

References:

- Bessett, D. (2011) *Tikhii golos razuma. Deliberativnaya demokratiya i amerikanskaya sistema gosudarstvennoi vlasti* [The Quiet Voice of Reason. Deliberative Democracy and the American System of Government]. Moscow. 336 p. (in Russian).
- Bessette, J. M. & Pitney, J. J. (2010) *American Government and Politics: Deliberation, Democracy and Citizenship*. Boston. 736 p.
- Dijk T. A. van (1997). What is Political Discourse Analysis? *Political linguistics*. 11, 11–52. Available from: doi:10.1075/bjl.11.03dij.
- Ryabchenko, N. A., Malysheva & O. P., Gnedash, A. A. (2019) Presidential Campaign in Post-Truth Era: Innovative Digital Technologies of Political Content Management in Social Networks Politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. (2), 92–106. Available from: doi:10.17976/jpps/2019.02.07 (in Russian).
- Sheigal, E. I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd. 397 p. (in Russian).
- Smorgunov, L. V. (2014) Setevye politicheskie partii [Network Political Parties]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. (4), 21–37 (in Russian).
- Sokolov, A. V. (2016) Network Political Protest and Elections. *Kommunikologiya*. 4 (4), 116–124 (in Russian).
- Timofeeva, L. N. (2018) Vzaимnyi kontrol' gosudarstva i obshchestva kak uslovie ustoichivosti politicheskoi sistemy [Mutual Control of the State and Society as a Condition for the Stability of the Political System]. In: *Problemy ustoichivosti politicheskikh sistem sovremennogo mira*. Moscow, pp. 269–278 (in Russian).
- Volodenkov, S. V. (2017) Features of the Internet as a Contemporary Space of Political Communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4), 1–13. Available from: doi:10.18384/2224-0209-2017-4-841 (in Russian).

Информация об авторах

М.В. Николаева – старший преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=989779.

А.А. Шестакова – старший преподаватель кафедры информационных систем и технологий в образовании Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=907074.

Information about the author

M.V. Nikolaeva – Senior Lecturer, Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of Higher Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=989779.

A.A. Shestakova – Senior Lecturer, Department of Information Systems and Technologies in Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=907074.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.03.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.03.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 50–54.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 50–54.

Научная статья
УДК 327(510:470+571)
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.6>

Геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь»

Хао Ван

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
wanghao718@ yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6050-0918>

Аннотация. Заявленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» получает совершенно разные, нередко противоречивые и неоднозначные экспертные оценки со стороны мирового сообщества. Их характер зависит от актуальной геополитической обстановки в мире и от хода реализации инициативы «Пояс и путь». В статье раскрывается китайское видение того, как менялось восприятие данной концепции в российских политических кругах, отмечается обусловленность отношения к ней ситуацией на мировой экономико-политической арене; в частности, обострение конфликтности в отношениях России и Запада и интенсивность антироссийских санкций США и ЕС провоцируют рост интереса Москвы к поддержке китайской инициативы, а ослабление напряженности ведет к его снижению. Сегодня в связи с проведением Россией военной спецоперации на Украине ее отношения с европейскими странами и США находятся в фазе активного информационного и экономического противостояния. В такой ситуации Китай больше не может рассчитывать на использование российских территорий для реализации положений своей идеологической инициативы, ему необходимы альтернативные способы выстраивания транспортных коридоров в Европу.

Ключевые слова: Китай, Россия, «Пояс и путь», внешняя политика, взаимодействие России и Китая

Финансирование: статья выполнена при финансовой поддержке Совета стипендиальных программ Китая.

Для цитирования: Хао Ван. Геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь» // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 50–54. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.6>.

Original article

Geopolitical factors in shaping Russia's approaches to the Chinese Belt and Road Initiative

Hao Wang

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
wanghao718@ yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6050-0918>

Abstract. The Belt and Road Initiative, announced by Chinese President Xi Jinping in 2013, has received very different, often conflicting and ambiguous expert assessments from the global community. Their nature depends on the current geopolitical situation in the world and the progress of the Belt and Road Initiative. The article reveals the Chinese view of how perceptions of this concept have changed in Russian political quarters, noting that attitudes to it are conditioned by the situation on the global economic and political scene; in particular, the escalation of conflict in Russian-Western relations and the intensity of the US and EU anti-Russian sanctions have provoked an increased interest in Moscow to support the Chinese initiative, while the easing of tensions leads to a decrease in it. Currently, due to Russia's military operation in Ukraine, its relations with European countries and the United States are in a phase of active information and economic confrontation. Under such circumstances, China can no longer rely on using Russian territories to implement the provisions of its ideological initiative; it needs alternative ways of building transport corridors to Europe.

Keywords: China, Russia, Belt and Road, foreign policy, Sino-Russian interaction

Funding: the reported study was funded by the China Scholarship Programme Board.

For citation: Hao Wang. (2022) Geopolitical factors in shaping Russia's approaches to the Chinese Belt and Road Initiative. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 50–54. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.6](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.6) (In Russian).

Когда в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута инициатива, получившая впоследствии обобщенное наименование «Пояс и путь», в России большинством экспертов она была оценена как свидетельствующая о зарождающемся соперничестве на постсоветском

пространстве и отражающая попытку Пекина вывести из сферы российского влияния пять центральноазиатских государств (Мастепанов, Томберг, 2018). Китайская инициатива также рассматривалась как вызов развивавшейся при определяющей роли России евразийской интеграции с идеей создания общего рынка между РФ, Казахстаном, Белоруссией, Киргизией и Арменией. Наконец, Москва оценивала «Пояс и путь», предполагавший среди прочего создание крупных транспортных коридоров в обход России через Центральную Азию, как вызов ее стремлению служить мостом между Европой и Азией, в частности, посредством проекта развития Транссибирской магистрали.

Однако уже менее чем через два года обозначились изменения в отношении Москвы к китайской инициативе. Впервые положительная реакция российского политического руководства на нее была зафиксирована в заявлении, принятом в мае 2014 г. по итогам официального визита В. Путина в Китай (Лексютина, 2018: 1334). Президент РФ обнаружил в китайской инициативе возможность получить экономическую, политическую и геополитическую выгоду для своей страны. Хотя у российского руководства оставались сомнения и опасения в отношении содержания инициативы, преобладающим стало понимание того, что она открывает благоприятные возможности для России, приобретающие особое значение на фоне кризиса ее отношений с Западом после 2014 г. Именно после 2014 г. можно говорить о новом подходе Москвы к китайской инициативе, состоящем в признании российского руководства необходимости сотрудничества с Поднебесной в деле ее продвижения (Gabuev, Zuenko, 2018: 157).

Впрочем, уже в 2016–2017 гг. отношение к «Поясу и пути» в российском экспертном сообществе снова изменилось: произошел переход от позитивного настроя к разочарованию. Это было связано во многом с неудовлетворенностью сторон результатами российско-китайского сотрудничества в области продвижения «Пояса и пути». В это время также был опубликован ряд работ, в которых содержались тезисы о том, что сотрудничество между Китаем и Россией подорвано напряженностью и недоверием между двумя государствами¹ (Gabuev, 2016; Lee, Kim, 2017). В оценках многих российских исследователей инициатива «Пояс и путь» оставалась исключительно китаеццентричной, отражающей скрытые амбиции Пекина по расширению его геоэкономического присутствия в Евразии.

Интенсификация сближения России с Китаем с 2014 г. происходила в особом геополитическом контексте – на фоне обострения напряженности между Западом и Россией после украинского кризиса 2014 г. и введения против РФ целого спектра финансовых и секторальных санкций, что, соответственно, давало Москве возможность избежать дипломатической изоляции (Peyprouse, 2017: 96) и найти новые источники импорта технологий и финансового капитала.

С 2017 г., когда Россия адаптировалась к новой реальности в отношениях с Западом и санкционному режиму, отсылки к «Поясу и пути» в российской повестке дня постепенно стали замещаться концепцией Большого евразийского партнерства, которая презентовалась как более масштабная инициатива, в том числе включающая в себя в качестве составляющей «Пояс и путь».

Вместе с тем важно учитывать тот факт, что от демонстрации своего конструктивного отношения к китайской инициативе руководство России явно выигрывало. Эта демонстрация в какой-то момент заставила как внешнеполитических оппонентов Москвы, так и россиян поверить в то, что существующие в экономике страны проблемы будут решены при помощи китайских партнеров. Хотя надежды на масштабную помощь Поднебесной пока не оправдались, это не значит, что российское руководство не добилось своих целей. «Интеграционный фасад» – термин, который был использован А. Габуевым и И. Зуенко (Gabuev, Zuenko, 2018) для описания отношения России к инициативе «Пояс и путь» – выгоден как России, так и Китаю, так как он основан на геополитическом, а не экономическом понимании концепции.

Интенсивность и перспективы экономического сотрудничества России с Китаем тесно связаны с геополитическими факторами, так как для того, чтобы каким-то образом дистанцироваться от Поднебесной и выдвигаемых ею инициатив, России нужно выйти из экономического кризиса и улучшить отношения с Западом в целях ослабления санкционного давления. Только в таком случае Москва может позволить себе стать менее гибкой в переговорах с Пекином в вопросах продвижения инициативы «Пояс и путь».

Учитывая же современный контекст открытой конфликтности отношений России с Западом, последовавшей после начала специальной военной операции в Украине с февраля 2022 г., в ближайшей перспективе Китай станет для России еще более близким партнером². Сейчас

¹ Коростиков М. Под высоким сопряжением [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2978877> (дата обращения: 22.03.2022).

² Forough M. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 24.03.2022).

Москва не сможет выдвигать свои условия, наоборот, любое сотрудничество с Китаем для нее будет выгоднее, чем потеря важного геополитического партнера. Взаимодействие двух государств в рамках «Пояса и пути» усиливает российский «поворот на Восток», тем самым снижая экономическую и институциональную зависимость России от Запада. Экономические перспективы двустороннего сотрудничества для Москвы состоят в приобретении партнера с хорошо развитой экономикой, способного и желающего закупать энергетические ресурсы, которыми богата Россия. Для обеих стран привлекательной является возможность переформатирования межгосударственных экономических и интеграционных связей в сторону построения «евразийского мира» без вмешательства США и их союзников. В условиях западных антироссийских санкций и попыток изолировать РФ от остального мира сближение с Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» может быть более чем выгодно для России.

Для Китая поддержка Россией национальной инициативы «Пояс и путь» также очень важна. Серьезным препятствием для реализации концепции всегда оставалась сильная ее критика со стороны целого ряда крупных мировых держав, на этом фоне поддержка России как крупного международного игрока существенна для Китая. Наиболее критически к инициативе Поднебесной подходят Индия (Damuri et al., 2019) и США¹ – государства, имеющие напряженные отношения с КНР. Российский китаист Я.В. Лексютина в одном из своих исследований приводит примеры предметной критики инициативы, отмечая в том числе предоставление экономически «связанных кредитов» и несоответствие условий займов международным стандартам (Лексютина, 2019: 148–149; 2020: 7–8). Пекин, которому важно продолжать развивать инициативу, предпринимает меры по совершенствованию своего взаимодействия со странами – участниками проекта и устранению указанных претензий к инициативе с целью заручиться поддержкой большего количества государств и минимизировать зависимость от России в этом отношении². Однако в настоящий момент Москва все еще является для Пекина ключевой страной-партнером. Этот статус России в глазах Китая поддерживается целым рядом факторов, среди них: протяженная общая граница, ориентация правительственных кругов на взаимодействие, потребность в сотрудничестве у обеих стран, общие оппоненты в мировом политическом пространстве, склонность России к уступкам в ходе переговоров по продвижению китайской инициативы, обусловленная складывающейся геополитической обстановкой. В этой связи можно сказать, что для Поднебесной очевидны явные преимущества продолжать сотрудничество с РФ в ближайшее время.

Что касается проблем, с которыми может столкнуться Россия в результате взаимодействия в рамках «Пояса и пути», они, как правило, концентрируются на двух вопросах.

Первый из них связан с выяснением, ослабит ли дальнейшее усиление китайского экономического присутствия в Центральной Азии влияние России в регионе в долгосрочной перспективе, поскольку у Москвы просто нет финансовых средств для конкуренции с Пекином в сфере инвестирования, кредитования и оказания поддержки развитию стран Центральной Азии (Martynenko, Parkhitko, 2019: 857). Россия поддерживает прочные политические связи с регионом, в то время как Китай вливает в него финансовый капитал и увеличивает объем торговли с ним. Безусловно, нужно оговориться, что РФ является основным направлением экспорта трудовых ресурсов из Центральной Азии и сохранит эту роль в обозримом будущем, Китай вряд ли может сравниться с Россией в этом отношении в контексте исторической и политической близости с Центральной Азией.

Второй вопрос связан с тем, что «поворот России на Восток» поставил ее в политическое и экономическое положение зависимости от Китая, и это может со временем негативно повлиять на интересы безопасности России³. Пекин, напротив, занимает более выгодную позицию в отношениях с Москвой. Если раньше КНР находилась в некоторой энергетической зависимости от России, в данный момент страна уже существенно диверсифицировала импорт энергоносителей и продолжает двигаться в этом направлении. Так, в анализе поставок природного газа в Китай за

¹ Meltzer J.P. China's One Belt One Road Initiative: A view from the United States [Электронный ресурс] // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/chinas-one-belt-one-road-initiative-a-view-from-the-united-states/> (дата обращения: 21.03.2022).

² 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 = Видение и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454-5.html> (дата обращения: 23.03.2022) (на кит. яз.)

³ Gill I. Future Development Reads: China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2017/09/22/future-development-reads-chinas-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 25.03.2022).

период зимы – весны 2021–2022 гг. можно найти информацию о том, что ожидается увеличение объемов импорта газа по трубопроводу Китая из Мьянмы¹.

Главная проблема для КНР в настоящий момент заключается в обострении конфликта между Россией и Украиной, так как он, вероятно, изменит также и конфигурацию инициативы «Пояс и путь». Для Китая обширная территория России была самым удобным наземным путем к рынку ЕС (Lee et al., 2015). Россия, Украина, Польша и Беларусь собирались стать частью Нового евразийского сухопутного моста, который в основном должен был быть представлен железнодорожным сообщением. На данный момент Китаю придется в краткосрочной перспективе переориентироваться на морские пути, а в долгосрочной – разрабатывать проекты создания других транспортно-логистических коридоров, которые могут быть запасными, а возможно, и основными путями для доставки грузов в Европу².

В целом следует заключить, что геополитические факторы в формировании подходов России к китайской инициативе «Пояс и путь» являются одними из ключевых, в связи с чем отношения двух государств оказываются в зависимости от поведения других акторов на мировой арене, а также от внутренних противоречий самих стран, участвующих в выстраивании взаимовыгодного сотрудничества. В связи с этим имеет смысл осуществление мониторинга внешнеполитической глобальной ситуации с целью предупреждения неблагоприятных последствий для развития отношений России и Китая, а также стремление к компромиссу при решении спорных вопросов в свете будущих предпочтений взаимодействия.

Список источников:

- Лексютин Я.В. Китайская инициатива «Пояс и путь»: вызовы и сложности реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 4–19. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.101>.
- Лексютин Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 145–157.
- Лексютин Я.В. Оценка первых результатов российско-китайского сотрудничества в русле реализации китайской инициативы «Пояс и путь» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 7 (364). С. 1333–1347. <https://doi.org/10.24891/ni.14.7.1333>.
- Мастепанов А., Томберг И. Китай диктует энергетическую политику XXI века // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 3 (54). С. 6–38. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.1>.
- Damuri Y.R., Perkasa V., Atje R., Hirawan F. Perceptions and Readiness of Indonesia Towards the Belt and Road Initiative: Understanding Local Perspectives, Capacity and Governance. Jakarta, 2019. 52 p.
- Gabuev A. Crouching Bear, Hidden Dragon: «One Belt one Road» and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2016. Vol. 5, iss. 2. P. 61–68. <https://doi.org/10.1080/24761028.2016.11869097>.
- Gabuev A., Zuenko I. The «Belt and Road» in Russia: Evolution of Expert Discourse // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 16, iss. 4. P. 142–163. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163>.
- Lee J.Y., Hyun K., Jin L. China's New Silk Road: Policies and Implications // Journal of International Logistics and Trade. 2015. Vol. 13, iss. 2. P. 55–70. <https://doi.org/10.24006/jilt.2015.13.2.55>.
- Lee J.Y., Kim H.J. One Belt One Road Initiative and Its Implications for the Global Economy // Journal of International Logistics and Trade. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 8–9. <https://doi.org/10.24006/jilt.2017.15.1.008>.
- Martynenko S.E., Parkhitko N.P. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of «Belt and Road Initiative»: Historical Retrospective and Economic Prospects // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18, iss. 4. P. 845–864. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864>.
- Peyrouse S. The Evolution of Russia's Views on the Belt and Road Initiative // Asia Policy. 2017. Vol. 24. P. 96–102. <https://doi.org/10.1353/asp.2017.0026>.

References:

- Damuri, Y. R., Perkasa, V., Atje, R. & Hirawan, F. (2019) *Perceptions and Readiness of Indonesia Towards the Belt and Road Initiative: Understanding Local Perspectives, Capacity and Governance*. Jakarta. 52 p.
- Gabuev, A. & Zuenko, I. (2018) The «Belt and Road» in Russia: Evolution of Expert Discourse. *Russia in Global Affairs*. 16 (4), 142–163. Available from: [doi:10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163)
- Gabuev, A. (2016) Crouching Bear, Hidden Dragon: «One Belt one Road» and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 5 (2), 61–68. Available from: [doi:10.1080/24761028.2016.11869097](https://doi.org/10.1080/24761028.2016.11869097).
- Lee, J. Y. & Kim, H. J. (2017) One Belt One Road Initiative and Its Implications for the Global Economy. *Journal of International Logistics and Trade*. 15 (1), 8–9. Available from: [doi:10.24006/jilt.2017.15.1.008](https://doi.org/10.24006/jilt.2017.15.1.008).
- Lee, J. Y., Hyun, K. & Jin, L. (2015) China's New Silk Road: Policies and Implications. *Journal of International Logistics and Trade*. 13 (2), 55–70. Available from: [doi:10.24006/jilt.2015.13.2.55](https://doi.org/10.24006/jilt.2015.13.2.55).

¹ Analysis: China Steps up Natural Gas Supply for 2021–22 Winter-Spring Season [Электронный ресурс] // S&P Global Commodity Insights. URL: <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/market-insights/latest-news/lng/092421-analysis-china-steps-up-natural-gas-supply-for-2021-22-winter-spring-season> (дата обращения: 23.03.2022).

² Forough M. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 24.03.2022).

Leksyutina, Ya. V. (2018) Evaluation of the First Results of the Russian-Chinese Cooperation as Part Of China's One Belt, One Road Initiative. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 14 (7 (364)), 1333–1347. Available from: doi:10.24891/ni.14.7.1333 (in Russian).

Leksyutina, Ya. V. (2019) Kitaiskie initsiativy «Poyas i put'» i ABII: podkhody Yaponii i Indii [Assessing the first results of Sino-Russian Cooperation in the Belt and Road Initiative of China]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. 24 (24), 145–157 (in Russian).

Leksyutina, Ya. V. (2020) China's Belt and Road Initiative: Challenges and Difficulties in Its Implementation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 13 (1), 4–19. Available from: doi:10.21638/spbu06.2020.101 (in Russian).

Martynenko, S. E. & Parkhitko, N. P. (2019) Russian-Chinese Cooperation in Central Asia in the Context of «Belt and Road Initiative»: Historical Retrospective and Economic Prospects. *RUDN Journal of Russian History*. 18 (4), 845–864. Available from: doi:10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864.

Mastepanov, A. & Tomberg, I. (2018) China Forms Energy Policy for 21st Century. *Mezhdunarodnye protsessy*. 16 (3 (54)), 6–38. Available from: doi:10.17994/IT.2018.16.3.54.1 (in Russian).

Peyrouse, S. (2017) The Evolution of Russia's Views on the Belt and Road Initiative. *Asia Policy*. 24, 96–102. Available from: doi:10.1353/asp.2017.0026

Информация об авторе

Хао Ван – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

Hao Wang – PhD student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 55–59.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 55–59.

Научная статья

УДК 327.7

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.7>

Балтийская ассамблея: дискурс и ее роль на современном этапе

Ольга Викторовна Коневских

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
okonevskih@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности Балтийской ассамблеи на современном этапе, в частности, определению её позиции по отношению к России. Балтийская ассамблея рассматривается в работе в качестве примера минилатерального сотрудничества государств. В результате исследования сделан вывод о том, что внешнеполитический курс Балтийской ассамблеи в отношении России почти не изменился за последние двадцать лет. Страны видят в России потенциального агрессора, соседство с которым представляет угрозу их безопасности. Сама деятельность объединения на современном этапе носит в большей степени формальный, протокольный характер. Его функционирование не помогает в выстраивании конструктивных отношений с Россией. В документах по итогам заседаний Балтийской ассамблеи декларируются лишь абстрактные тезисы стран в отношении России и не предусматриваются конкретные меры для налаживания диалога с ней.

Ключевые слова: Балтийская ассамблея, Эстония, Латвия, Литва, страны Балтии, Россия, неолиберализм, минилатеральное сотрудничество

Для цитирования: Коневских О.В. Балтийская ассамблея: дискурс и ее роль на современном этапе // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 55–59. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.7>.

Original article

Baltic Assembly: discourse and its role at the present stage

Olga V. Konevskikh

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, okonevskih@mail.ru

Abstract. The article examines the current activities of the Baltic Assembly at the present stage, in particular its position vis-à-vis Russia. The Baltic Assembly is considered in the study as an example of minilateral state cooperation. As a result, the study concludes that the foreign policy of the Baltic Assembly towards Russia has hardly changed over the past twenty years. Countries see Russia as a potential aggressor whose proximity poses a threat to their security. The activities of the association itself are more formal and protocol-based at this stage. The functioning of the institution does not help to build a constructive relationship with Russia. The documents resulting from the meetings of the Baltic Assembly declare only the abstract theses of the countries in relation to Russia and do not envisage concrete measures for establishing a dialogue with it.

Keywords: Baltic Assembly, Estonia, Latvia, Lithuania, Baltic states, Russia, neoliberalism, minilateral cooperation

For citation: Konevskikh, O.V. (2022) Baltic Assembly: discourse and its role at the present stage. *Society: Politics, Economics, Law*. (5), 55–59. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.7](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.7) (In Russian).

Балтийская ассамблея (БА) – совещательный орган по сотрудничеству между парламентами Эстонии, Латвии и Литвы, где решаются вопросы, представляющие интерес для всех сторон. Главная задача ассамблеи – координация действий парламентов трёх стран, декларация общих позиций в формате резолюций, решений и рекомендаций¹.

На сегодняшний день в академической литературе не так много исследований, посвящённых деятельности Балтийской ассамблеи. Чаще всего она лишь вскользь упоминается учеными при описании союзов и организаций, в которые входят Эстония, Латвия и Литва (Воротников, 2015; Auers, 2015; Romanovs, Andzans, 2017). О Балтийской ассамблее также мало говорят и в самих странах Балтии. Все это ещё больше подогревает научный интерес к исследованию данной темы для поиска ответов на вопросы: нужно ли это объединение самим странам Балтии на

¹ Делегация Балтийской Ассамблеи [Электронный ресурс] // Рийгикогу. URL: <https://www.riigikogu.ee/ru/riigikogu/delegatsii/ba/> (дата обращения: 06.04.22).

современном этапе или оно уже «отслужило» своё и стало пережитком прошлого; какое место отводится России в отношениях со странами Балтии; существует ли взаимодействие между Россией и Балтийской ассамблеей; помогает ли Балтийская ассамблея нормализовать отношения России с балтийскими странами.

Настоящее исследование произведено в рамках неолиберального подхода международных отношений. Выбор его обусловлен тем, что неолиберализм объясняет поведение государств на международной арене на основе их внутренней политики и отвечает на вопрос, почему содержание внешней политики государства меняется. Кроме того, именно в рамках либерального подхода была впервые широко разработана идея сотрудничества государств для поддержания мира и безопасности региона (Brummer, 2014: 35–36).

Применяя неолиберальный подход, необходимо обозначить ту его грань, которая наиболее точно подходит для исследования Балтийской ассамблеи. На наш взгляд, анализ указанного объединения в рамках учения о минилатеральном сотрудничестве кажется весьма интересным. Необходимо отметить, что в российских исследованиях понятия «минилатерализм» и «минилатеральное сотрудничество» встречаются довольно редко, в то время как на Западе сотрудничествам и объединениям данного вида посвящено немало работ (McGee, 2011; Patrick, 2015; Pannier, 2015). Согласно концепции минилатерализма соответствующие объединения создаются между государствами, обладающими близким географическим положением, а также общим восприятием угроз региональной безопасности. Также минилатеральному сотрудничеству отдают предпочтение страны с общим историческим прошлым (Оленченко, Межевич, 2021: 38). Принимая во внимание членство в СССР трёх стран Балтии, а также их соседствующее географическое положение и непосредственную близость к России, можно предположить, что Балтийская ассамблея является классическим примером минилатерального сотрудничества. Так, например, оборонное взаимодействие между странами Балтии изначально возникло из-за необходимости изменения военных структур государств этого региона для обеспечения оперативной совместимости с возможностями стран – членов НАТО, а также из-за общего страха перед угрозой со стороны восточного соседа – России, который усилился после грузинского и украинского кризисов (Оленченко, Межевич, 2021: 40).

За время своего существования Балтийская ассамблея пережила годы развития и падения. Организация была основана в 1991 году – вскоре после распада СССР. В основном цель её создания была сопряжена с обеспечением выхода стран Балтии из состава СССР и обретением ими государственной независимости. Как пишет Н.М. Межевич, позднее целью сотрудничества стало обретение членства в ЕС и достижение наиболее полной интеграции с европейскими государствами (Оленченко, Межевич, 2021). После вступления стран Балтии в НАТО и ЕС деятельность регионального объединения была приведена в соответствие с новыми требованиями, то есть, можно сказать, что была нивелирована.

Регулярная сессия объединения проходит раз в год, на территории той страны, которая является председателем. По итогу заседания принимаются совместные резолюции, в которых прописывается общая позиция трёх государств по тому или иному вопросу. Председательство длится один год. Центральными темами сотрудничества стран являются безопасность в регионе, кибербезопасность, региональное сообщение (энергетика, транспорт, цифровая сфера), вопросы климата и экологии, культура и здравоохранение. Особое внимание уделяется темам, которые охватывают несколько сфер. Например, организация культурной жизни, экология, управление отходами и водородные технологии.

Наряду с регулярной сессией БА проходит также заседание Балтийского совета министров (БСМ), на котором встречаются руководители правительств Эстонии, Латвии и Литвы. На сегодняшний день цель сотрудничества этих государств – найти общие решения, учитывая частные интересы¹.

Рассматривая отношения России с Балтийской ассамблеей, необходимо отметить, что РФ не обладает статусом члена или наблюдателя в этой структуре. Все контакты России с данным объединением ограничиваются взаимодействием с представителями входящих в него стран, которые происходят не так уж и часто. Однако на заседаниях Балтийской ассамблеи и Балтийского совета министров нередко упоминаются о России. Так, в совместном заявлении совета и ассамблеи от ноября 2018 года говорится о необходимости ответить на «агрессивные» действия России у границ балтийских стран. «Важно, чтобы со стороны НАТО следовала защитная реакция на угрозы, возникающие в связи с провокационными действиями российских вооружённых сил, такими как неоднократное нарушение нашего воздушного пространства, крупномасштабные учения и всё большая милитаризация вдоль границы НАТО, включая развёртывание в Калининграде

¹ Делегация Балтийской Ассамблеи ...

современных ракет «Искандер», способных нести ядерный боезаряд, и программы военной подготовки с отработкой сценариев наступления на западном направлении», – говорится в документах заседания¹. Как видим, бездоказательно заявляется, что российская авиация «неоднократно нарушала воздушное пространство» стран Балтии, а Вооруженные силы РФ регулярно проводят масштабные манёвры у границ региона и отрабатывают сценарии наступления на западном направлении².

В Балтийской ассамблее также достаточно интенсивно обсуждается тема энергетики, в частности, строительство газопровода «Северный поток – 2». «Эстония, Латвия и Литва подчёркивают, что проект газопровода “Северный поток – 2” является геополитическим инструментом России, который снизит для нее конкуренцию в энергетической сфере, изолирует Украину и делает Европу ещё более зависимой от российского газа», – отмечается в документе БА³. Политики рекомендовали правительствам балтийских стран скоординировать действия по разработке общего регионального рынка газа.

Страны – участницы БА не остались в стороне от событий, происходящих на Украине. Так, 22 февраля 2022 г. на официальном сайте Балтийской ассамблеи было опубликовано заявление, в котором государства выразили решительное осуждение признания Россией независимости ДНР и ЛНР и ввода ею войск в эти районы. «Государства – члены БА расценивают это как очередное посягательство на независимость и территориальную целостность Украины, а также грубое нарушение международного права»⁴. Балтийские страны также в один голос призвали к изменению подхода к выстраиванию отношений с Российской Федерацией внутри объединения: «Европа должна готовиться к худшему и осознать, что недавнее решение Президента Российской Федерации о признании независимости самопровозглашенных Луганской и Донецкой Народных Республик является лишь началом серии крайне агрессивных, насильственных и неуважительных действий, чтобы проверить пределы терпения Европы и ее лидеров»⁵.

24 февраля 2022 г. страны – участницы Балтийской ассамблеи сделали новое заявление, посвящённое действиям России на Украине, в котором осудили происходящее и призвали РФ «незамедлительно прекратить атаки на независимое государство, которое активно поддерживает Европейский союз и НАТО, и остановить все дальнейшие провокации, нацеленные на Украину», а также подтвердили свою полную поддержку и солидарность с Украиной и её народом⁶.

14 марта 2022 г. Балтийская ассамблея опубликовала еще одно совместное внешнеполитическое решение, согласно которому объединение поддерживает отстранение России от участия в Парламентской конференции по сотрудничеству в регионе Балтийского моря до тех пор, пока взаимодействие с ней снова не станет возможным в соответствии с основополагающими принципами международного права⁷.

Изучая документы, принятые на 40-й сессии Балтийской ассамблеи, которая проходила в Вильнюсе в ноябре 2021 г., можно чётко понять позицию объединения по отношению к России. Участники сессии обсудили сотрудничество в регионе, энергетическую проблему и роль стран Балтии в решении проблем безопасности на внешних границах ЕС. Объединённую позицию стран в отношении России хорошо демонстрирует итоговый документ Балтийского совета министров, а также слова представителей стран на заседании Балтийской ассамблеи. Так, заместитель председателя делегации Эстонии в БА Свен Сестер, отмечая, что энергетика – одна из важных тем работы ассамблеи, заявил: «Принимая во внимание как безопасность, так и повседневно-

¹ Страны Балтии против «российской угрозы»: вынужденная оборона или привлечение внимания [Электронный ресурс] // Балтньюс. URL: https://lt.baltnews.com/vilnius_news/20181119/1018581862/Pribaltika-Estonia-Latvia-Lithuania-Russia-ugroza-mnenie.html (дата обращения: 06.04.22).

² Балтийская ассамблея призвала усилить противодействие «российской угрозе» [Электронный ресурс] // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/149947-baltijskaja-assambleja-prizvala-usilit-protivodejstvie-rossijskoj-ugroze.html> (дата обращения: 06.04.22).

³ «Нужно генерировать мифы»: Латвию, Литву и Эстонию призвали ответить на «агрессию» России [Электронный ресурс] // Россия сегодня. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/574344-pribaltika-nato-rossiya> (дата обращения: 06.04.22).

⁴ Presidium Calls for a Change of Approach Towards the Russian Federation [Электронный ресурс] // Baltic Assembly. URL: <https://www.baltasam.org/presidium-statement-approach-towards-Russia> (дата обращения: 06.04.22).

⁵ Ibid.

⁶ The Baltic Assembly Firmly Condemns the Russian Invasion of Ukraine [Электронный ресурс] // Baltic Assembly. URL: <https://www.baltasam.org/ba-condemns-russian-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 06.04.22).

⁷ Heads of the BSPC Delegations Suspend Russian Parliaments from the Work of the Organisation [Электронный ресурс] // Baltic Assembly. URL: <https://www.baltasam.org/suspending-Russia-from-work-of-BSPC-2022> (дата обращения: 06.04.22).

ную жизнь населения, всё важнее становится синхронизация работы наших электросетей с Европой и отсоединение их от России. Это непросто, но это должно быть сделано уже к 2025 году»¹. В итоговом документе Балтийского совета министров Россия упоминается в контексте потенциального агрессора. В нём говорится, что «сохранение военного присутствия НАТО и союзников в странах Балтии и готовность к коллективной обороне остаются ключевыми элементами надежного сдерживания, особенно в контексте агрессивной военной позиции России». Подчеркивается, что «она остается самой большой угрозой безопасности для стран Балтии и НАТО». Говоря о взаимодействии с РФ, страны Балтии выступают за сохранение последовательного подхода в выстраивании отношений с ней, основанного на пяти принципах, принятых ЕС в марте 2016 года². Также они приветствуют всеобъемлющую стратегию ЕС в отношении России, которая направлена на прекращение внешней агрессии Кремля, а также внутренних репрессий при одновременном укреплении партнёрских отношений с гражданским обществом и народом России. Страны Балтии заявляют, что необходимо продолжать отстаивать демократические ценности и настаивать на том, чтобы РФ выполняла свои международные обязательства³.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что внешнеполитический курс Балтийской ассамблеи в отношении России почти не меняется с течением времени. Страны видят в РФ потенциального агрессора, который в любое время может «напасть» на них.

Если посмотреть на саму деятельность Балтийской ассамблеи, то можно заметить, что она носит формальный характер. Мероприятия осуществляются размеренно, без экстренных заседаний: раз в год проводится ежегодная сессия, которая, как правило, совмещена с заседанием Балтийского совета министров. Поэтому сложно не согласиться с мнением Н.М. Межевича (Оленченко, Межевич, 2021), который отметил, что деятельность БА представляет собой в основном реагирование на текущие события без чётко сформулированных стратегических целей внешней и внутренней политики.

Таким образом, на сегодняшний день Балтийская ассамблея выступает в роли дополнительной площадки для встреч представителей трёх государств, однако нельзя сказать, что она является центральным местом для выработки единой политики стран-участниц. Регулярная сессия ассамблеи проходит всего раз в год, а чрезвычайные заседания в последние годы не объявлялись. Также нельзя точно сказать, что её функционирование помогает в налаживании отношений с Россией, так как в итоговых документах объединения декларируются лишь абстрактные тезисы стран в отношении РФ, но не предлагаются конкретные меры для налаживания диалога с ней. В принятых документах Балтийской ассамблеи и Балтийского совета министров за последнее время не просматриваются предпосылки для инициатив по установлению и поддержанию деловых связей с Россией, в том числе с целью нормализации отношений между ней и странами Балтии.

Список источников:

- Воротников В.В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М., 2015. 272 с.
 Оленченко В.А., Межевич Н.М. Вишеградская группа и Балтийская ассамблея: коалиции внутри Евросоюза в российском внешнеполитическом восприятии // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 25–41. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-2>
 Auers D. Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in the 21st Century. L., 2015. 269 p. <https://doi.org/10.1057/9781137369970>
 Brummer C.J. Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law and Financial Engineering are Redefining Economic Statecraft. Cambridge, 2014. 220 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107281998>
 McGee J.S. Exclusive Minilateralism: an Emerging Discourse Within International Climate Change Governance? // Portal. Journal of Multidisciplinary International Studies. 2011. Vol. 8, iss. 3. P. 1–29. <https://doi.org/10.5130/portal.v8i3.1873>
 Pannier A. Le «Minilatéralisme»: Une Nouvelle Forme de Coopération de Défense // Politique Étrangère. 2015. Vol. Printemps, iss. 1. P. 37–48. <https://doi.org/10.3917/pe.151.0037> (на фр. яз.).
 Patrick S. The Unruly World: The Case for Good Enough Global Governance // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. P. 58–73.
 Romanovs U., Andzans M. The Trilateral Military Cooperation of the Baltic States in the «New Normal» Security Landscape // Security in the Baltic Sea Region: Realities and Prospects. Rīga, 2017. P. 14–22.

References:

- Auers, D. (2015). *Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in the 21st Century*. L. 269 p. Available from: [doi:10.1057/9781137369970](https://doi.org/10.1057/9781137369970).
 Brummer, C. J. (2014). *Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law and Financial Engineering are Redefining Economic Statecraft*. Cambridge. 220 p. Available from: [doi:10.1017/CBO9781107281998](https://doi.org/10.1017/CBO9781107281998).

¹ Joint Statement of the 27th Baltic Council [Электронный ресурс] // Baltic Assembly. URL: https://baltasam.org/uploads/article-files/files/Joint-Statement-Baltic-Council-_EN.pdf (дата обращения: 06.04.22).

² ЕС принял пять принципов построения отношений с Россией [Электронный ресурс] // Тасс. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2738040?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.05.2022).

³ Joint Statement of the 27th Baltic Council ...

- McGee, J. (2011) Exclusive Minilateralism: an Emerging Discourse Within International Climate Change Governance? *Portal. Journal of Multidisciplinary International Studies*. 8 (3), 1–29. Available from: doi:10.5130/portal.v8i3.1873.
- Olenchenko, V. A. & Mezhevich, N. M. (2021). The Visegrad Group and the Baltic Assembly: Coalitions Within the EU as Seen Through Russian Foreign Policy. *Baltiiskii region*. 13 (3), 25–41. Available from: doi:10.5922/2079-8555-2021-3-2 (In Russian).
- Pannier, A. (2015). Le «Minilatéralisme»: Une Nouvelle Forme de Coopération de Défense. *Politique Étrangère*. Printemps (1), 37–48. Available from: doi:10.3917/pe.151.0037 (in French).
- Patrick, S. (2014). The Unruly World: The Case for Good Enough Global Governance. *Foreign Affairs*. 93, 58–73.
- Romanovs, U. & Andzans, M. (2017) The Trilateral Military Cooperation of the Baltic States in the «New Normal» Security Landscape. *Security in the Baltic Sea Region: Realities and Prospects*. Rīga, pp. 14–22.
- Vorotnikov, V. V. (2015). *Vneshnyaya politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka* [Foreign Policy of the Baltic States at the Beginning of the XXI Century]. Moscow. 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

О.В. Коневских – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

O.V. Konevskikh – PhD Student, Department of International Relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 60–65.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 60–65.

Научная статья
УДК 338.24+316.422.44
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.8>

Перспективы применения смарт-стандартов на промышленном предприятии

Наталья Юрьевна Четыркина¹, Елена Дмитриевна Стародубцева²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹chn05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3162-8637>

²elenatonika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-1283>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению технологии «смарт-стандарт» и возможностей ее применения на промышленных предприятиях. В свете четвертой промышленной революции встает вопрос о необходимости внедрения цифровых технологий в промышленности. Изучается международный и российский опыт по организации разработки смарт-стандартов. Авторы делают акцент на взаимосвязи информационных технологий индустрии 4.0 и перехода от бумажных носителей к электронным. Анализируются подходы к трактовке термина «смарт-стандарт», предлагается авторское определение. В результате исследования обозначены основные направления действий для реализации данной технологии в Российской Федерации, в числе которых законодательное утверждение единого формата смарт-стандартов, создание их фонда, разработка положений по безопасности использования таких стандартов. Определены ключевые эффекты от внедрения смарт-стандарта в промышленности.

Ключевые слова: документооборот, индустрия 4.0, промышленное предприятие, смарт-стандарт, стандартизация, управление качеством, цифровизация, цифровые технологии

Для цитирования: Четыркина Н.Ю., Стародубцева Е.Д. Перспективы применения смарт-стандартов на промышленном предприятии // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 60–65. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.8>.

Original article

Possibilities of employment smart standards at production enterprise

Natalia Yu. Chetyrkina¹, Elena D. Starodubtseva²

^{1,2}Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

¹chn05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3162-8637>

²elenatonika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-1283>

Abstract. The article reveals the consideration of the “smart standard” technology and the possibilities of its application in industrial enterprises. In the light of the fourth industrial revolution, the question arises of the need to introduce digital technologies in industry. The international and Russian experience in organizing the development of smart standards is being studied. The authors focus on the relationship between information technology industry 4.0 and the transition from paper to electronic media. The approaches to the interpretation of the term “smart standard” are analyzed, the author's definition is proposed. As a result of the study, the main directions of actions for the implementation of this technology in the Russian Federation are outlined, including legislative approval of a single format of smart standards, the creation of their fund, and the development of provisions on the safety of using such standards. The key effects of the introduction of the smart standard in the industry are determined.

Keywords: flow of documents, industry 4.0, production enterprise, smart standard, quality management, digitalization, digital transformation

For citation: Chetyrkina, N.Yu. & Starodubtseva, E.D. (2022) Possibilities of employment smart standards at production enterprise. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 60–65. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.8](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.8) (In Russian).

Результатом четвертой промышленной революции послужило внедрение цифровых технологий как в производство продукции, так и в бизнес-процессы промышленных предприятий. В целях повышения эффективности их работы используются такие технологии, как RFID, диспетчеризация производства, Интернет вещей, большие данные, облачные технологии, аддитивные технологии, автоматизированные системы управления данными, электронный документооборот, блокчейн. Исследователи отмечают следующие преимущества применения цифровых технологий в промышленности, %: повышение производительности – до 5; снижение расходов на обслу-

живание продукции – до 40; сокращение сроков вывода в эксплуатацию – до 50; увеличение точности прогнозов – до 85; уменьшение затрат на хранение запасов – до 50; сокращение времени простоя оборудования – до 50; снижение расходов на обеспечение качества выпускаемой продукции – до 20¹. Важно отметить, что цифровая трансформация затрагивает и сферу управления качеством. Тем самым перед научным сообществом встает вопрос разработки и применения смарт-стандартов на промышленных предприятиях².

Существует несколько подходов к определению категории смарт-стандарта (от англ. Standards Machine Applicable, Readable & Transferable). Дословно данный термин обозначает стандарт, который может быть автоматически прочитан, обработан и применен машиной.

Генеральный директор АО «Кодекс» С.Г. Тихомиров отмечает, что смарт-стандарт определяется как сложный информационный объект, важнейшим компонентом которого является семантическое и информационное нормативное требование³. Руководитель Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии А.П. Шалаев полагает, что данная категория представляет собой стандарт в виде баз данных и моделей, потребителем которого выступает информационная система⁴. По нашему мнению, смарт-стандарт следует трактовать как технологию, позволяющую автоматически считывать необходимый свод требований для работы на всех этапах жизненного цикла продукции.

В условиях цифровизации экономики меняется как содержание стандартов качества, так и их форма. Происходит переход от стандарта-документа к стандарту-инструменту, от бумажного носителя к электронному (Колмыков и др., 2022; Дмитриева, 2021; Петухов, Королевский, 2021; Торопицына, 2021; Цифровизация промышленного производства..., 2021). Целью разработки смарт-стандартов является их автоматическое применение в производстве продукции. При создании единой базы таких стандартов данная технология будет реализовываться автоматически, работникам предприятия не нужно будет вносить требования заинтересованных сторон вручную.

На данный момент уже существуют системы управления требованиями (СУТР), которые позволяют автоматически применять параметры заказчика при производстве продукции. Однако в модулях СУТР отсутствуют требования стандартов (национальных, международных), законодательства и др.⁵ В связи с этим персоналу необходимо вводить их вручную, на что затрачивается большое количество времени. Данную проблему озвучил руководитель отдела стандартизации РАСУ (входит в структуру ПАО «Росатом») И. Мищенко на первой российской конференции «Машиночитаемые стандарты: перспективы применения в промышленности»⁶.

Международный опыт в сфере разработки смарт-стандартов можно проследить посредством анализа государственной программы Германии Industrie 4.0 (2013–2022 гг.)⁷, ключевыми положениями которой являются следующие:

- 1) сценарное развитие производства;
- 2) внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы промышленного предприятия;
- 3) стандартизация бизнес-процессов;
- 4) образование и изменение требований к компетенции и организации работы на предприятии;
- 5) создание единой системы управления качеством с помощью реализации технологии «смарт-стандарт» на промышленных предприятиях.

Для осуществления положений программы организованы рабочие группы:

- архитектура бизнес-процесса;
- сценарии технологий и приложений;
- безопасность;
- законодательная обоснованность;
- обучение и повышение квалификации персонала.

¹ Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // McKinseyRussia. 2017. URL: https://asros.ru/upload/iblock/dc5/Digital_Russia_report.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

² Разработка умных стандартов: возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Комитет по промышленной политике и техническому регулированию РСПП : официальный сайт. 2021. 1 марта. URL: <http://www.rgtr.ru/press-tsentr/1499> (дата обращения: 04.05.2022).

³ Якушева М. SMART-стандарты. Как использование «умных стандартов» поможет повысить эффективность производства [Электронный ресурс] // ПРО Качество : сетевое издание. 2022. 17 февр. URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-produktsii/standartizatsiya/smart-standarty> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ Там же.

⁵ SMART в СУТР. Итоги первой конференции «Машиночитаемые стандарты: перспективы применения в промышленности» [Электронный ресурс] // Connect. 2021. 4 марта. URL: <https://www.connect-wit.ru/smart-v-sutr.html> (дата обращения: 04.05.2022).

⁶ Там же.

⁷ Germany – Industry 4.0 [Электронный ресурс] : 2017. Jan. // European Commission website. 2017. URL: <https://ati.ec.europa.eu/reports/policy-briefs/germany-industry-40> (дата обращения: 04.05.2022).

В рамках программы Industrie 4.0 было обеспечено сотрудничество Германии с Китаем, Японией, Италией и другими странами по вопросам стандартизации, государственного регулирования, поддержки проектов, организации обучения и образования, кибербезопасности, содействия малым и средним предприятиям, стимулирования быстрого развития инноваций. Опыт Германии показывает, что ключевыми задачами организации работы по созданию и внедрению смарт-стандартов и цифровых технологий в промышленности становятся стандартизация, создание единых международных стандартов и подготовка квалифицированных кадров.

С 2021 г. по программе Европейской экономической комиссии все технические регламенты, стандарты, документы по оценке соответствия должны быть переведены в цифровой формат. Создание первого международного смарт-стандарта реализуется в рамках стратегии ИСО-2030 и сотрудничества международных организаций по стандартизации¹. Технические комитеты международных организаций по стандартизации ISO, CEN, MEC, CENELEC, DIN приняли четыре уровня смарт-документов (рисунок 1)².

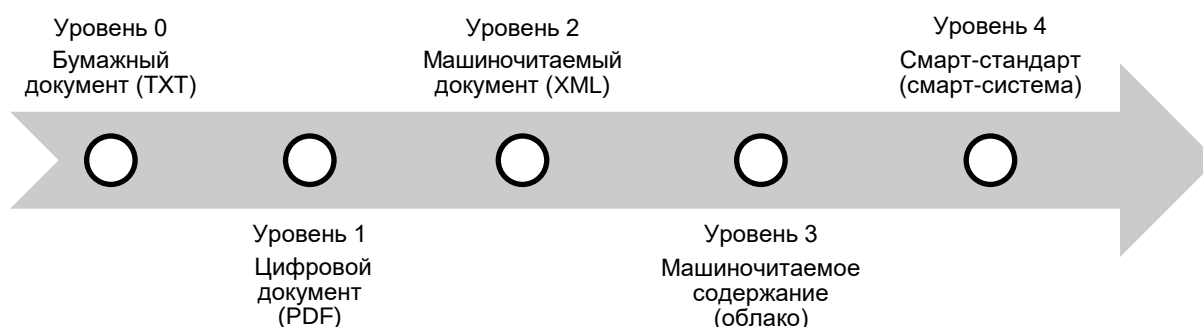

Рисунок 1 – Классификация машиночитаемых стандартов

Нулевым уровнем являются документы на бумажных носителях. Первым уровнем – в открытом цифровом формате. На втором уровне располагаются машиночитаемые документы, которые можно обрабатывать с помощью информационно-справочных систем. На третьем уровне находятся документы с машиночитаемым содержанием, подразумевающие детальное описание требований к продукции на всех стадиях жизненного цикла и систему управления данными требованиями. Четвертый уровень характеризует смарт-стандарт как база, содержащая стандарты в виде архивов текстовых, числовых и графических модулей, и их управляющая система.

Перспективными возможностями применения смарт-стандартов на промышленном предприятии являются следующие:

- 1) реализация требований к качеству и безопасности продукции на всех стадиях жизненного цикла;
- 2) обеспечение автоматизированной проверки выполнения требований нормативной документации в проектной документации;
- 3) создание информационной системы, которая позволит осуществить привязку продукции предприятий к кодам классификатора, техническим регламентам, стандартам, статусу, а также к органам сертификации и испытательным лабораториям, подтверждающим качество данной продукции в дальнейшем;
- 4) повышение эффективности производства.

В России работа со смарт-стандартами находится на начальном этапе. Определяющую роль при переходе к цифровой экономике играет национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая включает в себя федеральные проекты: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, подготовка кадров для цифро-

¹ Стратегия ИСО 2030 [Электронный ресурс] // ISO. URL: <https://www.iso.org/ru/home/about-us/strategy-2030.html> (дата обращения: 04.05.2022).

² Машиночитаемые стандарты: перспективы применения в промышленности [Электронный ресурс] : отчет по конференции от 25 февр. 2021 г. С. 5 // Комитет по промышленной политике и техническому регулированию РСПП : официальный сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/h7QxP> (дата обращения: 04.05.2022).

вой экономики, информационная безопасность, внедрение цифровых технологий, цифровое государственное управление, искусственный интеллект¹. Программа затрагивает вопросы цифровизации промышленности, в том числе смарт-стандартов.

На конференции «Машиночитаемые стандарты: перспективы применения в промышленности» определены основные задачи развития данной технологии в России:

- 1) реализация национальных программ по цифровизации экономики, в том числе по цифровизации Евразийской экономической комиссии;
- 2) перевод нормативных документов Федерального информационного фонда стандартов в машиночитаемый формат;
- 3) создание «архитектуры» (формы и содержания) смарт-стандарта для применения в России;
- 4) разработка мер поддержки промышленных предприятий, которые будут внедрять цифровые технологии, в том числе смарт-стандарт;
- 5) обеспечение совместимости национальных и международных смарт-стандартов.

Важно отметить, что промышленные стандарты России устарели и нуждаются в актуализации. По данным РСПП, 53,4 % используемых стандартов производства приняты до 1992 г., из них только 2 901 переведен в машиночитаемый формат XML, остальные – в PDF².

В июле 2021 г. был создан технический комитет по стандартизации «Умные (SMART) стандарты» на базе Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии³. Его деятельность будут курировать АО «Кодекс» и ФГУП «Стандартинформ». Цели комитета – разработка первых смарт-стандартов в России и объединение профессионального сообщества в данной области. Задачами организации выступают развитие сотрудничества в сфере смарт-стандартизации и поддержка промышленных предприятий.

В октябре 2021 г. АО «Кодекс» приступило к тестированию цифровой платформы, которая позволяет решать задачи по информированию работников предприятий, быстрому поиску необходимой документированной информации, автоматизирует процесс анализа и обсуждения проектов и документов⁴. Площадка открывает доступ к карточкам, единому словарю терминов и определений, глоссарию терминов индустрии 4.0 и другим ресурсам. Данная система будет обеспечивать промышленные предприятия требуемыми сведениями по цифровым технологиям и работе со смарт-стандартами.

По нашему мнению, для внедрения технологии «смарт-стандарт» в промышленности России необходимо принятие следующих мер:

- 1) законодательное утверждение единого формата смарт-стандартов для применения в информационных системах;
- 2) установление требований к безопасности при работе со смарт-стандартом;
- 3) определение регламентирующего органа и его полномочий для осуществления смарт-стандартизации;
- 4) оформление требований к применению смарт-стандартов на промышленных предприятиях;
- 5) рассмотрение возможности мотивации предприятий к использованию смарт-стандартов;
- 6) создание фонда технических регламентов и стандартов в машиночитаемом формате (XML);
- 7) формирование основополагающего документа по разработке смарт-стандартов;
- 8) перевод нормативной и технической документации с бумажных носителей и формата PDF в машиночитаемый формат XML;
- 9) обеспечение единства измерений в рамках индустрии 4.0;
- 10) разработка программ повышения квалификации и обучения сотрудников промышленных предприятий.

¹ Цифровая экономика РФ [Электронный ресурс] : программа : утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79l5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

² SMART в СУТР ...

³ Об организации деятельности проектного технического комитета по стандартизации «Умные (SMART) стандарты» [Электронный ресурс] : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 6 июля 2021 г. № 1190 // Консорциум Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607208393> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ О заседании проектного технического комитета «Умные (SMART) стандарты» [Электронный ресурс] // Комитет по промышленной политике и техническому регулированию РСПП : официальный сайт. 2021. 14 окт. URL: <http://rgtr.ru/press-tsentr/1716> (дата обращения: 04.05.2022).

Эффект от использования рассматриваемой технологии в промышленности России определяется следующими аспектами: полная автоматизация отраслей; развитие предприятий и повышение их конкурентоспособности за счет цифровизации; стандартизация всех технологических операций в рамках жизненного цикла продукта; повышение объема выпуска и качества продукции; уменьшение участия человека в процессах контроля технологической документации.

Таким образом, исследование показало, что смарт-стандарт является перспективной технологией для промышленных предприятий, проекты которых должны соответствовать не только требованиям потребителей, но и законам и нормативным документам стран, в которых реализуется или будет реализовываться продукция. Такой стандарт позволяет автоматически анализировать, определять и применять требования различных уровней на всех стадиях производственного цикла. Актуальность разработки решений на базе обозначенной технологии определяется принятием национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на период до 2024 г., созданием технического комитета «Умные (SMART) стандарты», развитием информирования компаний с помощью цифровой платформы АО «Кодекс».

Технология «смарт-стандарт» имеет большой потенциал для исследований в экономической, технологической, юридической областях и IT-сфере. Российской промышленности необходимо внедрять свои идеи и принимать участие в формировании международных стандартов, баз данных, классификаторов продукции для обеспечения конкурентоспособности продукции на мировых рынках. Важно сократить отставание от международных технических комитетов, подготовить изменения в нормативные акты РФ для реализации обозначенной технологии.

Список источников:

Дмитриева С.Ю. Основные принципы разработки умных (SMART) стандартов // Стандарты и качество. 2021. № 12. С. 22–25.

Колмыков Е.А., Воронцова Ю.В., Воронцова А.Н. Как перейти к умным (машиночитаемым) стандартам // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2022. № 1 (260). С. 17–20. <https://doi.org/10.35211/1990-5297-2022-1-260-17-20>.

Петухов О.А., Королевский Д.А. Стандартизация как элемент ускорения цифровизации и развития российской радиоэлектронной // Стандарты и качество. 2021. № 4. С. 44–47.

Торопицына Е.М. Анализ необходимости внедрения машиночитаемых стандартов в отечественную приборостроительную отрасль // Метрологическое обеспечение инновационных технологий : материалы III Междунар. форума в рамках празднования 80-летия Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, 300-летия Российской академии наук / под ред. В.В. Окрепилова. СПб., 2021. С. 445–446.

Цифровизация промышленного производства как инструмент ускорения модернизации промышленности Казахстана / Г.А. Кенешева, А.Р. Ибраева, А.А. Буkenова, А.Ж. Кульжанбекова // Труды университета. 2021. № 2 (83). С. 150–156. https://doi.org/10.52209/1609-1825_2021_2_150.

References:

Dmitrieva, S.Yu. (2021) Basic principles for smart standards development. *Standards and Quality*. (12), 22–25. (In Russian)
Kenesheva, G., Ibraeva, A., Bukenova, A. & Kulzhanbekova, A. (2021) Digitalization of industrial production as a tool to accelerate the modernization of Kazakhstan's industry. *Trudy Universiteta*. (2), 150–156. Available from: [doi:10.52209/1609-1825_2021_2_150](https://doi.org/10.52209/1609-1825_2021_2_150). (In Russian)

Kolmykov, E.A., Vorontsova, Yu.V. & Vorontsova, A.N. (2022) How to go to smart (machine-readable) standards. *Izvestia Volgograd State Technical University*. (1), 17–20. Available from: [doi:10.35211/1990-5297-2022-1-260-17-20](https://doi.org/10.35211/1990-5297-2022-1-260-17-20). (In Russian)

Petukhov, O.A. & Korolevskiy, D.A. (2021) Standardization as a tool for accelerating digitalization and development of the Russian radio-electronic industry. *Standards and Quality*. (4), 44–47. (In Russian)

Toropitsyna, E.M. (2021) Analysis of the need to implement machine-readable standards in the domestic instrument-making industry. In: Okrepilov V.V. (ed.) *Metrological Support of Innovative Technologies: Proceedings of the international conference*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet aehrokosmicheskogo priborostroeniya, 445–446. (In Russian)

Информация об авторах

Н.Ю. Четыркина – доктор экономических наук, профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=792248.

Е.Д. Стародубцева – аспирант кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1060299.

Information about the authors

N.Yu. Chetyrkina – Doctor of Economics, Professor, Department of Project Management and Quality Management, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=792248.

E.D. Starodubtseva – Post-graduate student, Department of Project Management and Quality Management, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1060299.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 66–72.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 66–72.

Научная статья

УДК 338.47

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.9>

ESG-трансформация как фактор инновационного управления компанией сферы железнодорожного транспорта

Дарья Васильевна Щербакова¹, Руслан Исламович Мамедгулиев²

^{1,2}Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹daria.ranepa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0422-3968>

²mamedguliev-ruslan2000@yandex.ru

Аннотация. Одним из трендов современной мировой экономики стал переход к концепции устойчивого развития организаций с учётом экологической повестки. Целью данной статьи стала оценка реализации ESG-подхода как фактора инновационного управления в крупной железнодорожной компании. В процессе работы были изучены труды исследователей в сфере ESG-подхода, отчёты и стратегические документы РЖД, материалы консалтинговых фирм «SBS Consulting» и «PwC», а также нормативно-правовые акты в области устойчивого развития и экологии. ESG-трансформация РЖД связана с внедрением наукоёмких разработок на железнодорожном транспорте и инфраструктурных объектах, реализацией проектов, направленных на сохранение окружающей среды и уменьшение антропогенного влияния человека на природу. В холдинге разрабатываются корпоративные социальные программы для работников с целью поддержки их мотивации и закрепления экологических привычек, совершенствуются бизнес-процессы и транспортная логистика. Применение компанией ESG-стратегии позволяет привлечь средства для импакт-инвестирования и развития «зелёных» технологий. Санкционное давление, оказываемое зарубежными странами на экономику РФ, может сказаться на задержке реализации ESG-повестки РЖД, что является нежелательным сценарием для компании.

Ключевые слова: ESG-трансформация, декарбонизация, железнодорожный транспорт, импакт-инвестирование, инновации, экология, устойчивое развитие, человеческий капитал

Для цитирования: Щербакова Д.В., Мамедгулиев Р.И. ESG-трансформация как фактор инновационного управления компанией сферы железнодорожного транспорта // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 66–72. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.9>.

Original article

ESG-transformation as a factor of innovative management of a railway transport company

Daria V. Shcherbakova¹, Ruslan I. Mamedguliev²

^{1,2}North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹daria.ranepa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0422-3968>

²mamedguliev-ruslan2000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0422-3968>

Abstract. One of the trends in the modern world economy was the transition to the concept of sustainable development of organizations, taking into account the environmental agenda. The purpose of this work was to evaluate the implementation of the ESG approach as a factor of innovative management in a large railway company. In the course of the work, the works of researchers in the field of ESG approach, reports and strategic documents of Russian Railways, materials of consulting firms “SBS Consulting” and “PwC”, as well as regulatory legal acts in the field of sustainable development and ecology were studied. The ESG transformation of Russian Railways is associated with the introduction of high-tech developments in railway transport and infrastructure facilities, the implementation of projects aimed at preserving the environment and reducing the anthropogenic impact of man on nature. The holding company develops corporate social programs for employees to support their motivation and reinforce environmental habits, and improves its business processes and transport logistics. The company's application of the ESG strategy allows it to attract funds for impact investment and the development of “green” technologies. The sanctions pressure exerted by foreign countries on the Russian economy may affect the delay in the implementation of the Russian Railways ESG agenda, which is an undesirable scenario for the company.

Keywords: ESG transformation, decarbonization, railway transport, impact investment, innovation, environment, sustainable development, human capital

For citation: Shcherbakova, D.V. & Mamedguliev, R.I. (2022) ESG-transformation as a factor of innovative management of a railway transport company. *Society: Politics, Economics, Law*. (5), 66–72. Available from: doi:10.24158/pep.2022.5.9 (In Russian).

Забота об экологии и обеспечение достойного будущего для планеты подразумевают ответственность всего мира в целом, включая государства, различного рода организации, отдельных людей. Всё чаще в разных странах мира вводится ценность бережного отношения и сохранения природы в связи с увеличивающимся антропогенным воздействием человека на неё. В последние годы широкое распространение получила концепция устойчивого развития ESG, предполагающая учет трёх показателей: осуществления экологического потребления ресурсов и бережного отношения к окружающей среде (E – environmental), выполнения социальных обязательств перед сотрудниками, потребителями и обществом в целом (S – social), а также корпоративного управления, направленного на построение дружественных взаимоотношений с государством, инвесторами и потребительским сектором с целью предотвращения ущерба природным богатствам планеты (G – governance).

Под ESG-деятельностью понимается функционирование организаций с учётом данной концепции устойчивого развития, а ESG-трансформация – это постепенный их переход к такой системе управления. Компании и государства создают собственные ESG-повестки, включая в них такие параметры, как модернизация производств, приведение выбросов углеводородов к «нулевому показателю» и разумное потребление людьми природных ресурсов. Согласно концепции ESG-вопросы экологического потребления ресурсов, социальная ответственность и особенности корпоративного управления неразрывно связаны друг с другом, выражаются в общем подходе к управлению организацией, а уровень внедрения ESG-инноваций в компании влияет в перспективе на её конкурентоспособность на рынке и уровень привлечения инвестиций (Ильинский, Щербакова, 2013).

Вопросами ESG-трансформации организаций занимаются российские и зарубежные исследователи (Liang, Renneboog, 2020). Отечественные учёные М.И. Емец (2022), Е.В. Жукова (2021) указывают на то, что идеи концепции устойчивого развития заложены в национальных приоритетах и целях Российской Федерации, и в будущем инвесторы будут заинтересованы только в тех компаниях, которые вкладывают свои ресурсы в «зелёное» развитие. В зарубежной литературе отмечается, что представление отчётов компаний по ESG-факторам в открытом доступе способствует корпоративной эффективности и устойчивому росту, а также усилению конкурентных преимуществ на рынке (Pedersen et al., 2020).

Для начала надо сказать, что ориентация на ESG-трансформацию выражена в 17 целях в области устойчивого развития, сформулированных Организацией Объединённых Наций (далее – ООН) в 2015 году. Эти цели включают в себя достижение таких показателей, как повсеместная ликвидация нищеты, голода и обеспечение здорового образа жизни людей независимо от возраста и пола, создание стойкой инфраструктуры в соответствии с достижениями индустриализации и инноваций, сокращение неравенства, забота о сохранении экосистем планеты и т.д. (Сахаров, Колмар, 2019).

Следует подчеркнуть, что ESG-деятельность организаций не может быть возможна без участия государства – национальные системы экологического регулирования призваны обеспечивать их функционирование на основе соответствующих норм и правил по выбросу парниковых газов и иных вредных веществ в окружающую среду, введения углеродных налогов, обеспечения системы торговли специальными квотами, иными экологическими и социальными льготами. Например, в нашей стране Российским экологическим оператором в 2021 году были разработаны декларация и ESG-стандарт по обращению с отходами, а Правительством Российской Федерации – утверждены: таксономия развития зелёных и адаптационных инновационных проектов, цели, основные направления и критерии устойчивого (в том числе «зелёного») развития Российской Федерации¹. На федеральном уровне создан портал «Россия ESG» (Айснер, Наумов, 2021).

К числу направлений устойчивого развития, обозначенных Правительством Российской Федерации, относятся: промышленность, энергетика, сельское хозяйство, строительство, устойчивая инфраструктура, обращение с отходами, водоснабжение и водоотведение, природные

¹ Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ландшафты, биоразнообразие, а также промышленная техника и транспорт. Правительство Российской Федерации совместно с Банком России предлагает инвесторам заниматься устойчивым инвестированием, принимая во внимание анализ и учёт факторов устойчивого развития, сформулированных ООН, а также отдавать предпочтение компаниям, осуществляющим политику и управление в сфере охраны окружающей среды и развития человеческого капитала¹. Согласно рекомендациям Банка России² компаниям с целью повышения собственной инвестиционной привлекательности рекомендуется публично представлять информацию о воздействии собственной организации на окружающую среду, заявлять о рисках и возможностях в компании, связанных с ESG-факторами, а также выставлять в открытый доступ сведения об эффективности собственной деятельности и своих позициях на мировом и отечественном рынках (Галазова, 2018).

В настоящее время невозможно представить себе компанию или сферу бизнеса, у которой в стратегических приоритетах не заложены принципы ESG-трансформации. На отечественном рынке можно выделить топливно-энергетические («Роснефть», «Лукойл», «Газпромнефть») и добывающие корпорации («Норильский никель», «Алроса», «ЕВРАЗ»), а также телекоммуникационные компании («МТС», «Билайн», «Ростелеком»), успешно реализующие принципы устойчивости развития и отражающие их перспективное развертывание в своих бизнес-планах³.

Учреждения финансового сектора России тоже осуществляют постепенный переход к принципам ESG-управления: так, в «Сбере», «РоссельхозБанке» и «Совкомбанке» были подготовлены корпоративные стратегии ESG-развития, разработаны механизмы кредитования клиентов с учётом факторов устойчивого развития экономики и выпуска «зелёных» облигаций. Банки предлагают компаниям под экологические цели привлечь капитал через «зелёные» облигации и кредиты, а также взять ESG-кредит, величина ставки по которому зависит от показателей реализации ESG-трансформации в компании: по отчётам организации и оценкам международных рейтинговых агентств (Смирнов, 2021).

Компания «Российские железные дороги» является одной из первых отечественных организаций, вступивших на путь устойчивого развития. В 2007 году она стала участником Глобального договора ООН. В 2020 году холдинг «РЖД» присоединился к Декларации Международного союза железных дорог по устойчивому развитию, согласно которому обязуется к 2050 году прийти к углеродной нейтральности и обеспечить декарбонизацию транспорта.

Интересно, что сроки достижения показателя «нулевого» выброса углеводородов у железнодорожных компаний разных стран различаются. Например, в декларации отмечено, что компании «Österreichische Bundesbahnen» Австрии и «Indian Railways» Индии достигнут углеродной нейтральности к 2030 году, «SNCF» Франции – к 2035 году, в 2050 году этот показатель будет характеризовать деятельность компании «Deutsche Bahn» в Германии, «Ferrovie dello Stato Italiane» – в Италии, «Network Rail» – в Великобритании, а вот Китайские предприятия смогут прийти к нему ориентировочно к 2060 году⁴.

Помимо этого, Международным союзом железных дорог ведётся работа по консультированию и мониторингу железнодорожных компаний в следующих направлениях устойчивого развития: обеспечение качества воздуха, создание циркулярной экономики, подавление шума и вибрации; решаются также вопросы по устойчивому землепользованию.

Организацией «Sustainalytics» разработан рейтинг ESG-рисков, в котором представлены компании из различных секторов мировой экономики, включая транспортные железнодорожные компании (табл. 1), в зависимости от уровня их воздействия на окружающую среду⁵.

¹ О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования : информационное письмо Банка России от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ : информационное письмо Банка России от 12.07.2021 N ИН-06-28/49 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Исследования и аналитика. Развитие принципов ответственного инвестирования в мире и России. Оценка компаний по степени раскрытия ESG-информации [Электронный ресурс] // SBS. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/about/issledovaniya-i-analitika/> (дата обращения: 19.04.2022).

⁴ Информационный бюллетень ОАО РЖД: основные итоги работы в I полугодии 2021 г., департамент зарубежных проектов и международного сотрудничества, август 2021 г. [Электронный ресурс] // ОмГУПС. URL: https://www.omgups.ru/innov/presentations/inf_blt.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

⁵ Company ESG Risk Ratings. Sustainalytics' ESG Risk Ratings offer clear insights into the ESG risks of companies [Электронный ресурс] // Sustainalytics.com. URL: <https://www.sustainalytics.com/esg-ratings> (дата обращения: 17.05.2022).

Таблица 1 – Рейтинг ESG-риска среди железнодорожных компаний мира (приведены данные на май 2022 г.)

№	Название компании	Страна	Рейтинг ESG-риска	Позиция в отрасли	Общий рейтинг
1	«Canadian National Railway Co.»	Канада	16,0/низкий	20	1 660
2	«Burlington Northern Santa Fe»	США	20,6/средний	89	3 789
3	«Deutsche Bahn»	Германия	24,4/средний	182	5 895
4	«Indian Railways»	Индия	24,9/средний	189	6 204
5	«East Japan Railway Company»	Япония	25,1/средний	194	6 303
6	«Union Pacific Railroad»	США	25,2/средний	197	6 362
7	«SNCF»	Франция	25,5/средний	205	6 511
8	«Пекино-Шанхайская высокоскоростная железная дорога»	Китай	31,9/высокий	320	10 007
9	«Грузинская железная дорога»	Грузия	32,6/высокий	325	10 321
10	«Российские железные дороги»	Россия	34,6/высокий	336	11 183

По данным ESG-рэнкинга российских компаний RAEX-Europe на март 2022 года¹, холдинг входит в топ-20 по устойчивому развитию среди корпораций из России. В настоящее время в этой компании реализуется «Экологическая стратегия ОАО РЖД на перспективу до 2030 года»², целями которой являются: сбалансированное развитие компании на основе рационального использования ресурсов, сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды в зоне влияния объектов инфраструктуры компании, предотвращение и ликвидация экологического ущерба.

На наш взгляд, несмотря на то, что железнодорожный транспорт является одним из экологически чистых видов транспорта, в будущем его будут ожидать серьезные перемены. В связи с сокращением невозобновляемых природных ресурсов (таких как нефть и уголь, необходимых для выработки электроэнергии) в перспективе подвижному пассажирскому и грузовому составам компании и объектам транспортной инфраструктуры понадобится серьезная техническая трансформация с переориентацией на «зеленую» энергетику. И пути решения этой проблемы уже успешно найдены. К примеру, в 2012 году в Анапе на крыше железнодорожного вокзала были установлены солнечные электрогенераторы, которые вырабатывают до 70 % электроэнергии, используемой станцией в летнее время. А депо «Подмосковная» является единственным в стране, имеющим сертификат BREEAM и соответствующим европейским экологическим стандартам. Для организации системы отопления в депо были использованы высокоэффективные водяные инфракрасные излучатели. Кроме того, в нём предусмотрено воздушное отопление с системой рекуперации (повторного применения использованных ресурсов)³.

Железнодорожная компания в рамках направления устойчивого развития занимается сохранением и обогащением природных территорий. Холдинг РЖД и Министерство природных ресурсов и экологии совместно разработали программу по охране окружающей среды территории вокруг озера Байкал. Созданный план мероприятий позволяет провести реконструкцию инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей без причинения существенного вреда природе. На Байкале создана система экологического мониторинга за состоянием проведения работ и оценки негативного воздействия на природу, проводятся мероприятия по очистке береговой линии озера. На ближайших к водоёму станциях была организована система раздельного сбора мусора, а отопительные печи для обогрева рабочих теперь функционируют на основе электроэнергии вместо горючего топлива. Во время проведения работ было восстановлено около 20 гектаров зелёных насаждений, снижено негативное воздействие на природные памятники регионального значения «Слюдянское озеро» и «Мыс Шаманский».

Интересен также опыт РЖД, связанный с заботой о животных и природном биоразнообразии. На полосах отвода железнодорожных путей в районе станций и вокзалов размещена специальная светоотражающая лента, не позволяющая животным заходить за ограничительные линии. При этом компания организывает совместные обходы близлежащих к железным дорогам лесных территорий лесничими и представителями охотничьих хозяйств⁴.

¹ ESG Ranking of Russian Companies 2022 as of 15.03.2022 [Электронный ресурс] // Raexpert.eu. URL: https://raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (дата обращения: 19.04.2022).

² Экологическая стратегия ОАО «РЖД» до 2020 года и на перспективу до 2030 года [Электронный ресурс] // РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=958> (дата обращения: 18.04.2022).

³ Устойчивое развитие и инфраструктура: обзор трендов в России и мире [Электронный ресурс] // ВЭБ.РФ. URL: https://xn--90ab5f.xn--p1ai/downloads/spief_sd_short_final_02.05.2021_1.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Годовой отчёт ОАО «Российские железные дороги» за 2020 год [Электронный ресурс] // РЖД. URL: https://ar2020.rzd.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_rzd_2020.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

Как уже было отмечено, достижение РЖД углеродной нейтральности планируется к 2050 году. Это станет возможным через переход к «зелёной» энергетике (возобновляемым источникам энергии), применение альтернативных видов топлива (водород, аккумуляторы, газ) и электрификацию загруженных железнодорожных магистралей. По состоянию на 2021 год, в России эксплуатационная длина сети железных дорог составляет 85 тысяч километров, однако только 51 % из них представляют собой электрифицированные линии (когда, например, в Китае, этот показатель равен 73 % от протяжённости в 146 тысяч километров, в Индии – 68 % от 68 тысяч километров)¹. На участках железнодорожных путей, где невозможно проведение электрической связи, дизельные поезда могут быть заменены на транспорт, работающий на экологически чистых видах топлива и на возобновляемых источниках энергии. Разработка таких составов будет наиболее актуальна в перспективе для выхода на международный B2B-рынок, так как всё больше стран (Швейцария, Норвегия, Индия, Германия и др.) распространяют запрет на использование двигателей внутреннего сгорания и дизелей, а также угля. Появление таких поездов может сократить количество выбросов парниковых газов в атмосферу и на территории России.

Актуализация ESG-подхода в «Российских железных дорогах» может решить вопрос развития человеческого капитала внутри компании. В ходе проведённого исследования документов холдинга было выявлено, что на данном этапе потребность в экологии до сих пор не закреплена в качестве ключевой ценности компании (ценностями бренда РЖД в настоящее время являются «партнёрство», «открытость к инновациям» и «ценность – в людях»). Однако включение «зелёной» ориентации в перечень приоритетных задач компании может повлиять на развитие экологических привычек среди работников железнодорожной сферы, пассажиров компании, а в перспективе – стать источником распространения этой тенденции на российское общество в целом (Чеченова, 2022).

В холдинге уже разработаны «Долгосрочная программа развития человеческого капитала ОАО РЖД на период до 2025 года»² и «Проект по раздельному сбору вторичных материальных ресурсов в компании»³. Однако нынешняя корпоративная программа компании в области экологического просвещения состоит из краткосрочных мероприятий-проектов (Мячикова, Селина, 2020: 79). Политику РЖД в области экологии можно переориентировать под непрерывную операционную деятельность путём создания цифрового приложения по сбору отходов и получению стимулирующих выгод как для сотрудников, так и для обычных пассажиров. Например, за собранное определённое количество пластиковой тары при сдаче их в специализированные автоматы-приёмники, которые можно установить на железнодорожных вокзалах и станциях, пассажир сможет получить бесплатный билет на проезд в электропоезде или скидку на дальнюю поездку (как это делается в Италии⁴).

Российская компания «SBS-Consulting» отмечает⁵, что следование мировой экологической повестке и реализация организациями принципов устойчивого развития в собственной корпоративной среде создаёт немало выгодных преимуществ для роста доходов и увеличения кредитных рейтингов организации. Открытое предствление «Российскими железными дорогами» данных компании в области устойчивого развития (например, по энергопотреблению вне организаций, негативному воздействию на окружающую среду через цепочки поставок, использованию детского труда, оценке воздействия продуктов и услуг на здоровье и безопасность и др.) может укрепить деловую репутацию компании и повысить ее стратегическое позиционирование на рынке, а также увеличить доходность ее акций (Диваева, 2022).

Сегодня ESG-подход – это мировой тренд, который нельзя игнорировать. Развитие «Российских железных дорог» по пути следования ESG-принципам поможет холдингу получить новые инвестиции во внутреннюю деятельность и развитие наукоёмких технологий на транспорте. Согласно исследованиям консалтинговой компании «PwC»⁶ в последние годы использование

¹ Информационный бюллетень ОАО РЖД: основные итоги работы в I полугодии 2021 г. ...

² Долгосрочная программа развития ОАО «РЖД» до 2025 года [Электронный ресурс] // РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9353/page/105104?id=1359> (дата обращения: 17.05.2022).

³ О реализации проекта по раздельному сбору вторичных материальных ресурсов : распоряжение ОАО РЖД от 05.12.2013 № 2676р [Электронный ресурс] // Железнодорожные документы. URL: <https://jd-doc.ru/2013/dekabr-2013/5003-rasporjazyhenie-oao-rzhd-ot-05-12-2013-n-2676r> (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Сдай и катайся: в римском метро пластиковые бутылки можно обменять на билет [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/07/25/v-rimskom-metro-plastikovye-butylki-mozhno-obmeniat-na-bilet.html> (дата обращения: 23.04.2022).

⁵ Экологический менеджмент на корпоративном уровне : отчёт компании SBS Consulting. Сентябрь 2021 г. [Электронный ресурс] // SBS. URL: <https://clck.ru/hC3fV> (дата обращения: 19.04.2022).

⁶ Путь к ESG на рынке прямых инвестиций: от соблюдения требований к созданию ценности : глобальное исследование по вопросам ответственного инвестирования частного капитала, 2021 г. [Электронный ресурс] // PwC. URL: <http://www.preqveca.ru/comments/download/523/> (дата обращения: 24.04.2022).

ESG-стратегии компаниями всё больше влияет на уровень привлечения инвестиций в устойчивое развитие. Возможности импакт-инвестирования, направленного на благотворное социальное и экологическое воздействие наряду с финансовой отдачей, возрастают, и использование их РЖД будет давать положительный эффект как для самой компании, так и для общества в целом.

Применение компанией ESG-подхода повышает ее привлекательность в качестве объекта венчурных инвестиций. Для бизнес-акторов, размещающих свой капитал в этой сфере, важно, чтобы вносимые ими вложения не приносили им материальный ущерб и давали возможность зарабатывать, а сами объекты инвестирования оставались надёжными, доходными и устойчивыми по высокой стоимости акций (Pedersen et al., 2020). На данном этапе «Российские железные дороги» занимают первое место на рынке «зелёных» облигаций, крупнейшим ESG-заёмщиком на локальном рынке. Надеемся, что компания продолжит устойчивое управление и сможет сохранить эти позиции в дальнейшем.

Хотелось бы отметить, что достижение целей устойчивого развития возможно при совместных усилиях государства, общества и бизнеса. Опыт внедрения компанией «Российские железные дороги» инициатив по устойчивому развитию должен распространяться и на другие секторы российской и мировой экономики в целом. Формирование благоприятных условий для транзитного потенциала РЖД, совершенствование её перевозочной и логистической деятельности происходит при активном участии компании в деятельности международных организаций: Организации сотрудничества железных дорог, Международного союза железных дорог, Совета по железнодорожному транспорту государств – участников СНГ, Международного координационного совета по трансъевразийским перевозкам, Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН, Шанхайской организации сотрудничества, содружества стран БРИКС и др. (Чеченова, 2022).

Произведённая оценка направлений развития концепции устойчивости в «Российских железных дорогах» подтверждает, что отечественный холдинг проводит трансформацию бизнеса согласно целям устойчивого развития ООН, включая заботу и поддержку состояния окружающей среды. Как указывают материалы консалтинговых компаний, приведённые выше, внедрение «зелёных» технологий на железнодорожном транспорте сможет стать не только полезным в вопросе охраны и защиты окружающей среды, но ещё и прибыльным делом за счет «зелёных» инвестиций государства и бизнеса в железные дороги как в экологически чистый вид транспорта и финансово привлекательный проект.

Проведение ESG-трансформации в РЖД порождает интересы, стимулы и предложения по вовлечению новых сотрудников в динамично развивающийся транспортный бизнес, создаёт корпоративные условия по удержанию ценных кадров в компании и мотивации персонала на продолжительный период.

На данном этапе в «Российских железных дорогах» проведена большая работа по внедрению в компанию ESG-повестки. В перспективе холдинг может продолжить заниматься «зелёными» реновациями и совершенствовать объекты собственной транспортной инфраструктуры, включая железнодорожные депо, вокзалы и станции. Несмотря на современную нестабильность, для компании стратегически важно развитие наукоёмких технологий на транспорте и создание локомотивов, работающих на альтернативной энергетике в связи с тенденцией декарбонизации отечественной экономики. Отдельным направлением работы компании может стать решение вопроса по созданию технологий, направленных на накопление электроэнергии с помощью альтернативных источников энергии, для объектов транспортной железнодорожной инфраструктуры, находящихся в Арктической зоне Российской Федерации.

Подводя итог, отметим: ESG-трансформация холдинга ОАО «Российские железные дороги» является инновационным фактором управления компанией, способствующим улучшению экологического состояния окружающей среды, совершенствованию транспортных технологий, повышению уровня развития человеческого капитала среди сотрудников и модернизации корпоративного управления железнодорожной компанией.

Список источников:

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. ESG-управление и глобальный кризис: трансформация управленческих стратегий государства в XXI веке // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Курск, 2021. С. 19–22.

Галазова С.С. Влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность корпоративного сектора // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2018. № 4 (64). С. 81–86.

Диваева Э.А. Условия трансформации ESG-принципов: экономические и социальные аспекты // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 65–70.

Емец М.И. Вклад зеленых облигаций в декарбонизацию экономики // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 1. С. 143–154. <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.1.114071>.

- Жукова Е.В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 6 (120). С. 68–82. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-68-82>.
- Ильинский И.В., Щербакова Д.В. Организационные инновации: причины торможения и сопротивления // Дизайн. Материалы. Технология. 2013. № 3 (28). С. 114–119.
- Мячикова К.А., Селина О.В. Особенности формирования человеческого капитала ОАО «РЖД» // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: в 2 т. Екатеринбург, 2020. Т. 2. С. 77–85.
- Сахаров А.Г., Колмар О.И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 1. С. 189–206. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>.
- Смирнов В.Д. Особенности управления банками ESG-рисками // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 4. с. 85–95. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-4-85-95>.
- Чеченова Л.М. Ориентиры «Российских железных дорог» в стратегии устойчивого развития // Методология развития управления, экономики и образования. Пенза, 2022. С. 73–82.
- Liang H., Renneboog L. Corporate Social Responsibility and Sustainable Finance: A Review of the Literature. Oxford, 2020. 43 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3698631>.
- Pedersen L.H., Fitzgibbons S., Pomorski L. Responsible Investing: The ESG-Efficient Frontier // Journal of Financial Economics. 2020. Vol. 142, iss. 2. P. 572–597. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.11.001>.

References:

- Aisner, L. Yu. & Naumov, O. D. (2021) ESG-Governance and the Global Crisis: Transforming State Governance Strategies in the XXI Century. In: *Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty*. Kursk, pp. 19–22 (in Russian).
- Chechenova, L. M. (2022) Orientiry «Rossiiskikh zheleznikh dorog» v strategii ustoichivogo razvitiya [Russian Railways' Benchmarks in the Sustainable Development Strategy]. In: *Metodologiya razvitiya upravleniya, ekonomiki i obrazovaniya*. Penza, pp. 73–82 (in Russian).
- Divaeva, E. A. (2022) Conditions for the Transformation of ESG Principles: Economic and Social Aspects. *Innovatsii i investitsii*. (1), 65–70 (in Russian).
- Emets, M. I. (2022) Relationship between Green Bonds Issuance and Decarbonization. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*. 5 (1), 143–154. Available from: [doi:10.18334/ecsec.5.1.114071](https://doi.org/10.18334/ecsec.5.1.114071) (in Russian).
- Galazova, S. S. (2018) Influence of ESG-Factors on Sustainable Development of Companies and Financial Performance of Corporate Sector. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. (4 (64)), 81–86 (in Russian).
- Il'inskii, I. V. & Shcherbakova, D. V. (2013) Organizatsionnye innovatsii: prichiny tormozheniya i soprotivleniya [Organizational Innovations: Causes of Inhibition and Resistance]. *Dizain. Materialy. Tekhnologiya*. (3 (28)), 114–119 (in Russian).
- Liang, H. & Renneboog, L. (2020) *Corporate Social Responsibility and Sustainable Finance: A Review of the Literature*. Oxford. 43 p. Available from: [doi:10.2139/ssrn.3698631](https://doi.org/10.2139/ssrn.3698631).
- Myachikova, K. A. & Selina, O. V. (2020) Features of Forming Human Capital of the Company JSC «Russian Railways». In: *Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh sovremennykh vyzovov*. Vol. 2. Ekaterinburg, pp. 77–85 (in Russian).
- Pedersen, L. H., Fitzgibbons, S. & Pomorski, L. (2020) Responsible Investing: The ESG-Efficient Frontier. *Journal of Financial Economics*. 142 (2), 572–597. Available from: [doi:10.1016/j.jfineco.2020.11.001](https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.11.001).
- Sakharov, A. G. & Kolmar, O. I. (2019) Prospects of Implementation of the UN SDG in Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 14 (1), 189–206. Available from: [doi:10.17323/1996-7845-2019-01-11](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11) (in Russian).
- Smirnov, V. D. (2021) Features of ESG Risk Management by Banks. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. (4), 85–95. Available from: [doi:10.26794/1999-849X-2021-14-4-85-95](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-4-85-95) (in Russian).
- Zhukova, E. V. (2021) Key Trends in ESG-Agenda Development: Reviewing the Situation in Russia and the World. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. 18 (6 (120)), 68–82. Available from: [doi:10.21686/2413-2829-2021-6-68-82](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-68-82) (in Russian).

Информация об авторах

Д.В. Щербакова – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия. https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=765413.

Р.И. Мамедгулиев – студент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the authors

D.V. Shcherbakova – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia. https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=765413.

R.I. Mamedguliev – Student, Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 73–76.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 73–76.

Научная статья
УДК 34.01:82-313.2
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10>

**Утопия свободной теократии и русская правовая мысль начала XX в.
(В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.Н. Толстой, Е.И. Замятин)**

Сергей Леонович Слободнюк

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Пушкин, Россия, gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Аннотация. В статье рассматривается малоисследованный аспект становления и развития русской теократической утопии. Начальной точкой рассуждения автор избирает правовую доктрину В.С. Соловьева, в рамках которой происходит поэтапная деструкция триады «церковь – государство – пророки». На пути к свободной теократии «теург» сначала вытесняет «пророка», затем сливается с «церковью» и, наконец, обретает онтологическое единство с «государством». Последний момент необратимо совпадает «с концом всего мирового процесса» и становится главной причиной крушения теократической утопии В.С. Соловьева. Привлечение критических работ С.Н. Булгакова позволило установить связь «черной» космоургии В.С. Соловьева с идеей «последней свободы», непосредственно повлиявшей на дистопический дискурс XX в. Обращаясь к трудам П.И. Новгородцева и Н.Н. Алексеева, автор анализирует взгляды А.Н. Толстого и Е.И. Замятина. Итогом рассуждения становится вывод, что практическая реализация «последней свободы» в дистопическом дискурсе XX столетия приводит к специфическому пониманию права: возведенная в абсолютный закон воля господствующего и максимально обезличенного субъекта.

Ключевые слова: дистопия, право, свобода, Серебряный век, теократия, теургия, утопия

Для цитирования: Слободнюк С.Л. Утопия свободной теократии и русская правовая мысль начала XX в. (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.Н. Толстой, Е.И. Замятин) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 73–76. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10>.

Original article

**Free theocracy utopia and Russian legal thought in the early XXth century
(V.S. Solovyev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Tolstoy, E.I. Zamyatin)**

Sergey L. Slobodnyuk

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia,
gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Abstract. The article deals with a little-studied aspect of the formation and development of the Russian theocratic utopia. The author chooses the legal doctrine of V.S. Solovyov as the starting point of reasoning, within which the gradual destruction of the triad “church-state-prophets” takes place. On the way to a “free theocracy”, the “theurgist” first supplants the “prophet”, then merges with the “church”, and finally acquires an ontological unity with the “state”. The latter moment irreversibly coincides “with the end of the entire world process” and becomes the main reason for the collapse of Solovyov’s theocratic utopia. The involvement of the critical works of S.N. Bulgakov made it possible to establish a connection between Solovyov’s “black” cosmurgy and the idea of “last freedom”, which directly influenced the dystopian discourse of the 20th century. Referring to the works of P.I. Novgorodtsev and N.N. Alekseev, the author analyzes the views of A.N. Tolstoy and E.I. Zamyatin. The result of the reasoning is the conclusion that the practical implementation of the “last freedom” in the dystopian discourse of the twentieth century leads to a specific understanding of law: the will of the dominant and maximally impersonal subject raised to an absolute law.

Keywords: dystopia, freedom, law, Silver Age, theocracy, theurgy, utopia

For citation: Slobodnyuk, S.L. (2022) Free theocracy utopia and Russian legal thought in the early XXth century (V.S. Solovyev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Tolstoy, E.I. Zamyatin). *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 73–76. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.10](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10) (In Russian).

Утопическая идея, восходящая к архетипике «утраченного рая», в XX столетии лишилась доминирующих позиций в массовом правосознании. Основной причиной, обрушившей чаяния исследователей Эдема, стали многочисленные опыты по установлению «светлого царства социализма», ведь даже наиболее успешный «киббуцный» вариант не смог в полной мере оправдать надежд.

Неудивительно, что начиная с 1950-х гг. утопия вытесняется на второй план научных штудий, уступая лидерство своему антагонисту. Правда, общий интерес к «месту, которого нет» до сих пор не иссякает: только в 2017–2022 гг. база РИНЦ пополнилась почти 700 публикациями, посвященными различным аспектам утопического. Однако *историко-правовые* аспекты утопии (по данным рубрикатора eLibrary) нашли отражение лишь в полусотне работ, теократический ракурс в основном освещается в социально-философском или политическом ключе (см., например: History, to be continued..., 2020; Leontyev, Kurashov, 2019; Leontyev, Leontieva, 2019), и только в 15 трудах понятие «теократическая утопия» вынесено в заглавие.

На наш взгляд, подобный дисбаланс не способствует объективному пониманию судьбы теократической идеи в русской правовой мысли первых десятилетий XX в. Кроме того, в подавляющем большинстве трудов подвергается редукции сложная природа исследуемого предмета, хотя отечественная правовая мысль на рубеже XIX–XX вв. представляла собой синтетический феномен, включающий как воззрения профессионалов, так и «наивные» доктрины, отражающие кризисные процессы в обыденном правосознании. И если в трудах П.И. Новгородцева, М.М. Ковалевского, Е.Н. Трубецкого четко просматривались элементы, повлиявшие на формирование будущего дистопического дискурса, то в сочинениях В.С. Соловьева, Н.С. Гумилева, не говоря уже о Е.И. Замятине и А.Н. Толстом, парадоксальным образом обозначались важнейшие государственно-правовые основания антиутопии.

Катастрофическое столкновение правового идеала и правовой реальности, о котором вслед за П.И. Новгородцевым (1991¹) будет писать Н.Н. Алексеев (1924), в правосознании Серебряного века проявлялось по-разному. Мессианско-эсхатологическое стремление к «утопии земного рая», достигшее в этот период пика, не предполагало свойственной «новейшему западному человечеству веры в универсальную, всеспасающую и всеисцеляющую общественную миссию права» и делало излишним обоснование связи между *возможным* «осуществлением общественного совершенства» и ясным пониманием того, «что такое общественный, политический и правовой идеал» (Алексеев, 1924: 275–276).

Ярким примером подобной редукции правового поля выступают утопические построения В.С. Соловьева. Непримиимый критик без-нравственного понимания права, он предпочитал оперировать моральными и богословскими категориями и напрямую связывал правовые основания своей утопии со справедливостью, которая «не есть простое равенство, а *равенство в исполнении должного*» (Соловьев, 1988, I: 526). Построения мыслителя восходят к моделям Т. Мора и Т. Кампанеллы, ведь, как известно, классическая утопия – это прежде всего воплощенная в жизнь справедливость. Все остальное вторично, в том числе право и законы: Т. Мор упоминает о них вскользь; Т. Кампанелла более многословен, но исключительно тогда, когда речь заходит о законе возмездия.

В доктрине В.С. Соловьева общие принципы утопистов сохранены, однако вопросы справедливости и права выносятся на «космический» уровень, ибо «нравственное значение общества» не зависит от человеческого рационального начала, «практически выражающегося в отношениях юридических и государственных» (1988, I: 588). Мыслитель подчеркивает, что «истинное, нормальное общество должно быть определено как свободная теократия», а последняя есть «основанный на любви и правде общественный строй, всеобъемлющий и всеединящий» (Соловьев, 1988, I: 589, 593). Кратчайшим путем к построению свободной теократии В.С. Соловьев считает теургию. Однако уже на уровне теоретизирования «вдруг» выясняется, что исполнение теургической миссии приводит к деструкции триады «церковь – государство – пророки», поскольку сначала «теург» занимает место «пророка», затем сливается с «церковью» и, наконец, обретает онтологическое единство с «государством». При этом приведение всех областей общественного устройства «к богочеловеческому согласному единству» и вхождение «в состав свободной теократии» произойдут не ранее, чем тварь «освобождена будет от рабства тлению в свободу славы сынов Божиих» (Соловьев, 1994: 193), и, по сути, совпадет «с концом всего мирового процесса» (Соловьев, 1988, II: 398).

Именно осознание *эсхатологической* природы свободной теократии и стало главной причиной крушения утопии В.С. Соловьева. Безусловно, такая трактовка не совпадает с воззрениями, сторонники которых полагают, что «в виде теократической утопии Соловьев переживает» кратковременное «увлечение просветительским прогрессизмом Нового времени», после чего радостно возвращается «к традиционному христианскому вероучению с его эсхатологией и апокалиптикой» (Белик, 2018; Кондратьева, 2017). Однако обращение к трудам С.Н. Булгакова подтверждает, что наша позиция небезосновательна хотя бы потому, что идея «черной космоургии»

¹ Издание 1991 полностью воспроизводит монографию П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» 1922 г.

(«Свет не вечерний») (Булгаков, 1999: 323) прямо указывает на соловьевский теургизм, без которого «софийная», она же «свободная», теократия просто невозможна. Как невозможна она без идеи «последней свободы», необходимо (по С.Н. Булгакову) связанной с диалектикой свободы тварной, ведущей к преодолению индивидуальности «ради высшей и последней свободы, с принятием софийной детерминации, как цели» (Булгаков, 1945: 156). Иными словами, в соловьевской доктрине «последняя свобода» и есть та самая *свободная теократия*, воплощение которой не предполагает ничего, кроме полного растворения *всего* в безличном абсолюте. Заметим, что неприятие деструктивных оснований соловьевства в итоге отвратило Н.С. Гумилева от концепции друидической утопии. В противном случае необъяснимо, почему «последняя, страшная свобода» (Гумилев, 1988: 267), якобы знаменующая обретение идеального царства, обернулась торжеством некой огненной сущности, «Утренней Звезды – Люцифера» и безоговорочным отречением от идеи кастовой гармонии.

Другой ракурс осмысления утопического теократизма представлен в концепциях, отраженных в «Аэлите» А.Н. Толстого и «Мы» Е.И. Замятина. Хотя замятинский текст считается первой дистопией, давшей жизнь целому направлению в культуре XX столетия, позволим себе заметить, что по крайней мере по времени публикации первопроходцем был А.Н. Толстой.

Дистопическая линия в «Аэлите» построена на критике идей О. Шпенглера, о чем свидетельствует и подзаголовок первого издания – «Закат Марса». Однако идея чистого цезаризма (атланты-Магачитлы) по воле автора обретает теократические черты. В итоге история Земли и Марса, куда атланты экспортируют цезаризм, оказывается историей крушения теократий. Интерпретируя шпенглеровскую доктрину мирового города, А.Н. Толстой отождествляет цивилизацию с теократией, установление которой ознаменовало закат Атлантиды и предрешило судьбу Марса. Справедливости ради заметим, что принадлежность главы Высшего совета инженеров (Тускуба) к высшему жречеству автором не акцентируется: для него достаточно простой констатации данного факта. В то же время А.Н. Толстой постоянно подчеркивает сакральную природу затеваемых Тускубом реформ, цель которых – вернуть государство в золотой век.

Не менее важно и то, что обретение утраченного Эдема у А.Н. Толстого неразрывно связано с полнейшим отрицанием самой идеи свободы: «Город готовит анархическую личность. Ее воля, ее пафос – разрушение. Думают, что анархия – свобода. Нет, анархия жаждет только анархии. <...> Анархии мы должны противопоставить волю к порядку. <...> Мы бессильны остановить вымирание. Мы должны суровыми и мудрыми мерами обставить пышностью и счастьем последние дни мира. Первое и основное – мы должны уничтожить город. Цивилизация взяла от него все; теперь он разлагает цивилизацию» (Толстой, 1985: 347–348). Другими словами, цивилизация – это «безумие опустошенного разума» (Толстой, 1985: 342), чей *свободный* поиск и привел Атлантиду к «последней свободе», единственное спасение от которой – физическое уничтожение ее носителей.

Дистопический дискурс Е.И. Замятина имеет более сложную природу и обращается к интерпретациям вопроса о свободе в системе отношений человека и *реализованной* утопии, какой, как ни парадоксально, является Единое Государство: «Почему танец – красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. <...> Инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни – только сознательно...» (Замятин, 1989: 309). Хрестоматийный тезис о познанной (осознанной) необходимости здесь налицо. Как налицо и вывод о том, что в Едином Государстве таковой необходимостью является *не-свобода*, якобы органически связанная с естественным правом. Поэтому первосвященник и живой бог Единого Государства (Благодетель) видит свою главную задачу в полном искоренении (через ампутацию фантазии-души) *не-естественной* свободы, мешающей возвращению в Эдем (Замятин, 1989: 450). В сущности, мир благоденствующих «нумеров» становится образцом новой теократии, провозглашающей торжество мнимо-естественного права, в фундаменте которого идея *не-свободы* и сакрализованное право гражданина «понести кару» (Замятин, 1989: 383). Эта *новая* теократия тем не менее полностью подтверждает справедливость тезиса П.И. Новгородцева: чтобы государство «стало теократическим, требуется... полное подчинение гражданских отношений религиозным целям» (1899: 305).

Дальнейшее развитие дистопического дискурса, в рамках которого были созданы теократии ангсоца (Д. Оруэлл), Дюны-Арракиса (Ф. Херберт), боговластного человечества (Л.М. Леонов), показало, что как только утопия земного рая, перестав быть «абсолютным идеалом» и «безусловной целью прогресса», выходит на уровень «практической действительности», что, по справедливому мнению П.И. Новгородцева, крайне нежелательно (1991: 56), «последняя свобода» в лучшем случае порождает изощренную практику борьбы с мыслепреступлением (Д. Оруэлл), в худшем – превращает талион в единственный основополагающий принцип антиутопического

права (Д. Оруэлл, Ф. Херберт, Л.М. Леонов), являющего собой возведенную в абсолютный закон волю господствующего и максимально обезличенного субъекта.

Список источников:

- Алексеев Н.Н. Основы философии права. Прага, 1924. 283 с.
 Белик К.С. Теократическая утопия и ее крах в философии В.С. Соловьева // *ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2018. № 4 (6). С. 20–25.
 Булгаков С.Н. Свет невечерний // Первообраз и образ : сочинения : в 2 т. М., 1999. Т. 1. 416 с.
 Булгаков С.Н. О богочеловечестве. Ч. III. Невеста агнца. Париж, 1945. 621 с.
 Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. 632 с.
 Замiatин Е.И. Мы // Избранное. М., 1989. С. 307–462.
 Кондратьева Д.А. Теократическая утопия В. Соловьева // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2017. Т. 7, № 6. С. 1305.
 Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 13–522.
 Новгородцев П.И. К вопросу о сущности теократии // *Вопросы философии и психологии*. 1899. Кн. III (48). С. 304–311.
 Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. СПб., 1994. 526 с.
 Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1988.
 Толстой А.Н. Аэлита // *Гиперболюид инженера Гарина*. Аэлита. М., 1985. С. 259–391.
 History, to be continued: The utopia of a diverse world / O.N. Barabanov, T.V. Bordachev, Y.D. Lisovolik, F.A. Lukyanov, A.A. Sushentsov, I.N. Timofeev. M., 2020. 28 p.
 Leontyev G.D., Kurashov V.I. Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Т. 9, № 1. С. 5176–5179. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9225.119119>.
 Leontyev G.D., Leontieva L.S. Dualism of Utopia: anti-systemic protest and social // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Т. 9, № 1. С. 5172–5175. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9224.119119>.

References:

- Alekseev, N.N. (1924) *Fundamentals of Legal Philosophy*. Prague, Plamya. (In Russian)
 Barabanov, O.N., Bordachev, T.V., Lisovolik, Y.D., Lukyanov, F.A., Sushentsov, A.A. & Timofeev, I.N. (2020) History, to be continued: The utopia of a diverse world. Moscow, Valdai Discussion Club Press.
 Belik, K.S. (2018) Theocratic utopia and its collapse in the philosophy of V.S. Solovyov. *ABYSS (Studies in Philosophy, Political science and Social Anthropology)*. (4), 20–25. (In Russian)
 Bulgakov, S.N. (1999) The Unfading Light. In: Bulgakov, S.N. *Prototype and Image*. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
 Bulgakov, S.N. (1945) On the Divine Humanity. Ch. 3. Bride of the Lamb of God. Paris, YMCA Press. (In Russian)
 Gumilyov, N.S. (1988) Poesy and Poems. Leningrad, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)
 Kondratieva, D.A. (2017) Theocratic utopia of V. Solovyov. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 7 (6), 1305. (In Russian)
 Leontyev, G.D. & Kurashov, V.I. (2019) Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1), 5176–5179. Available from: [doi:10.35940/ijitee.A9225.119119](https://doi.org/10.35940/ijitee.A9225.119119).
 Leontyev, G.D. & Leontieva, L.S. (2019) Dualism of Utopia: anti-systemic protest and social. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1), 5172–5175. Available from: [doi:10.35940/ijitee.A9224.119119](https://doi.org/10.35940/ijitee.A9224.119119).
 Novgorodtsev, P.I. (1991) *On the Social Ideal*. Moscow, Pressa, 13–522. (In Russian)
 Novgorodtsev, P.I. (1899) On the Essence of Theocracy. *Voprosy Filosofii i Psikhologii*. III, 304–311. (In Russian)
 Solovyov, V.S. (1994) Readings on Divine Humanity. Saint Petersburg, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)
 Solovyov, V.S. (1988) *Essays*. Moscow, Mysl'. (In Russian)
 Tolstoy, A.N. (1985) Aelita. In: Tolstoy, A.N. *Engineer Garin's Hyperboloid. Aelita*. Moscow, Pravda, 259–391. (In Russian)
 Zamyatin, E.I. (1989) We. In: Zamyatin, E.I. *Selected work*. Moscow, Pravda. (In Russian)

Информация об авторе

С.Л. Слободнюк – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.

Information about the author

S.L. Slobodnyuk – D.Phil., D.Phil. in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 77–85.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 77–85.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.11>

Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе

Владимир Анатольевич Морозков

Сургутский государственный университет, Сургут, ХМАО-Югра, Россия,
morozkov_va@surgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3989-8121>

Аннотация. Посягательства на установленный порядок оборота гражданского огнестрельного оружия, обуславливающий совершение резонансных преступлений повышенной общественной опасности, ведут к ужесточению законодательства в сфере оборота гражданского оружия в России. Дальнейшие ограничительные меры в сфере гражданского оборота огнестрельного оружия, доминирование карательного механизма административно-правового регулирования оборота оружия ведут к массовому сокращению владельцев оружия, значительному спаду рынка. В этой связи отсутствие реального регулятора реализации конституционно закрепленного баланса интересов в данной сфере несет нестабильность развития отрасли, ущемление законных интересов владельцев и пользователей гражданского огнестрельного оружия. Историко-правовой анализ развития правоотношений по регулированию гражданского оборота огнестрельного оружия в Российском государстве с конца XIII в. убедительно доказывает наличие взаимосвязи между политическим строем государства, социальными позициями, общественным настроением и правовой основой государственного регулирования и надзора в этой сфере. Автором выявлены основные закономерности развития механизма нормативно-правового регулирования в сфере оборота оружия в Российской Федерации в различные исторические периоды, установлены отличительные особенности в зависимости от внешних и внутренних угроз государству с учетом правосубъектности участников правоотношений.

Ключевые слова: гражданский оборот огнестрельного оружия, механизм государственного правового регулирования, правосубъектность участников, методы правового регулирования, организационно-экономические начала, историко-правовой аспект

Для цитирования: Морозков В.А. Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 77–85. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.11>.

Original article

Regulation of firearms civil circulation in Russia in historical and legal retrospective

Vladimir A. Morozkov

Surgut State University, Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Russia,
morozkov_va@surgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3989-8121>

Abstract. Encroachments on the established procedure for the circulation of civilian firearms, causing the commission of high-profile crimes of increased public danger, lead to the tightening of legislation in the field of circulation of civilian weapons in Russia. Further restrictive measures in the field of civilian circulation of firearms, the dominance of the punitive mechanism of administrative and legal regulation of the circulation of weapons lead to a massive reduction in gun owners and a significant decline in the market. In this regard, the lack of a real regulator for the implementation of the constitutionally fixed balance of interests in this area causes instability in the development of the industry, infringement of the legitimate interests of owners and users of civilian firearms. The historical and legal analysis of the development of legal relations regulating the civil circulation of firearms in the Russian state since the end of the 13th century convincingly proves the existence of a relationship between the political system of the state, social positions, public mood and the legal basis for state regulation and supervision in this area. The author identifies the main patterns of development of the mechanism of legal regulation in the field of arms trafficking in the Russian Federation in various historical periods, establishes distinctive features depending on external and internal threats to the state, taking into account the legal personality of the participants in legal relations.

Keywords: civil circulation of firearms, mechanism of state legal regulation, legal personality of participants, methods of legal regulation, organizational and economic principles, historical and legal aspect.

For citation: Morozkov, V.A. (2022) Regulation of firearms civil circulation in Russia in historical and legal retrospective. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 77–85. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.11](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.11) (In Russian).

Оборот гражданского огнестрельного оружия как фактор, детерминирующий совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в условиях социально-экономической нестабильности продолжает оставаться объектом пристального внимания государства и общества¹.

Анализ источников по теме исследования и правоприменительной практики наглядно показывает: недостаточно контролируемый субъектами надзора порядок обращения оружия и боеприпасов способен причинить существенный вред охраняемым законом интересам общества. На фоне резонансных преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, находящегося в гражданском обороте, позиция законодательных и исполнительных ветвей власти, гражданского общества состоит в усилении мер ответственности и ужесточении требований к владельцам оружия в целях общей превенции (Шаров, 2019: 194). На повышенной общественной опасности и тяжести последствий незаконного оборота оружия было акцентировано внимание и Министра МВД РФ В. Колокольцева в докладе на расширенном заседании коллегии, где было заявлено, что ежегодно в стране выявляется более 20 тыс. преступлений данной группы и имеет место тенденция увеличения².

Снижение степени общественной опасности в процессе оборота огнестрельного оружия вызывает тревогу и озабоченность в зарубежных странах, где предпринимаемые меры по усилению контроля являются малоэффективными. Так, в США, где право граждан на приобретение оружия закреплено конституционно, более 120 миллионов американцев теперь владеют оружием, находящимся в гражданском пользовании, что усугубляет ситуацию с количеством вооруженных преступлений³. Свод законодательства «О борьбе с насильственными преступлениями и обеспечении правопорядка» 1994 г. (Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994), установивший для определенных категорий граждан ограничения на выдачу оружия, предусматривает уголовную ответственность за его незаконный оборот. При этом массовые убийства в школах, например, в апреле 1999 г. (школа «Колумбайн»), в феврале 2018 г. (школа «Marjory Stoneman Douglas») вызвали дискуссию об ужесточении контроля над распространением огнестрельного оружия, дальнейшие исследования по установлению закономерностей влияния уровня механизма правового регулирования гражданского оборота огнестрельного оружия на уровень криминогенной обстановки в США, опубликованные в журнале Общественного здравоохранения (Gunn et al., 2021).

Для проведения анализа влияния законодательства об огнестрельном оружии на количество смертей, связанных с его применением, авторами была применена система пороговых значений индикативных показателей для диагностики законов об огнестрельном оружии во всех 50 штатах США за 1991–2017 гг. Критериями пороговых значений индекса общего подхода к регулированию огнестрельного оружия выступили показатели, характеризующие отдельные элементы признаков состава правонарушения, в том числе условия их совершения. Среди прочих авторами выделены несколько ключевых переменных, в том числе: регион США, время, владение оружием, процент населения штата, которое было белым, черным, живущим за чертой бедности, и старше 25 лет со степенью бакалавра, процент заключенных, уровень безработицы и уровень разводов.

Результаты исследования показали непосредственную зависимость между уровнем преступлений на уровне штатов и степенью ограничения доступа к огнестрельному оружию лиц, состоящих в группе «риска». В штатах, где механизм правового регулирования имеет ярко выраженный императивный характер, с преобладанием запрещающих норм, определяющих строгий порядок гражданского оборота, уровень преступлений, совершенных с применением оружия, был значительно ниже.

Российские исследователи данной проблематики к числу внешних факторов, обуславливающих рост незаконного оборота оружия и боеприпасов, относят: недостаточный государственный контроль; геополитическую нестабильность и социально-экономические потрясения; растущую потребность в незаконном обороте оружия; функционирование криминального рынка оружия, обусловленного усилением позиций организованной и транснациональной преступности и др. (Васнецова, Меркурьев, 2020: 9).

¹ Муркштис М.И. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 3.

² Расширенное заседание коллегии МВД России 17 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 06.05.2022).

³ How many people own guns in the USA as of 2021? [Электронный ресурс] // Quora. A place to share knowledge and better understand the world. URL: <https://www.quora.com/How-many-people-own-guns-in-the-USA-as-of-2021> (дата обращения: 06.05.2022).

Рассматривая конституционно-правовой аспект данной темы, следует напомнить, что права и свободы человека, провозглашенные Конституцией Российской Федерации и являющиеся высшей ценностью, должны не только определять смысл и содержание принятых законов, но и обеспечиваться независимым правосудием, государственным надзором по защите прав, свобод и достоинства личности (ст.ст. 2 и 18; ч.1 ст. 21).

Анализируя организационно-экономический характер регулирования гражданского оборота огнестрельного оружия, необходимо отметить, что он закреплен в ч. 1 ст. 8; ч. 1 ст. 34; ч. 2 ст. 35; ч. 1 ст. 37; ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и состоит в реализации прав и свобод каждого: на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами; свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Согласно данным Главного управления государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, число владельцев огнестрельного оружия ежегодно сокращается на 400 тыс. человек¹. Наряду с этим, по оценкам компании BusinesStat, крупнейшего в России и странах СНГ разработчика готовых обзоров промышленных и потребительских рынков, в 2016–2020 гг. продажи гражданского оружия в России снизились на 17,5 %: с 340 до 280 тыс. шт., и в 2019 г. достигли своего пятилетнего минимума – 273 тыс. шт.² К основным факторам, негативно влияющим на состояние отрасли, эксперты компании относят: слабую роль регуляторов в данной сфере; общее снижение интереса к охоте как форме досуга на фоне повышения стоимости оружия с патронами; государственную пошлину на его регистрацию; низкое качество услуг и слабо развитую инфраструктуру охотничьего хозяйства; снижение реальных располагаемых доходов россиян вследствие экономического кризиса; сокращение импорта оружия на фоне недружественной внешнеэкономической политики США и ее партнеров по НАТО; ужесточение законодательства в сфере оборота гражданского оружия в России.

В стратегии развития некоммерческой организации «Союз Российских оружейников имени М.Т. Калашникова» к угрозам развития российской отрасли производства стрелкового оружия и патронов к нему отнесены: ухудшение конъюнктуры внутреннего и внешних рынков; высокая волатильность курса национальной валюты; ограничения на закупку высокотехнологичного оборудования и услуг иностранного производства для реализации перспективных разработок в оружейной отрасли.

Дальнейшие ограничительные меры в сфере оборота гражданского оружия в России, в том числе предусмотренные Проектом № 1079629-7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты»³, значительно снизят его динамику, что приведет к спаду рынка. По мнению исполнительного директора Союза оружейников России Владимира Жихарева, последствия ужесточения правового регулирования не заставят долго ждать и повлекут у отечественных производителей сокращение до минимума выпуска образцов гражданского огнестрельного оружия, что приведет к суммарным потерям выручки российских производителей и продавцов в размере около 5 млрд руб. ежегодно⁴.

Учитывая степень повышенной общественной опасности оборота оружия, важнейшая функция в регулировании рассматриваемых правоотношений принадлежит Главному управлению государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и его территориальным подразделениям (далее по тексту – ПЛРР Росгвардии).

Исходя из содержания Федерального закона от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», основным ее предназначением является обеспечение государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Соответственно, все контрольно-надзорные функции ПЛРР Росгвардии направлены на выполнение законодательства Российской Федерации в области оборота оружия

¹ Количество держателей оружия серьезно сокращается [Электронный ресурс] // Охота и рыбалка. URL: <https://www.ohotniki.ru/weapon/smoothbore/article/2019/05/23/653941-kolichestvo-derzhateley-oruzhiya-serezno-sokraschaetsya.html> (дата обращения: 06.05.2022).

² Анализ рынка гражданского оружия в России в 2016–2020 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] // Готовые обзоры рынков. BusinesStat. URL: https://businesstat.ru/images/demo/civil_weapon_russia_demo_businesstat.pdf. (дата обращения: 06.05.2022).

³ Закон об оружии 2021: полный текст с поправками [Электронный ресурс] // Интернет-магазин «Мир охоты». URL: <https://www.huntworld.ru/blog/polnyy-tekst-popravok-k-zakonu-ob-oruzhiu/> (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Оружейники предупредили о миллиардных потерях из-за ужесточения закона [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/28/06/2021/60d470f29a79472743c873dc> (дата обращения: 06.05.2022).

именно в данном контексте. В этой связи реализация конституционных прав граждан на самооборону, занятие спортом, охотой, осуществление других социально полезных видов деятельности, по данному закону ложится на участников правоотношений при государственном надзоре органов прокуратуры. Отсутствие реального регулятора баланса интересов в данной сфере ведет к нестабильности развития отрасли, ущемлению законных интересов владельцев и пользователей гражданского огнестрельного оружия.

Приведенный анализ правоприменительной практики подразделений ЛПП Росгвардии наглядно отражает показатели данного направления деятельности: в 2018 г. было проведено 3,8 млн проверок обеспечения сохранности оружия гражданами, в ходе которых выявлено 237,2 тыс. административных правонарушений, из оборота изъято более 181 тыс. ед. гражданского оружия, в том числе у представителя коренного малочисленного народа Севера, поскольку в чуме отсутствовал сейф (Данилов, 2019: 69). В 2019 г. картина аналогичная – проведено 2,8 млн проверок по обеспечению сохранности гражданского оружия, в ходе которых было аннулировано 37,8 тыс. разрешительных документов¹.

Несомненно, вопросы обеспечения государственной и общественной безопасности в контрольно-надзорной деятельности за оборотом огнестрельного оружия, в том числе на фоне высокого общественного резонанса, связанного со стрельбой в учебных заведениях и умышленным причинением смерти, должны оставаться приоритетным направлением соответствующих органов власти и прокуратуры, но не превалировать над степенью «защищенности» прав и свобод человека и гражданина, не способствовать ущемлению реализации прав и законных интересов.

Правовой статус Прокуратуры Российской Федерации обязывает ее осуществлять надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в сфере гражданского оборота оружия с максимальной эффективностью².

Однако результаты проведенных научных исследований и анализ материалов прокурорской практики показывают, что нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина на всей территории России, в том числе и в сфере оборота оружия, по-прежнему носят массовый характер. Системный характер имеет нарушение конституционной нормы, устанавливающей право частной собственности применительно к обороту оружия. Кроме того, в практической деятельности правоохранительных органов часто встречаются факты принудительного отчуждения имущества граждан под предлогом его незаконного оборота без всякой перспективы равноценного возмещения или компенсации ущерба (Морозков, Морозков, 2021: 81).

Вопросы правового регулирования и, как следствие, юридической ответственности за нарушение правил в сфере оборота оружия становятся предметом рассмотрения с момента, когда возможные последствия неконтролируемых действий по обращению и применению оружия различными слоями населения начинают представлять определенную угрозу для действующей власти. Примерами тому являются факты покушения на убийство с использованием огнестрельного оружия таких известных политических деятелей советского периода как В.И. Ленин, В. Володарский, М. Урицкий, С.М. Киров, И.В. Сталин, Л.И. Брежнев и др.

Исследуя развитие правоотношений по регулированию оборота оружия в Российском государстве в ретроспективе, убеждаемся в наличии взаимосвязи между политическим строем государства, социальными позициями, общественным настроением, с одной стороны, и нормативно-правовой основой идеи создания правил контроля за обращением оружия со стороны государства, с другой стороны.

Первое упоминание об огнестрельном оружии в истории Руси относится к 1376 г., когда войско, собранное из москвичей и нижегородцев под командованием московского боярина и воеводы Дмитрия Боброк-Волынского совершило поход на Волжскую Булгарию³ с целью освобождения булгарских земель от влияния Золотой Орды. Из летописи известно, что впервые огнестрельное оружие было применено татарским войском против русичей в сражении перед Булгаром. По описанию летописца, сама стрельба была малозффективна, но громкие хлопки и запах серы, а также принцип стрельбы «армат» заинтересовали русичей, которые вывезли трофейные пушки в Московскую

¹ Количество держателей оружия серьезно сокращается [Электронный ресурс] // Охота и рыбалка. URL: <https://www.ohotniki.ru/weapon/smoothbore/article/2019/05/23/653941-kolichestvo-derzhateley-oruzhiya-serezno-sokraschaetsya.html> (дата обращения: 06.05.2022); Официальная статистика от Росгвардии [Электронный ресурс] // Охота и рыбалка. URL: <https://www.ohotniki.ru/weapon/smoothbore/article/2020/02/03/655815-ofitsialnaya-statistika-ot-rosgvardii.html> (дата обращения: 06.05.2022).

² Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Летописец содержащий Российскую историю от 6714/1206 лѣта, до 7042/1534 лѣта, то есть, до царствования Царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу. М., 1853. С. 89–90.

оружейную палату, где они были тщательно изучены, а впоследствии и усовершенствованы. Спустя шесть лет, 23 августа 1382 г., модернизированные пушки были успешно применены русичами при осаде Москвы татарским князем Тохтамышем. Среди основных боевых характеристик огнестрельного оружия выделялись мощность, скорострельность и дальность полета снаряда.

Летопись Нестора принято считать началом развития российского законодательства об оружии. Исследование данного источника показывает, что на начальном этапе развития правового регулирования оборота оружия составлялись лишь индивидуальные локальные акты, отражающие особенности оборота оружия на отдельных территориях, а правила оборота оружия устанавливались к конкретным ситуациям или в отношении отдельных лиц.

Анализ средневековых источников права показывает, что Судебник Ивана Третьего 1497 г., являющийся первым общерусским законом, не предусматривал меры наказания за незаконный оборот оружия, а само понятие «незаконный оборот оружия» не рассматривалось в качестве признака общественной опасности. Появление Судебника ознаменовало закрепление юрисдикции великого князя на всю территорию централизованного государства и введение императивного характера в сфере административных процедур (контрольно-надзорное производство за оборотом оружия). Обеспечение контрольно-надзорного производства оружия, проверка мест хранения, его изъятие в случаях установления правовых деликтов, конфискация осуществлялись под юрисдикцией царя.

По мнению И.Б. Беляева, в начале XVII столетия «закон еще никому не запрещал владеть оружием в европейской части Руси»¹. Известно также, что вооруженные подданные обеспечивали государству стабильность общественной безопасности, так как были способны обеспечить защиту себе и окружающим от опасности (стрельцы, казаки, охотие люди).

Развитие правоотношений в данной сфере способствовало росту экономики, в том числе и развитие оружейного производства, популяризация любительской охоты и спортивной стрельбы. Это было связано с тем, что царь Алексей Михайлович Романов, сам являясь большим знатоком оружия и любителем охоты, способствовал развитию ружейного дела, становлению производственной базы, а также вопросов правового регулирования и контроля за оборотом оружия. В своде законов Русского царства, принятом Земским собором в 1649 г. была приведена классификация основных норм по отраслям права, установлен правовой режим оборота огнестрельного оружия, включая порядок производства, продажи, а также механизм применения мер административной и уголовной ответственности.

На фоне свободного оборота оружия, установленного законодательством, отдельные ограничения касались правил его ношения и применения на объектах государственной важности (государева двора), в присутствии царя и на маршрутах патрулирования определенных территорий без особого царского указа. Так, согласно ст. 3 главы III за обнажение и применение оружия в присутствии царя с причинением смерти или вреда здоровью, или в его отсутствии (ст. 6) предусматривалась смертная казнь с возмещением причиненного вреда. Менее тяжкое наказание (насколько это корректно) в виде отсечения руки предусматривалось за попытку применения оружия в указанных присутственных местах. Статьями Закона предусматривалось также наказание за появление с оружием в общественных местах и убийство домашних животных: «...а будет кто собаку убьет ручным боем не из ружья, боронясь от себя...»².

Нормами Соборного уложения 1649 г. регулировались вопросы гражданско-правового регулирования изготовления и сбыта оружия. В частности, в статье 2 главы XXIV кузнецам-оружейникам предоставлялось право заниматься частным оружейным производством и его свободной продажей с определением размера налога.

Большое значение в развитии отечественного законодательства в сфере оборота оружия наряду с внутренними факторами имели и внешние, обуславливающие укрепление национальной обороны. Так, последствия печально известного Крымского похода на Москву (город был сожжен, в плен угнано более 100 тыс. человек) нашли отражение в Указе 1652 г. «О бытии в готовности всяких чинов людям со всяким воинским снарядом против нашествия крымского хана». В указанном источнике регламентировался порядок оборота оружия в условиях действия режима военного положения, где права граждан не ограничивались, а усиливались. Государство как правовой регулятор выполняло функцию по организации защиты населения от внешнего врага с помощью оружия. В описываемый период владение огнестрельным оружием являлось фактором безопасности и поощрялось государством как способ защиты и гарант безопасности подданных.

¹ Я дам вам парабеллум. Как и кому продавали оружие в Российской империи [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2017/07/02/before_the_revolution/ (дата обращения: 06.05. 2022).

²См.: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 77.

Приоритетность в законодательстве норм, ограничивающих гражданский оборот оружия с целью обеспечения порядка управления и общественной безопасности, сохранялась вплоть до начала XVIII в. В качестве примера можно привести Указ от 25 октября 1682 г., Именной (царский указ) с Боярским приговором от 20 октября 1684 г., а также аналогичные по тексту «Статьи обье-езжим головам» от 19 марта 1686 г.

По сути, основы традиции правового регулирования оборота оружия, регламентированные в Соборном уложении 1649 г., в Петровский период правления остались неизменными и по ряду положений сохранились в отечественном законодательстве вплоть до 1917 г., то усиливая, то ослабляя охранительно-карательную функцию механизма правового регулирования с усилением акцента на императивный характер методов правового регулирования в данной сфере в зависимости от социально-политической ситуации.

Ужесточение механизма правового регулирования огнестрельного оружия эпохи государственно-административных преобразований императора Петра I обусловлено возросшей степенью внутренних и внешних угроз. Существующий на тот период порядок оборота оружия контролировали воеводы, под учетом которых находилось огнестрельное оружие и снаряжение. Соответственно, стрельцы неподконтрольных государственной власти воинских формирований численностью около 2,2 тыс. человек, принявшие участие в бунте 15 (25) мая 1682 г., были вооружены пищалями со свинцом и порохом.

На этом фоне риски реализации военной и административной реформы в периоды Азовской кампании и Северной войны связаны, в первую очередь, с вооружением огнестрельным оружием огромного числа воинских формирований регулярной армии и флота.

В этой связи принятие «Артикула воинского с кратким толкованием» от 26 апреля 1715 г. и «Морского устава» от 13 января 1720 г. обеспечивало реализацию мер юридической ответственности в том числе за сам факт хищения военного имущества, оружия и боеприпасов¹. От лиц, владеющих оружием, требовалась не только боевая выучка, но, прежде всего, соблюдение внутреннего порядка в воинских подразделениях, четкое и безукоризненное выполнение приказов командиров, жесткая служебная дисциплина и повышенное внимание к сохранности оружия и боеприпасов. Помимо этого, к юридической ответственности за незаконный оборот оружия привлекались и гражданские лица. Здесь следует обратить внимание на мастерство русских оружейников. Производимое в стране огнестрельное оружие в период Северной войны было по цене в семь раз дешевле английского и имело высочайшее качество, отличалось меткостью, кучностью боя и простотой обслуживания, что являлось одним из трендов развития внешнеторговой деятельности.

Вторая половина XVIII в. открывает новый этап развития правоотношений в сфере оборота оружия и характеризуется определенной степенью либерализации гражданского оборота оружия, что придало новый импульс его развитию. На фоне увеличения выпуска новых образцов огнестрельного спортивного и охотничьего оружия, появляются и старые образцы боевого стрелкового оружия, подвергшиеся в оружейных мастерских конструктивным изменениям и дизайну. Вместе с тем оружие было доступно лишь представителям имущих слоев населения, поскольку мушкеты и пистолы стоили дорого. Кроме того, значительная часть русского населения находилась в крепостной зависимости.

Особое место в развитии оружейного дела второй половины XVIII в. занимает Указ Правительствующему Сенату Екатерины Второй от 25 июня 1782 г. «О мерах по развитию Тульского оружейного завода, совершенствованию управления им и обеспечению Высочайше дарованных прав оружейников». Приоритет был отдан изготовлению боевого стрелкового оружия, был установлен срок его использования, после истечения которого оружейникам предоставлялось право на его конструктивные изменения для гражданского оборота. Был введен и четко определен порядок оборота боевого огнестрельного оружия и назначен надзорный орган за его исполнением в лице Кригс-Комиссариата.

Самым прогрессивным, на наш взгляд, является содержание статьи 13 Указа, где определен механизм поощрения развития оружейного производства – «повелеваем отпускать ежегодно казенного железа по двадцать пять тысяч пудов по той же самой цене, по которой оное на заводе для дела оружия доставлением обходиться будет, с прибавлением по два процента на дела полезные, относящиеся к попечению Приказа общественного призрения в пользу самих же оружейников». Статьей 24 Указа была предоставлена полная свобода внутреннего оборота оружия и внешней торговли с уплатой умеренной пошлины.

¹ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода становления абсолютизма. Том 4. М., 1986. С. 362.

Необходимо подчеркнуть, что увеличение объемов выпуска и продажи оружия, боеприпасов и снаряжения как источников повышенной общественной опасности сопровождалось совершенствованием системы контроля и учета, в том числе путем использования процедуры клеймения, что позволяло осуществлять учет движения оружия на всех стадиях оборота.

Период второй половины XIX и начала XX вв. характеризуется дальнейшим развитием законодательства в сфере гражданского оборота оружия. В нормах «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года»¹ не предусматривалась ответственность за гражданский оборот оружия как объекта правового регулирования в сфере общественной безопасности и порядка управления. Эта прогрессивная тенденция сыграла в дальнейшем положительную роль в формировании традиции регламентации охотничьего оружия, закрепившейся в российской и советской законодательной базе: оборот спортивно-охотничьего оружия как активный вид досуга или образа жизни был максимально либерален и не считался противоправным или общественно опасным, в том числе для политических оппонентов. Примером тому являются условия отбывания административной ссылки по приговору суда политического заключенного В.И. Ульянова (Ленина) в селе Шушенском за революционную деятельность в 1897–1900 гг., где поднадзорный регулярно ходил на охоту с ружьем, в том числе в компании надзирателя, бывшего фельдфебеля Заусайлова².

Обострение внешнеполитической обстановки накануне Русско-японской войны и внутривнутриполитической обстановки, вызванной революционными событиями 1905–1907 гг., не касается ограничений гражданского оборота оружия. Представляется любопытным содержание утвержденного императором Николаем II положения Совета министров «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия», где регуляторами оборота назначались генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники, в перечень предметов ограничения охотничьего ружья и припасы к ним не входили³.

Анализируя правоприменительную практику в области оборота гражданского оружия описываемого периода, профессор Императорского Московского университета И.Т. Тарасов отмечал, что, невзирая на несомненную опасность от неосторожного, неумелого и злоумышленного пользования оружием, запрещение иметь оружие никоим образом не может быть общим правилом, а лишь исключением⁴. Немаловажно, что в дореволюционный период губернаторы имели широкие полномочия по регулированию правоотношений на вверенной территории, в том числе диспозитивного и рекомендательного характера, с учетом местной обстановки, традиций, развития промыслов, а также самозащиты населения.

Нелегитимная смена власти в результате октябрьского вооруженного переворота в октябре 1917 г. привела к кардинальным переменам правоотношений, в том числе и в сфере оборота оружия. Исходя из посыла о том, что оружие являлось ключевым аргументом политического противостояния, советская власть жестко ограничила распространение оружия и боеприпасов, опасаясь вооруженного сопротивления населения проводимой политике.

К примеру, в соответствии с Декретом СНК РСФСР «О сдаче оружия» от 10 декабря 1918 г., граждан и учреждения обязывали сдавать все виды стрелкового оружия и патроны к нему⁵. В качестве санкций за любые способы укрывательства оружия от сдачи, просрочку его сдачи или противодействие сдаче военно-революционным судом в качестве основного вида наказания применялись лишение свободы на срок от одного года до десяти лет⁶. Декрет СНК РСФСР от 12 июля 1920 г. «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним» устанавливал исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право на хранение и пользование огнестрельного оружия⁷.

В период после Великой отечественной войны государственная политика в отношении гражданского огнестрельного оружия была несколько ослаблена. В частности, была разрешена свободная (без предъявления охотничьих билетов) продажа охотничьих гладкоствольных ружей. Однако

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1889. С. 416.

² В.И. Ленин в сибирской ссылке в Шушенском [Электронный ресурс] // Газета Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/v_i_lenin_v_sibirskoj_ssilke_v_shushenskom (дата обращения: 06.05.2022).

³ Законодательство об огнестрельном оружии [Электронный ресурс] // Портал охотничьего, спортивного и экстерьерного собаководства. URL: <https://setter.dog/stati/2306-zakonodatelstvo-ob-ognestrelnom-oruzhii.html> (дата обращения: 06.05.2022).

⁴ Тарасов, И.Т. «Очерки науки полицейского права». Пособие для слушания лекций. Т. 2. М., 1897. С. 85.

⁵ Декреты Советской власти. Т.4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 197–199 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/8910-t-4-10-noyabrya-1918-g-31-marta-1919-g-1968#mode/inspect/page/217/zoom/4> (дата обращения: 06.05.2022).

⁶ Петров А.В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 12.

⁷ Ленин, В.И. и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 395.

11 мая 1959 г. постановлением Совета министров СССР №478 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» правила гражданского оборота оружия были ужесточены. Гладкоствольные охотничьи ружья продавались гражданам только по предъявлении охотничьих билетов, за исключением районов промысловой охоты. Продажа ружей совхозам, колхозам, другим организациям и предприятиям для охраны производилась по письменным требованиям их руководителей.

В утвержденном постановлении Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548 Положении об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР была представлена полная регламентация вопросов правосубъектности в этой сфере. Например, согласно ст. 14, правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием могли пользоваться все граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста, сдавшие испытания по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием и уплатившие государственную пошлину в установленном размере¹. Что особенно важно, статьей 17 Положения был прописан порядок выдачи охотничьих билетов, учета охотников и их вооруженности и указан специальный контрольный орган в лице Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. Частью второй указанной статьи были определены порядок и сроки получения лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного оружия и охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом в органах внутренних дел.

Результаты исследования наглядно подтверждают важнейшую роль законодательства и субъектов правоприменения в развитии нормативно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия как фактора сдерживания уровня насилия с учетом степени общественной опасности особенностей порядка управления.

Среди основных факторов, негативно влияющих на состояние отрасли, выделены: ужесточение законодательства в сфере оборота гражданского оружия в России; доминирование карательных мер в механизме административно-правового регулирования оборота оружия.

История развития правоотношений в России в сфере гражданского оборота огнестрельного оружия с конца XIII в. свидетельствует о том, что на протяжении семи веков владение, ношение и использование гражданского огнестрельного оружия является неотъемлемым правом каждого законопослушного и психически здорового гражданина.

Историко-правовой анализ развития правоотношений по регулированию оборота оружия в Российском государстве в ретроспективе наглядно демонстрирует корреляционную зависимость механизма правового регулирования правоотношений в сфере гражданского оборота огнестрельного оружия в различные исторические периоды, в зависимости от внешних и внутренних угроз государству с учетом интересов субъекта и объекта управления.

Важнейшим условием развития механизма нормативно-правового регулирования в сфере оборота оружия в Российской Федерации с учетом реализации законных прав и интересов всех участников правоотношений должен быть комплексный подход к исследованию проблемы в данной сфере.

Значительная роль в реализации прав и законных интересов граждан в сфере оборота оружия, а также популяризации оружия и деятельности, связанной с использованием оружия, в том числе на региональном и муниципальном уровнях, включая гражданское общество, напрямую зависит как от контрольно-надзорных органов, так и от активности всех заинтересованных сторон.

Список источников:

Васнецова А.С., Меркурьев В.В. Методологические аспекты противодействия криминальному рынку оружия // Противодействие незаконному обороту оружия в России: сб. материалов круглого стола (Москва, 25 сентября 2019 г.). М., 2020. 148 с.

Данилов М.Л. О полномочиях сотрудников полиции в сфере контроля за оборотом оружия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 4. С. 68–71.

Морозков В.А., Морозков А.В. К вопросу о соотношении объекта и предмета прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере оборота оружия в контексте реализации конституционных прав граждан // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. 2021. № 2. С. 78–82. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.02.12>.

Шаров К.В. Противодействие незаконному обороту оружия в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. №1. С. 191–198. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.1.191-198>.

Gunn J.F. III, Boxer P., Andrews T., Ostermann M., Bonne S. L., Gusmano M., Sloan-Power E., Hohl B. The Impact of Firearm Legislation on Firearm Deaths, 1991–2017. // Journal of Public Health. fdab047. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdab047>.

¹ «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» (утв. Постановлением Совмина РСФСР от 10.10.1960 N 1548) (ред. от 03.05.1994, с изм. от 19.12.1994) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

- Danilov, M.L. (2019) The question of the powers of the police commissioners in the sphere of control of circulation of weapons. *Problems of law enforcement activity*. (4). 68–71. (In Russian)
- Gunn, J.F. III, Boxer, P., Andrews, T., Ostermann, M., Bonne, S. L., Gusmano, M., Sloan-Power, E., Hohl, B. The Impact of Firearm Legislation on Firearm Deaths, 1991–2017. *Journal of Public Health*. fdab047. Available from: <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdab047>. 13 April 2021.
- Morozkov, V.A., Morozkov, A.V. (2021) On the question of relationship of the object and the subject of prosecutor's supervision over the implementation of legislation in the field of arms circulation in the context of implementation of the constitutional rights of citizens. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Economics and law*. (2). 78–82. Available from: <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.02.12>. (In Russian)
- Sharov, K.V. (2019) Opposition to illegal arms trafficking in the Russian Federation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*. (161: 1). 191–198. Available from: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.1.191-198>. (In Russian)
- Vasnetsova, A.S., Merkuriev, V.V. (2020) Metodologicheskiye aspekty protivodeystviya kriminal'nomu rynku oruzhiya [Methodological aspects of counteraction to the criminal arms market]. In: *Protivodeystviye nezakonnomu obrotu oruzhiya v Rossii [Counteraction to illicit arms trafficking in Russia: Sat. materials of the round table discussion (Moscow, September 25, 2019)]*. Moscow. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Морозков – кандидат юридических наук, доцент, Сургутский государственный университет, Сургут, ХМАО-Югра, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=750327.

Information about the author

V.A. Morozkov – PhD in Law, Associate Professor, Surgut State University, Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=750327.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 86–90.
Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. P. 86–90.

Научная статья

УДК 346.93

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.12>

**Ответственность за неспортивное поведение: аргументы «за» и «против»
(решение CAS по делу БК «Арсенал»)**

Дмитрий Александрович Афанасьев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
d.afanasev123@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования статьи является вопрос спортивной ответственности лиц за нарушение принципов «спортивного духа» и «честной игры» в ходе соревнований. Рассматривается проблема отстранения спортивных клубов от участия в спортивных соревнованиях по названному основанию на примере решения Спортивного арбитражного суда (далее – CAS) по делу CAS 2019/A/6636 БК «Арсенал» против Российской федерации баскетбола (далее – CAS 2019/A/6636). Отдельно обращается внимание на применение CAS принципа *contra proferentem* в данном кейсе. Автор анализирует стандарт и предмет доказывания по вопросу установления факта неспортивного поведения спортсменов, сравнивает с доказыванием по делам о манипулировании результатами матчей. Оцениваются перспективы развития данной практики. Также автором рассматриваются потенциальные преимущества и риски развития данной правоприменительной практики для спортивных федераций и клубов.

Ключевые слова: спортивный арбитражный суд, спортивная ответственность, честная игра, неспортивное поведение, принцип *contra proferentem*.

Для цитирования: Афанасьев Д.А. Ответственность за неспортивное поведение: аргументы «за» и «против» (решение CAS по делу БК «Арсенал») // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 86–90. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.12>.

Original article

The liability for lack of sportsmanship, for and against: CAS decision on BC Arsenal case

Dmitrii A. Afanasev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, d.afanasev123@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the issue of responsibility of persons for violating the principles of sportsmanship and fair play during competitions. The problem of the suspension of sports clubs from participating in sports competitions on the above basis is considered on the case of the decision of the Court of Arbitration for Sport (CAS) CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (CAS 2019/A/6636). Separately, attention is drawn to the application of the CAS principle of *contra proferentem* in this case. The author analyzes the standard and the subject of proof on the issue of establishing the fact of lack of sportsmanship of athletes, compared with the evidence in cases of manipulation of the results of matches. The prospects for the development of this practice are evaluated. The author also examines the potential advantages and risks of the development of this law enforcement practice for sports federations and clubs.

Keywords: sport law, Court of Arbitration for Sport, sport responsibility, fair play, lack of sportsmanship, the principle of *contra proferentem*

For citation: Afanasev, D.A. (2022) The liability for lack of sportsmanship, for and against: CAS decision on BC Arsenal case. *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 86–90. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.12](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.12) (In Russian).

Неспортивное поведение выступает одной из угроз профессиональному спорту. Однако исключение клуба из числа участников соревнования «за нарушение духа соперничества и честной игры», не приравненное к манипулированию спортивным результатом, на сегодня является редким случаем¹. По этому основанию Исполком Российской федерации баскетбола (далее – РФБ) исключил из состава участников XXIX Чемпионата России по баскетболу среди мужских

¹ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020) [Электронный ресурс] // Court of Arbitration for Sport (дата обращения: 06.05.2022).

клубов/команд Суперлиги – Второй дивизион (далее – Чемпионат) БК «Арсенал» (Тула) (далее – «Арсенал»)¹.

«Арсенал» оспорил данное решение Исполкома РФБ в CAS по следующим основаниям:

1) решение Исполкома РФБ основано на предположениях, и отсутствуют доказательства вины клуба;

2) регламент Чемпионата не предусматривал санкции за нарушение принципа честной игры.

РФБ просила CAS отказать в удовлетворении апелляционной жалобы².

Сразу отметим, что CAS отказал в удовлетворении требований «Арсенала» по следующим основаниям:

CAS подтвердил, что имело место неспортивное поведение игроков «Арсенала»³. На записи матча было видно, что игроки «Арсенала» с середины четвертой четверти играли пассивно, выбрасывали мяч за пределы корта, совершали необязательные фолы и иные действия, не характерные для «обычных» матчей⁴. Объяснения такой игры CAS не получил⁵.

Возможно, «Арсенал» не пытался предоставить объяснения в связи с тем, что президент клуба в интервью, которое он дал после матча, указал, что действия игроков его команды явились реакцией на поведение команды противника, чем подтвердил факт неспортивного поведения⁶. Отметим, что «странные» действия «Динамо Ставрополь» начались на 2 минуты позже, чем неспортивное поведение «Арсенала»⁷.

Факт использования CAS видеозаписи как основного доказательства позволяет спортивным федерациям активно привлекать нарушителей за неспортивное поведение. Однако в будущем, возможно, данная практика будет скорректирована в пользу клубов, и федерациям потребуется предоставить больше доказательств умышленного неспортивного поведения, так как в данном деле клуб, де-факто, не привел аргументы против позиции РФБ.

В то же время факт «плохого» выступления игроков не является доказательством манипулирования результатами соревнований, которое также выступает одним из видов неспортивного поведения⁸. CAS признал такое манипулирование специальным правонарушением относительно неспортивного поведения (в статье спортивная ответственность рассматривается как разновидность корпоративной ответственности) (Амиров, 2010: 121; Завгородний, 2019: 54)⁹.

Таким образом, CAS подтвердил, что возможны два способа борьбы с нарушением принципа спортивного состязания, выразившихся в неспортивном поведении на соревновании, при наличии в регламенте спортивной федерации соответствующих норм:

- в случае если установлен факт манипулирования результатами соревнований, возможно привлечение субъекта спорта к ответственности;

- в случае если отсутствовал корыстный умысел, возможно привлечение субъекта спорта к ответственности за неспортивное поведение¹⁰.

В случае если имело место неспортивное поведение при отсутствии корыстного умысла, для привлечения к ответственности клуба необходимы:

- достаточно убедительные доказательства неспортивной игры¹¹;

¹ Тульский «Арсенал» исключен из числа участников Чемпионата России [Электронный ресурс] // Главная страница / Российская федерация баскетбола. URL: <https://russiabasket.ru/news/36438/tulskij-arsenal-isklyuchen-iz-chisla-uchastnikov-chempionata-rossii> (дата обращения 06.05.2022).

² Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020). Par. 57.

³ Ibid. Par.147.

⁴ Ibid. Par.145.

⁵ Ibid.

⁶ Виктор Усков прокомментировал исключение БК "Арсенал" из числа участников Чемпионата России [Электронный ресурс] // Новости Тулы и Тульской области. URL: <https://www.tula.kp.ru/daily/27066/4135007/> (дата обращения: 06.05.2022).

⁷ Тульский «Арсенал» исключен из числа участников Чемпионата России [Электронный ресурс] // Главная страница / Российская федерация баскетбола. URL: <https://russiabasket.ru/news/36438/tulskij-arsenal-isklyuchen-iz-chisla-uchastnikov-chempionata-rossii> (дата обращения 06.05.2022).

⁸ Arbitration CAS 2013/A/3256 Fenerbahçe Spor Kulübü v. Union of European Football Association (UEFA), award of 11 April 2014 (operative part of 28 August 2013) [Электронный ресурс] // Court of Arbitration for Sport (дата обращения: 06.05.2022).

⁹ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020). Par.116.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. Par.145.

• отсутствие уважительных причин данных действий, например, реакция игроков на расистское поведение болельщиков¹.

Таким образом, доказывание факта неспортивной игры значительно отличается от доказывания манипулирования результатами матча².

Следовательно, РФБ было представлено достаточно убедительных для CAS доказательств неспортивного поведения игроков «Арсенала».

Также отметим, что «Арсенал» выигрывал на момент начала «странный» игры. В случае, если бы клуб основывал позицию на том, что это была «особая» тактика и отсутствовали другие сведения от руководства клуба, то видеозаписи и экспертного заключения, возможно, было бы недостаточно.

Таким образом, в случае рассмотрения аналогичного спора в будущем для установления факта неспортивного поведения, вероятно, потребуются иные доказательства, помимо видеозаписи матча, например, экспертные заключения.

1. CAS указал, что регламент Чемпионата предусматривал санкции за нарушение справедливости, которое являлось грубым «оскорблением духа спорта»³.

Согласно п. 7.2 регламента Чемпионата, все клубы/команды должны руководствоваться принципами честного делового партнерства, справедливости, уважения к соперникам, судьям, зрителям. В соответствии с п. 8.1 регламента Чемпионата клуб/команда может быть исключена из числа участников соревнований, либо результаты выступления могут быть аннулированы за грубые нарушения регламента, когда нарушения повлекли финансовый урон РФБ, негативно повлияли на проведение соревнований⁴.

«Арсенал» оспаривал правомерность исключения из Чемпионата на основании данных положений регламента Чемпионата, однако CAS отметил, что:

- имел место косвенный финансовый ущерб, т. к. «в самом простом смысле негативная пресса сама по себе косвенно влияет на вовлеченность болельщиков в спорт и желание спонсора присоединиться к лиге и т. д.»;

- имел место большой интерес со стороны СМИ, которые осудили поведение команд, что явно наносит ущерб имиджу соревнований⁵.

В части косвенного финансового ущерба CAS отошел от сложившейся практики необходимости доказывания ущерба (Васильев, 2021: 240). Данное признание наличия косвенного финансового ущерба в отсутствии доказательств реального ущерба и упущенной выгоды вызывает сомнения.

В части негативного влияния на проведение соревнований вследствие освещения в СМИ матча, представляется, что одного факта наличия критики в СМИ недостаточно для исключения команды из соревнований, так как критика клубов в масс-медиа является достаточно частым явлением, и исключение клуба только на основании критики представляется несоразмерным.

Исходя из вышесказанного, нельзя не согласиться с позицией CAS, что данное нарушение являлось грубым. «Арсенал» «играл без всякого уважения к игре, к сопернику, к зрителям и ко всем любителям баскетбола»⁶, однако вызывает сомнение уровень влияния данного матча на Чемпионат и размер финансовых потерь РФБ.

2. CAS указал, что санкция является соразмерной. «Арсенал», основываясь на толковании иных норм регламента Чемпионата, указывал, что нарушения являются повторными, если совершены в течение одного сезона, а предыдущее аналогичное нарушение произошло за пределами текущего спортивного сезона (клубу было вынесено предупреждение «за нарушение духа спортивного соперничества и честной игры в сезоне – 2017/18»). CAS согласился с РФБ в том, что

¹ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020). Par. 146.

² Arbitration CAS 2013/A/3256 Fenerbahçe Spor Kulübü v. Union of European Football Association (UEFA), award of 11 April 2014 (operative part of 28 August 2013) [Электронный ресурс] // Court of Arbitration for Sport (дата обращения: 06.05.2022); Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020) [Электронный ресурс] // Ibid (дата обращения: 06.05.2022).

³ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020), par.147.

⁴ Регламент Чемпионата и Кубка России по баскетболу среди мужских и женских клубов/команд сезона 2019/20 гг.

⁵ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020), par.151.

⁶ Ibid. Par.147.

нарушение правил честной игры спустя год после предшествующего аналогичного нарушения является повторным, клуб был предупрежден об этом¹.

Однако вызывает сомнения логика CAS в части признания нарушения повторным. Поскольку ни в Регламенте, ни в решении Директората РФБ от 04.04.2018 о привлечении «Арсенала» к ответственности не указан срок, в течение которого правонарушение считается повторным², представляется, что в первую очередь необходимо использовать системное толкование Регламента. Толкование «предупреждения» без указания срока, в течение которого нарушение считается повторным, приводит к нарушению принципа предсказуемости санкций (Васильев, 2021: 240).

В то же время «Арсенал» указывал, что, согласно п. 85.10 Регламента, «в целях определения повторности нарушений учитываются нарушения, совершенные участником Соревнований персонально с начала спортивного сезона». CAS отметил, что данный пункт не применяется к клубам³. Однако в связи с отсутствием других общих норм о сроках, в течение которых нарушение считается повторным, представляется, что применение нормы по аналогии допустимо. Отметим, что в значительном количестве норм установлен срок, в течение которого дисциплинарные нарушения считаются повторными⁴.

Исходя из вышесказанного, с учетом принципа *contra proferentem*, более убедительной представляется позиция клуба. Однако CAS, сославшись на данный принцип при рассмотрении вопроса своей юрисдикции в отношении спора, не стал применять его при рассмотрении фактических обстоятельств⁵.

РФБ указала, что CAS неправомочен рассматривать спор, поскольку согласно п. 94.1, 94.6 Регламента, спор находился в юрисдикции арбитража, администрируемого «Национальным Центром Спортивного Арбитража» (далее – НЦСА), а CAS правомочен рассматривать спор только в качестве «крайней инстанции», согласно п. 94.7 Регламента⁶.

CAS согласился с доводами «Арсенала» о компетенции в рассмотрении спора в связи с тем, что, согласно п. 94.7 Регламента, в качестве последней инстанции споры могут быть рассмотрены либо в НЦСА, либо CAS, что не ограничивает право на обжалование решения РФБ в CAS. Коллизия, исходя из принципа *contra proferentem*, должна решаться в пользу клуба.

Признание юрисдикции CAS на основании принципа *contra proferentem* представляется правомерным. Однако причины неприменения данного принципа при оценке фактических обстоятельств, когда позиция клуба более мотивированная, вызывают сомнение.

Несмотря на бесспорность факта неспортивного поведения, решение CAS вызывает сомнения. Следуя логике CAS, расширительное толкование норм об исключении команд из соревнований является правомерным средством борьбы с неспортивным поведением. Также возникают сомнения в части доказывания ущерба проведению соревнований только на основании публикаций в СМИ.

Список источников:

Амиров И.М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы // Общество и право. 2010. № 4. С. 120–127.

Васильев И.А. Принцип соразмерности и строгая ответственность футбольных клубов за поведение болельщиков в соревнованиях УЕФА // Правоприменение. 2021. Т 5. № 3. С. 232–248. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(3\).232-248](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(3).232-248).

Завгородний А.В. Особенности и проблемы правового регулирования труда спортсменов и тренеров в Российской Федерации. М., 2019. 152 с.

References:

Amirov, I.M. (2010) Features of legal responsibility in sports sphere: to problem statement. *Society and law*. (4). 120–127. (In Russian)

Vasilyev, I.A. (2021) The principle of proportionality and strict liability of football clubs for the behavior of spectators at UEFA competitions. *Law Enforcement Review*. (5:3). 232–248. Available from: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(3\).232-248](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(3).232-248). (In Russian)

¹ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020). Par.168, 169.

² Ibid. Par.168.

³ Ibid. Par.166.

⁴ Регламент Чемпионата и Кубка России по баскетболу среди мужских и женских клубов/команд сезона 2019/20 гг.

⁵ Arbitration CAS 2019/A/6636 BC Arsenal v. Russian Basketball Federation (RBF), award of 3 August 2020 (operative part of 8 April 2020), par.76.

⁶ Ibid. Par.72.

Zavgorodny, A.V. (2019) Osobennosti i problemy pravovogo regulirovaniya truda sportsmenov i trenerov v Rossiyskoy Federatsii [Features and problems of legal regulation of the work of athletes and coaches in the Russian Federation]. Moscow: Prospekt. (In Russian)

Информация об авторе

Д.А. Афанасьев – магистрант 2 курса Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1106732.

Information about the author

D.A. Afanasev – 2nd year Master's Degree student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1106732.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 17.05.2022.

График выхода журналов

2022

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	2 февраля
№ 3	2 марта
№ 4	6 апреля
№ 5	4 мая
№ 6	1 июня
№ 7	6 июля
№ 8	10 августа
№ 9	7 сентября
№ 10	5 октября
№ 11	2 ноября
№ 12	7 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	9 февраля
№ 3	16 марта
№ 4	13 апреля
№ 5	11 мая
№ 6	8 июня
№ 7	13 июля
№ 8	17 августа
№ 9	14 сентября
№ 10	12 октября
№ 11	9 ноября
№ 12	14 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 1	19 января
№ 2	16 февраля
№ 3	23 марта
№ 4	20 апреля
№ 5	18 мая
№ 6	15 июня
№ 7	20 июля
№ 8	24 августа
№ 9	21 сентября
№ 10	19 октября
№ 11	16 ноября
№ 12	21 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 1	26 января
№ 2	24 февраля
№ 3	30 марта
№ 4	27 апреля
№ 5	25 мая
№ 6	22 июня
№ 7	27 июля
№ 8	31 августа
№ 9	28 сентября
№ 10	26 октября
№ 11	23 ноября
№ 12	28 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Оригинал-макет: К.Г. Угулава

Сдано в набор 17.05.2022
Подписано в печать 18.05.2022
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru